3

А. Т. ТВАРДОВСКИЙ

А. Т. ТВАРДОВСКИЙ

3

А. Т. ТВАРДОВСКИЙ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

В ШЕСТИ ТОМАХ

МОСКВА
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
1978

А. Т. ТВАРДОВСКИЙ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ТОМ ТРЕТИЙ

СТИХОТВОРЕНИЯ

(1946—1970)

ПОЭМЫ

ЗА ДАЛЬЮ — ДАЛЬ

ТЕРКИН НА ТОМ СВЕТЕ

МОСКВА
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
1978

Р2
Т26

Примечания
А. ТУРКОВА и Р. РОМАНОВОЙ

Оформление художника
Г. ЧЕХОВСКОГО

Т $\frac{70402\text{-}151}{028(01)\text{-}78}$ подписное

СТИХОТВОРЕНИЯ

О РОДИНЕ

Родиться бы мне по заказу
У теплого моря в Крыму,
А нет, — побережьем Кавказа
Ходить, как в родимом дому.

И славить бы море и сушу
В привычном соседстве простом,
И видеть и слышать их душу
Врожденным сыновним чутьем...

Родиться бы, что ли, на Волге,
Своими считать Жигули,
И домик в рыбачьем поселке,
Что с палубы видишь вдали...

Родиться бы в сердце Урала,
Чья слава доныне скрытна,
Чтоб в песне моей прозвучала
С нежданною силой она.

В Сибири, на Дальнем Востоке,
В краю молодых городов,
На некоей там новостройке, —
Везде я с охотой готов
Родиться.

Одно не годится:
Что где ни случилось бы мне,
Тогда бы не смог я родиться
В родимой моей стороне —

В недальней, отцами обжитой
И дедами с давних времен,

Совсем не такой знаменитой,
В одной из негромких сторон;

Где нет ни жары парниковой,
Ни знатных зимой холодов,
Ни моря вблизи никакого,
Ни горных, конечно, хребтов;

Ни рек полноты величавой,
А реки такие подряд,
Что мельницу на два постава,
Из сил выбиваясь, вертят.

Ничем сторона не богата,
А мне уже тем хороша,
Что там наудачу когда-то
Моя народилась душа.

Что в дальней дали зарубежной,
О многом забыв на войне,
С тоской и тревогою нежной
Я думал о той стороне:

Где счастью великой, единой,
Священной, как правды закон,
Где таинству речи родимой
На собственный лад приобщен.

И с нею — из той незавидной
По многим статьям стороны,
Мне всю мою родину видно,
Как город с кремлевской стены.

Леса ее, горы, столицы,
На рейде ее корабли...
И всюду готов я родиться
Под знаменем этой земли.

А только и прежде и ныне
Милей мне моя сторона —
По той по одной лишь причине,
Что жизнь достается одна.

1946

КРЕМЛЬ ЗИМНЕЙ НОЧЬЮ

Кремль зимней ночью над Москвой —
Рекой и городом Москвою —
С крутой Ивановой главой
И с тенью стен сторожевою.

Кремль зимней ночью при луне,
Ты чуден древностью высокой
И славен с нею наравне
Недавней памятью жестокой.

Недавней памятью ночей,
Когда у западной заставы
Курились дымы блиндажей
И пушки ухали устало;

Когда здесь были фронт и тыл,
И в дачных рощах Подмосковья
Декабрьский снег замешан был
Землей, золой и свежей кровью.

Кремль зимней ночью, на твоих
Стенах, бойницах, башнях, главах
И свет преданий вековых,
И свет недавней трудной славы.

На каждом камне с той зимы
Как будто знак неизгладимый
Всего того, чем жили мы
В тревожный час земли родимой.

Незримым заревом горят
На каждом выступе старинном
И Сталинград, и Ленинград,
И знамя наше над Берлином.

До дней далеких донеси
То отраженье, гордый камень,
И подвиг нынешней Руси
Да будет будущему в память!

Да будет славой вековой
Он озарен, как ты луною,
Кремль зимней ночью над Москвой —
Рекой и городом Москвою!

1946

Я УБИТ ПОДО РЖЕВОМ

Я убит подо Ржевом,
В безыменном болоте,
В пятой роте, на левом,
При жестоком налете.

Я не слышал разрыва,
Я не видел той вспышки, —
Точно в пропасть с обрыва —
И ни дна ни покрышки.

И во всем этом мире,
До конца его дней,
Ни петлички, ни лычки
С гимнастерки моей.

Я — где корни слепые
Ищут корма во тьме;
Я — где с облачком пыли
Ходит рожь на холме;

Я — где крик петушиный
На заре по росе;
Я — где ваши машины
Воздух рвут на шоссе;

Где травинку к травинке
Речка травы прядет, —
Там, куда на поминки
Даже мать не придет.

Подсчитайте, живые,
Сколько сроку назад
Был на фронте впервые
Назван вдруг Сталинград.

Фронт горел, не стихая,
Как на теле рубец.
Я убит и не знаю,
Наш ли Ржев наконец?

Удержались ли наши
Там, на Среднем Дону?..
Этот месяц был страшен,
Было все на кону.

Неужели до осени
Был за ним уже Дон,
И хотя бы колесами
К Волге вырвался он?

Нет, неправда. Задачи
Той не выиграл враг!
Нет же, нет! А иначе
Даже мертвому — как?

И у мертвых, безгласных,
Есть отрада одна:
Мы за родину пали,
Но она — спасена.

Наши очи померкли,
Пламень сердца погас,
На земле на поверке
Выкликают не нас.

Нам свои боевые
Не носить ордена.
Вам — все это, живые.
Нам — отрада одна:

Что недаром боролись
Мы за родину-мать.
Пусть не слышен наш голос, —
Вы должны его знать.

Вы должны были, братья,
Устоять, как стена,
Ибо мертвых проклятье —
Эта кара страшна.

Это грозное право
Нам навеки дано, —
И за нами оно —
Это горькое право.

Летом, в сорок втором,
Я зарыт без могилы.
Всем, что было потом,
Смерть меня обделила.

Всем, что, может, давно
Вам привычно и ясно,
Но да будет оно
С нашей верой согласно.

Братья, может быть, вы
И не Дон потеряли,
И в тылу у Москвы
За нее умирали.

И в заволжской дали
Спешно рыли окопы,
И с боями дошли
До предела Европы.

Нам достаточно знать,
Что была, несомненно,
Та последняя пядь
На дороге военной.

Та последняя пядь,
Что уж если оставить,
То шагнувшую вспять
Ногу некуда ставить.

Та черта глубины,
За которой вставало
Из-за вашей спины
Пламя кузниц Урала.

И врага обратили
Вы на запад, назад.
Может быть, побратимы,
И Смоленск уже взят?

И врага вы громите
На ином рубеже,
Может быть, вы к границе
Подступили уже!

Может быть... Да исполнится
Слово клятвы святой! —
Ведь Берлин, если помните,
Назван был под Москвой.

Братья, ныне поправшие
Крепость вражьей земли,
Если б мертвые, павшие
Хоть бы плакать могли!

Если б залпы победные
Нас, немых и глухих,
Нас, что вечности преданы,
Воскрешали на миг, —

О, товарищи верные,
Лишь тогда б на войне
Ваше счастье безмерное
Вы постигли вполне.

В нем, том счастье, бесспорная
Наша кровная часть,
Наша, смертью оборванная,
Вера, ненависть, страсть.

Наше все! Не слукавили
Мы в суровой борьбе,
Все отдав, не оставили
Ничего при себе.

Все на вас перечислено
Навсегда, не на срок.
И живым не в упрек
Этот голос наш мыслимый.

Братья, в этой войне
Мы различья не знали:
Те, что живы, что пали, —
Были мы наравне.

И никто перед нами
Из живых не в долгу,
Кто из рук наших знамя
Подхватил на бегу,

Чтоб за дело святое,
За Советскую власть
Так же, может быть, точно
Шагом дальше упасть.

Я убит подо Ржевом,
Тот еще под Москвой.
Где-то, воины, где вы,
Кто остался живой?

В городах миллионных,
В селах, дома в семье?
В боевых гарнизонах
На не нашей земле?

Ах, своя ли, чужая,
Вся в цветах иль в снегу...
Я вам жить завещаю, —
Что я больше могу?

Завещаю в той жизни
Вам счастливыми быть
И родимой отчизне
С честью дальше служить.

Горевать — горделиво,
Не клонясь головой,
Ликовать — не хвастливо
В час победы самой.

И беречь ее свято,
Братья, счастье свое —
В память воина-брата,
Что погиб за нее.

1945—1946

ПОСЛЕВОЕННАЯ ЗИМА

В вагоне пахнет зимним хлевом,
Гремят бидоны на полу.
Сосет мороженое с хлебом
Старуха древняя в углу.

Полным-полно, народ в проходе
Бочком с котомками стоит.
И о лихой морской пехоте
Поет нетрезвый инвалид.

1946

* * *

Я задумал написать
На досуге повестушку.
Захворал — и слег в кровать
Греть постылую подушку.

И о замысле своем
Не жалел я, а подумал:
Бог с ним — глядь, еще умрем.
И хотя тогда не умер,
Позабыл совсем о нем.

Нужно дело выбирать,
Чтоб оно рождало силы,
С ним о смерти забывать
На краю самой могилы.

1946

МОСКВА

Зябкой ночью солдатской
В сорок первом году
Ехал я из-под Гжатска
На попутном борту.

Грохот фронта бессонный
Шел как будто бы вслед.
Редко встречной колонны
Скрытный вспыхивал свет.

Тьма предместий вокзальных
И — Москва. И над ней
Горделивый, печальный
Блеск зенитных огней.

И просились простые
К ней из сердца слова:
«Мать родная, Россия,
Москва, Москва...»

В эти горькие ночи
Ты поистине мать,
Та, что детям не хочет
Всей беды показать;

Та, что жертвой безгласной
Не смирится с судьбой;
Та, что волею властной
Поведет за собой.

И вовек не склонится
Твоя голова,

Мать родная, столица,
Москва, Москва!..

Память трудной годины,
Память боли во мне.
Тряский кузов машины.
Ночь. Столица в огне.

И, как клятва, святые
В тесном горле слова:
«Мать родная, Россия,
Москва, Москва...»

...Ехал я под Берлином
В сорок пятом году.
Фронт катился на запад,
Спал и ел на ходу.

В шесть рядов магистралью —
Не вмещает — узка! —
Громыхаючи сталью,
Шли на запад войска.

Шла несметная сила,
Разрастаясь в пути,
И мосты наводила
По себе впереди.

Шла, исполнена гнева,
В тот, в решающий бой.
И гудящее небо,
Точно щит, над собой
Высоко проносила...

— Погляди, какова
Мать родная, Россия,
Москва, Москва!..

Память горя сурова,
Память славы жива.
Все вместит это слово:
«Москва! Москва!..»

Это имя столицы,
Как завет, повторим.
Расступились границы,
Рубежи перед ним...

Стой, красуйся в зарницах
И огнях торжества,
Мать родная, столица,
Крепость мира — Москва!

1947

* * *

В сторожке на даче
Живу я, хозяин,
С Ефимовной-бабкой
И верным Мазаем.

Читаю унылые
Толстые книжки.
По пояс в снегу
Собираю дровишки.

Все стежки пургой
Замело у сторожки.
Друзья — ни ногой,
И водки — ни крошки.

Старуха на кухне
Бормочет печально —
Не мил ее сердцу
Очаг натуральный.

Осиновый хворост
Пускает слезу,
А бабка привыкла:
— Весь век на газу.

Мазай завывает
Весь день из-под клети,
А нужды справляет
В моем «кабинете».

Он службу свою
Выполняет с тоской —
Балованный, порченый
Пес городской.

1947

* * *

Беда откроется не вдруг,
Она сперва роднится с вами
Как неизбежный недосуг
За неотложными делами.

Дела, дела, дела, дела —
Одно, другое руки вяжет.
Их слава жизни придала —
А славу надобно уважить.

Дела зовут туда, сюда,
И невдомек еще поэту,
Что это исподволь беда
Пришла сживать его со свету.

1947

МОЛОДОСТЬ

Вчера еще были и мы молодежь,
Да время торопит, не балуя.
Едва на четвертый десяток свернешь —
И сказано: годы немалые.

Но время для нас, для страны — времена,
Века из веков озаренные.
В четвертый десяток вступает страна,
Октябрьскою бурей рожденная.

И мужества возраст ей впору как раз, —
Страницы тех лет перелистаны.
И старше она уже многих из нас,
Но всех нас моложе поистине.

Моложе. И будет моложе вовек
В своем недряхлеющем мужестве.
Так молод бывает всегда человек,
Который с грядущим в содружестве.

И молодость родины — дело и мысль,
Что Лениным нам заповеданы.
То шум городов, что при нас поднялись
На землях, до нас не разведанных.

То слава победная наших полков —
Нетленная родины молодость.
То зелень густая столетних дубов,
Пробившихся нынче из желудя.

То тяжкий бетон величавых плотин
На реках, надежно обузданных.
И молодость родины — ты, гражданин,
Работник, не знающий устали.

О родина, гордость и радость моя,
Бескрайны края твои мирные,
Но слава, но правая правда твоя —
Сегодня намного обширнее.

И встретить готовы любую напасть
Твой доблестный опыт и выучка.
Как славная в битвах гвардейская часть,
Ты шествуешь миру на выручку.

1948

В ТОТ ДЕНЬ, КОГДА ОКОНЧИЛАСЬ ВОЙНА

В тот день, когда окончилась война
И все стволы палили в счет салюта,
В тот час на торжестве была одна
Особая для наших душ минута.

В конце пути, в далекой стороне,
Под гром пальбы прощались мы впервые
Со всеми, что́ погибли на войне,
Как с мертвыми прощаются живые.

До той поры в душевной глубине
Мы не прощались так бесповоротно.
Мы были с ними как бы наравне,
И разделял нас только лист учетный.

Мы с ними шли дорогою войны
В едином братстве воинском до срока,
Суровой славой их озарены,
От их судьбы всегда неподалеку.

И только здесь, в особый этот миг,
Исполненный величья и печали,
Мы отделялись навсегда от них:
Нас эти залпы с ними разлучали.

Внушала нам стволов ревущих сталь,
Что нам уже не числиться в потерях.
И, кроясь дымкой, он уходит вдаль,
Заполненный товарищами берег.

И, чуя там сквозь толщу дней и лет,
Как нас уносят этих залпов волны,
Они рукой махнуть не смеют вслед,
Не смеют слова вымолвить. Безмолвны.

Вот так, судьбой своею смущены,
Прощались мы на празднике с друзьями
И с теми, что в последний день войны
Еще в строю стояли вместе с нами;

И с теми, что ее великий путь
Пройти смогли едва наполовину;
И с теми, чьи могилы где-нибудь
Еще у Волги обтекали глиной;

И с теми, что под самою Москвой,
В снегах глубоких заняли постели,
В ее предместьях на передовой
Зимою сорок первого; и с теми,

Что, умирая, даже не могли
Рассчитывать на святость их покоя
Последнего, под холмиком земли,
Насыпанном не чуждою рукою.

Со всеми — пусть не равен их удел, —
Кто перед смертью вышел в генералы,
А кто в сержанты выйти не успел:
Такой был срок ему отпущен малый.

Со всеми, отошедшими от нас,
Причастными одной великой сени
Знамен, склоненных, как велит приказ, —
Со всеми, до единого со всеми

Простились мы. И смолкнул гул пальбы,
И время шло. И с той поры над ними
Березы, вербы, клены и дубы
В который раз листву свою сменили.

Но вновь и вновь появится листва,
И наши дети вырастут и внуки,
А гром пальбы в любые торжества
Напомнит нам о той большой разлуке.

И не затем, что уговор храним,
Что память полагается такая,
И не затем, нет, не затем одним,
Что ветры войн шумят, не утихая,

И нам уроки мужества даны
В бессмертье тех, что стали горсткой пыли.
Нет, даже если б жертвы той войны
Последними на этом свете были, —

Смогли б ли мы, оставив их вдали,
Прожить без них в своем отдельном счастье,
Глазами их не видеть их земли,
И слухом их не слышать мир отчасти?

И, жизнь пройдя по выпавшей тропе,
В конце концов, у смертного порога,
В себе самих не угадать себе
Их одобренья или их упрека?

Что ж, мы — трава? Что ж, и они — трава?
Нет, не избыть нам связи обоюдной.
Не мертвых власть, а власть того родства,
Что даже смерти стало неподсудно.

К вам, павшие в той битве мировой
За наше счастье на земле суровой,
К вам, наравне с живыми, голос свой
Я обращаю в каждой песне новой.

Вам не услышать их и не прочесть.
Строка в строку они лежат немыми.
Но вы — мои, вы были с нами здесь,
Вы слышали меня и знали имя.

В безгласный край, в глухой покой земли,
Откуда нет пришедших из разведки,
Вы часть меня с собою унесли
С листка армейской маленькой газетки.

Я ваш, друзья, — и я у вас в долгу,
Как у живых, — я так же вам обязан.
И если я, по слабости, солгу,
Вступлю в тот след, который мне заказан,

Скажу слова без прежней веры в них,
То, не успев их выдать повсеместно,
Еще не зная отклика живых,
Я ваш укор услышу бессловесный.

Суда живых не меньше павших суд.
И пусть в душе до дней моих скончанья
Живет, гремит торжественный салют
Победы и великого прощанья.

1948

ПАМЯТИ ЛЕНИНА

1

В глухую, безвестную волость,
Где лес от села до села,
При мне эта страшная новость
По санному следу пришла.

Она перед тем на рассвете
Весь шар облетела земной
И все провода на планете
Успела заполнить собой.

А тут и не дальние дали,
Да глушь — заповедный удел.
Мы даже гудков не слыхали,
Лишь ветер по трубам гудел.

Но в тяжком негаданном горе
Была в это утро равна
Столицам деревня Загорье,
Лесная моя сторона.

Стояла над скопищем сонным
Снегами заваленных крыш,
Над миром, бедой потрясенным,
Морозная жесткая тишь.

И полоз, рыдающий в поле,
И утренний скрип журавля
Отчетливы были до боли,
Отсюда слышны до Кремля.

Зачем это снова и снова
Звучит их нещадная песнь,
Когда уже сказано слово,
Когда уже слышана весть?

И каждому было с той вестью
Не в силах сидеть одному,
Большие и малые, вместе
Собрались мы в школьном дому.

А в школе до этого часа,
Как начал сходиться народ,
Ребятам из старшего класса,
Нам было довольно хлопот.

Мы в ельник ходили гурьбою,
Что был на задах невдали,
Ломали морозную хвою,
Охапками в школу несли.

Недетской заботою — дети —
Мы были в то утро полны.
И ветки еловые эти
Не к празднику были нужны.

Не праздника ради мы сами
Спустили над школьной стеной
Знакомое красное знамя,
Подшив его черной каймой.

Помыла полы сторожиха,
И люди в назначенный срок
С надворья морозного тихо
Ступили на школьный порог.

И незачем было к порядку
Просить, как на сходке в селе,
Когда наш учитель тетрадку
Свою разложил на столе.

Никто не садился. Стояли.
И были, казалось, полны
Не только глубокой печали,
Но чувства какой-то вины.

Стояли в заплатанной грубо
Овчине, обвиснувшей с плеч.
Беззвучные двигались губы
У многих, что слушали речь.

А слушали с думой суровой
И строгостью горькой лица,
Чтоб всю, до единого слова,
Вместить бережливо в сердца.

Ту скорбную истовость схода
С годами я помню живей.
Великая сила народа
И вера мне видится в ней.

Не в ту ли годину прощанья
В своей ощутил он груди
Готовность на все испытанья,
Что ждали его впереди?

Не в горе ль своем молчаливом,
Поникнув тогда головой,
Уже он был полон порывом
На подвиг неслыханный свой?

Порывом на жертвы, на муку,
Что вряд ли под силу иным,
На трудную с прошлым разлуку,
На встречу с грядущим своим.

Порывом, исполненным страсти,
На чудо свершающий труд
И волей к нелегкому счастью
И славе, что с бою берут.

Не тем ли огнем устремленным
Горели сердца у людей
И в траурном зале Колонном,
И в школе далекой моей?

Да, в час, как навек провожали
Учителя, друга, отца,
В своей обрели мы печали
Решимость идти до конца.

2

Есть горе души одинокой,
Есть горе друзей и родни.
Живет оно в сердце до срока,
Хотя бы и долгие дни.

Но горе народа бессрочно,
И так велика его власть,
Что внукам оно правомочно
И правнукам на душу пасть.

Мы только в заботах о деле,
Завещанном нашей судьбе,
Печали предаться не смели
И боль подавляли в себе.

И если б мы были иными,
Согбенными горем своим,
Мы памяти б той изменили,
Которую свято храним.

А спросим друг друга, брат брата,
Товарищ товарища. — Нет!
Утрата осталась утратой,
И нету ей давности лет.

И может, что ближе мы к цели,
Указанной нам Ильичем,
Не меньше, чем прежде скорбели,
А больше мы будем о нем.

В трудах и боях возмужала
Советская наша земля,
Его мировая держава,
Свободных народов семья.

Ее благородным победам
История дань воздает.
И ею проложенным следом
Полмира сегодня идет.

Ей гимны слагают поэты
Всех сущих народов иных...

Ему бы увидеть все это,
Что видел он в думах своих.

Ему бы, ему бы, родному,
Подняться из гроба сейчас.
И горечь той мысли знакома,
Присуща любому из нас.

Не смеркнула скорбная дата,
Горит ее памятный свет.
Утрата осталась утратой,
И нету ей давности лет.

Бессрочна она и безмерна,
И мы ее в вечность несем.
Как Ленина дело бессмертно,
Так память бессмертна о нем.

3

Не тысяча лет миновала
С той памятной миру зимы,
Когда — от велика до мала —
Остались без Ленина мы;
Когда с ним столица прощалась
И каждое наше село.
Не тысяча лет насчиталась,
Но, может быть, больше прошло...

Я помню, в суровом молчанье,
С застывшею горечью лиц,
Из школьного зданья сельчане
В тот вечер домой разошлись.
И вот уже дверь сторожиха
Тихонько впотьмах заперла.
И стало пустынно и тихо
В том классе, где сходка была;
Где я по погоде жестокой
Остался один на ночлег,
Тринадцатилетний, далекий
Теперь от меня человек —
В ушанке, в суконной поддевке,

Расчетливо сшитой на рост.
Но память об этой ночевке
Я через все годы пронес...

Синели в окошке сугробы
Под лунным морозным лучом.
И вот я как будто у гроба
Остался один с Ильичем.

И страшным ничто не казалось
Мне в эти часы одному,
Но острая горькая жалость
Меня охватила к нему.

Пусть в давнюю эту годину
Я был еще попросту мал.
Я книжки его ни единой
Еще и в руках не держал.

Я видел его на портрете,
Я слышал от старших о нем
Не больше, чем сверстники-дети
В краю захолустном моем.

Но помню, от горя слабея,
Я с чувством единственным лег,
Что я его больше жалею,
Чем кто бы то ни было мог.
И что при нужде неминучей,
Как смерть ни страшна самому,
Уж лучше бы мне эта участь,
Но только б она не ему.
И если такою заменой
Уже не вернуть ничего,
Тогда я хочу непременно
Погибнуть за дело его.
Я буду служить ему честно,
Я всю ему жизнь посвящу,
Хотя и не будет известно
О том никогда Ильичу.

С горячей и чистой любовью
Я клятву свою произнес.

И сумка моя в изголовье
Намокла от радостных слез.
И к ней приникая устало,
Я так и уснул до утра.
Проснулся — уже рассветало,
Дрова принесли со двора.
А там свирепела погода,
Со стоном по улице шел
Январь незабвенного года...

В тот год я вступил в комсомол.

1948—1949

СВЕТ — ВСЕМУ СВЕТУ

Звонкой и жесткой
Осенью ранней
Видел я это
В лесном Предуралье.

Через отлогий
Увал каменистый
Просека вдаль
Уносилась, как выстрел.

И на далеком
Ее протяженье —
Дымы, дымки,
Копошенье, движенье.

Музыка, гомон,
Урчанье моторов.
Табор — не табор,
Город — не город.

Горное эхо
С гомоном слитно.
— Дай подойдем,
Поглядеть любопытно.

У котлованов —
Люди, повозки.
Черные, красные
С цифрами доски.

Радиорупор,
Сигнальные флаги.
Шумный рабочий
И праздничный лагерь.

Трактор и тачка,
Лом и лопата.
Бабий платок
И пилотка солдата.

Комбинезон
И треух деревенский.
Всяческий люд,
Но особенно женский.

Девушки в ватниках,
В обуви грубой.
Щеки пылают,
Обветрены губы.

С ними в ряду
За работой суровой
Мужние жены,
Солдатские вдовы.

Мерзлая глина
Звенит под киркою.
Дело не легкое,
Дело мужское.

Но, погляди,
Управляются быстро,
Искрами брызжется
Грунт каменистый.

Но, погляди
На девчонок — не чудо ль?
Что за веселая,
Дружная удаль!

Вот на минутку
Спины расправят,
Прядки волос
Под косынку заправят,

Лица утрут —
И опять за лопаты.
— Хватит курить,
Мужики и ребята!

Головы в яме —
Вровень с краями.
Столб, как орудие,
Движется к яме.

Глина нарытая —
Груда на груде.
— Здравствуйте!
— Здравствуйте,
Добрые люди.

Глазом окинь:
— Да откуда их столько?
— А из деревни́, —
Народная стройка.

— Лихо копаете!
— Так и копаем.
Так и копаем,
Свет добываем.

Свет добываем,
Выводим на трассу.
Что-то мы вас
Не видали ни разу?

— Может, артисты?
Спойте!
Спляшите!
Ах, журналисты!
Ну, так пишите!

Вот и пишите,
Как мы копаем,
Лес прорубаем,
Свет добываем.

Все чтобы точно.
А мы почитаем,
Как мы копаем,
Свет добываем.

И, повторенное
Тысячеустно,

Слово гремит
По горам захолустным.

Слово звучит
Над разбуженным краем:
— Свет добываем!
— Свет добываем!

Селам, и школам,
И сельсовету.
И всему свету!
И всему свету!

1949

* * *

Как только снег начнут буравить
Ручьи апреля вдоль дорог,
Опять весна тебе представит
Всех весен прожитых урок.

В набитой густо ржавой пене
Нельзя и нынче не узнать
Всех вод сбежавших нетерпенье,
Не возвращающихся вспять.

В цветенье голых верб, орешин
И ольх над полой ширью рек
Вновь постигаешь, как поспешен
Крутой поры кипучий бег.

Как чуток ветки сон сторожкий.
Лучом пригретые едва,
Отдать дымок спешат сережки,
Пока спеленута листва.

Как быстры смены, кратки сроки:
Еще в овражке снег приник,
А по сухой уже дороге
В пыли несется грузовик.

И позади зимы остатки.
Машина с воем воздух рвет.
На ней березки для посадки,
И почки тронутся вот-вот...

1949

НА ПЛАТФОРМЕ ПОЕЗДА

На платформе поезда
Грузовая ЗИС.
Из кабины девушка
Смотрит сверху вниз.

Ей, должно быть, кажется
Странным этот путь:
Ни прибавить скорости,
Ни тебе свернуть,

Ни назад подвинуться
С места, хоть на пядь,
Некому и незачем
Свой сигнал подать.

И как будто в комнате
Дома за столом
Что-то вяжет девушка,
Сидя за рулем.

Неизвестно, путь ее
Близок ли, далек,
Свяжется ль, не свяжется
Шерстяной чулок,

Долго ли дорожное
Девичье житье?
Но с машиной этою
Где-то ждут ее.

Ждет земля прогретая,
Ждет полей простор...
И — вязанье в сторону
Отложи, шофер.

1949

9 МАЯ

Салют и слава годовщине
Навеки памятного дня.
Салют победе, что в Берлине
Огнем попрала мощь огня.

Салют ее большим и малым
Творцам, что шли путем одним,
Ее бойцам и генералам,
Героям, павшим и живым —
Салют!

И пусть его услышат
Те, что не рады торжеству,
Что кровью мира пакты пишут,
Войну поют, войною дышат,
Войною бредят наяву.

Два слова к ним по существу.

Я волен речь вести свободно,
Как тот солдат, с кем был в бою,
С кем пыль глотал в страде походной
И чьим поэтом состою.

Ему, творцу бессмертной были,
Что не уйдет во мглу времен,
Вы славу издали трубили,
Когда гроза брала разгон.

Когда вам ужас веял в души,
А он, солдат, свой начал путь
На море, воздухе, на суше,
Врага встречая грудь на грудь.

Вы полагали, он не ведал,
Покуда шла еще война,
Кому, зачем была победа
И по какой цене нужна?

Но вряд ли вы считали сами,
Рядясь под цвет его друзей,
Что вас считает он друзьями
В душе бесхитростной своей.

Еще тогда, играя в прятки
И грея руки близ войны,
Вы не ошиблись в той догадке,
Что он — солдат своей страны.

И не вложить вам миру в уши
Враньем речей, газет, витрин,
Что с моря, воздуха и суши
Грозит вам тот, кто брал Берлин.

Кто городов и сел руины
Вновь оживил в родном краю
И, как на штурм ходил Берлина,
На штурм стихий идет в строю.

И с неизменною отвагой
В труде, обязанном уму,
Творит свой день себе во благо
И человечеству всему.

Себе хозяйскою рукою
Он начертал свой план, свой путь,
И тем лишает вас покоя,
Что не боится вас ничуть.

Он столько вынес и изведал,
Таких больших исполнен сил,
Что страх душе его неведом,
Откуда кто бы ни грозил.

Вам стоит помнить:
День Победы
Он в честь *нее* провозгласил.

1950

МОСТ

В рассветный час во мгле сухой,
Одетый инеем Сибири,
Мост пробудился над рекой,
Одной из самых славных в мире.

И, бережно приняв экспресс,
С великой справившийся далью,
Под ним он грянул, как оркестр,
Своей озвученною сталью.

Гремела, пела эта сталь
Согласно и многоголосо.
И шла, как под резец деталь,
Громадой цельной под колеса.

И, над рекою вознесен,
Состав столичный медлил будто,
И из вагона тек в вагон
Озноб торжественной минуты...

А звон, а грохот возрастал.
Казалось, в этот мост певучий
Вмещал свой голос весь Урал,
Нет, весь металл страны могучей:

И гром иных ее мостов,
И горделивый скрежет кранов,
И пенье в поле проводов,
И тяжкий гул прокатных станов.

И стук движка в глухом краю,
Где стала жизнь людей светлее,
И танков рокот, что в строю
Проходят мимо Мавзолея.

Со всех концов родной земли
Все голоса, что есть в металле,
Сюда, казалось, дотекли
По чутким рельсам магистрали, —

Чтоб прозвучать им над рекой,
Загроможденной ледоставом,
Над берегами, над тайгой
В победном ритме величавом...

Великих лет бессмертный труд,
Твои высокие свершенья
Как будто песнь в себе несут
От нас в иные поколенья.

Как будто в завтра нашу весть
Несут — и с ней сегодня краше —
О том, что мы в грядущем есть:
Мосты, дворцы и песни наши!

...Еще один, другой пролет.
Река теснится в берег льдами.
И поезд по земле идет;
Но и земля поет под нами.

1950

22 ИЮНЯ 1941 ГОДА

Все, все у сердца на счету,
Все стало памятною метой.
Стояло юное, в цвету,
Едва с весной расставшись, лето;
Стояла утренняя тишь,
Был смешан с медом воздух сочный;
Стекала капельками с крыш
Роса по трубам водосточным;
И рог пастуший в этот час
И первый ранний запах сена...
Все, все на памяти у нас,
Все до подробностей бесценно:

Как долго непросохший сад
Держал прохладный сумрак тени;
Как затевался хор скворчат —
Весны вчерашней поколенья;
Как где-то радио в дому
В июньский этот день вступало
Еще не с тем, о чем ему
Вещать России предстояло;
Как у столиц и деревень
Текло в труде начало суток;
Как мы теряли этот день
И мир — минуту за минутой;
Как мы вступали за черту,
Где труд иной нам был назначен, —
Все, все у мира на счету,
И счет доныне не оплачен.

Мы так простились с мирным днем,
И нам в огне страды убойной
От горькой памяти о нем
Четыре года было больно.

Нам так же больно и теперь,
Когда опять наш день в расцвете,
Всей болью горестных потерь,
Что не вернуть ничем на свете.
У нас в сердцах та боль жива,
И довоенной нашей были
Мы даже в пору торжества
Не разлюбили, не забыли.
Не отступили ни на пядь
От нашей заповеди мира:
Не даст солгать вдова иль мать,
Чьи души горе надломило...

Во имя счастья всех людей
Полны мы воли непреклонной —
В годах, в веках сберечь наш день,
Наш мирный день, июнь зеленый.

1950

ИХ ПАМЯТИ

1

Живым — живое в этой жизни краткой,
Но каждый в вечность уходящий час,
Но каждый камень нашей мирной кладки,
Но каждый колос, что растет для нас
И зреет на полях необозримых,
Но каждый отзвук радиоволны —
Все память о товарищах родимых,
Когда-то не вернувшихся с войны.
Расставшись, мы не стали им чужими
Среди забот и новых дел своих.
Но если б мы одной лишь скорбью жили,
Мы были б нынче недостойны их.

2

Он пал за мир — так сказано о нем,
Так мы тебя о сыне извещали.
Мы жизнью нашей, нашим светлым днем
Твоей святой обязаны печали.

И мы всегда в долгу перед тобой, —
Коль не страдаем памятью короткой, —
Перед тобой, перед его вдовой,
И перед каждой долею сиротской.

И мы тебя с волненьем узнаем
На торжествах и в мирном свете буден.
Вот мать того, кто пал в бою с врагом
За жизнь, за нас. Снимите шапки, люди!

3

Проходит срок и боли и кручине,
И ты уже за жизнью трудовой,
За вдовьей думой о семье, о сыне
Не ждешь вестей от почты полевой.

Но так же, как и в горькую годину,
Мы славим подвиг павшего в бою.
А подвиг тот — он твой наполовину,
Ты половину вынесла свою.

Ты рядом шла, сражалась вместе с нами,
И ныне с нами ты в строю, вдова.
Священная годов минувших память
Да будет в новом подвиге жива!

1949—1951

СЫНУ ПОГИБШЕГО ВОИНА

Солдатский сын, что вырос без отца
И раньше срока возмужал заметно,
Ты памятью героя и отца
Не отлучен от радостей заветных.

Запрета он тебе не положил
Своим посмертным образом суровым
На то, чем сам живой с отрадой жил,
Что всех живых зовет влекущим зовом...

Но если ты, случится как-нибудь,
По глупости, по молодости ранней
Решишь податься на постыдный путь,
Забыв о чести, долге и призванье:

Товарища в беде не поддержать,
Во чье-то горе обратить забаву,
В труде схитрить. Солгать. Обидеть мать.
С недобрым другом поравняться славой, —

То прежде ты — завет тебе один, —
Ты только вспомни, мальчик, чей ты сын.

1949—1951

НОВАЯ ЗЕМЛЯ

На новых землях, в стороне, открытой
Для счастья людям, долго жизнь трудна.
И кажется она им необжитой,
И помнится иная сторона.

И нужен срок, чтоб здесь окорениться,
Чтоб жизнь иною памятью облечь,
И новым детям нужно здесь родиться,
И должно дедам в эту землю лечь...

Мы на себя по доброй воле взяли
Тот самый трудный новоселья срок,
Что все вмещает беды и печали
И радости нехоженых дорог.

Земле своей мы посвятили годы
Труда, терпенья, и давным-давно
Ее сады, поля, дворцы, заводы
И все, что нами здесь возведено, —

Все то, чему мы отдавали силы,
Чтоб устоять и победить на ней,
И наших братьев и отцов могилы —
Ее бойцов, ее богатырей, —

Навек сроднили нас с землею нашей.
И мы ей служим, чтоб и после нас
Ей все цвести зазывнее и краше,
Чтоб свет ее для мира не погас;

Чтоб, добытый в борьбе, в труде суровом,
Тот свет светил вперед на много лет
И чтоб за нами поселенцам новым
Не все сначала повторять вослед.

1951

ЖЕСТОКАЯ ПАМЯТЬ

Повеет в лицо, как бывало,
Соснового леса жарой,
Травою, в прокосах обвялой,
Землей из-под луга сырой.

А снизу, от сонной речушки,
Из зарослей — вдруг в тишине —
Послышится голос кукушки,
Грустящей уже о весне.

Июньское свежее лето,
Любимая с детства пора.
Как будто я встал до рассвета,
Скотину погнал со двора.

Я все это явственно помню:
Росы ключевой холодок,
И утро, и ранние полдни —
Пастушеской радости срок;

И солнце, пекущее спину,
Клонящее в сон до беды,
И оводов звон, что скотину
Вгоняют, как в воду, в кусты;

И вкус горьковато-медовый, —
Забава ребячьей поры, —
С облупленной палки лозовой
Душистой, прохладной мездры,

И все это юное лето,
Как след на росистом лугу,
Я вижу. Но памятью этой
Одною вздохнуть не могу,

Мне память иная подробно
Свои предъявляет права.
Опять маскировкой окопной
Обвялая пахнет трава.

И запах томительно тонок,
Как в детстве далеком моем,
Но с дымом горячих воронок
Он был перемешан потом;

С угарною пылью похода
И солью солдатской спины.
Июль сорок первого года,
Кипящее лето войны!

От самой черты пограничной —
Сражений грохочущий вал.
Там детство и юность вторично
Я в жизни моей потерял...

Тружусь, и живу, и старею,
И жизнь до конца дорога,
Но с радостью прежней не смею
Смотреть на поля и луга;

Росу обивать молодую
На стежке, заметной едва.
Куда ни взгляну, ни пойду я —
Жестокая память жива.

И памятью той, вероятно,
Душа моя будет больна,
Покамест бедой невозвратной
Не станет для мира война.

1951

В ТЕ ДНИ ЗА ГРАНИЦЕЙ

В те дни за границей,
в исходе последних сражений,
В пыли разрушений,
в обвиснувших дымах пожаров,
С невиданной силой
в цвету бушевали сирени,
Каких у себя
мы нигде не видали, пожалуй.
Султаны их были
крупней и как будто мясистей,
Породистей были
округлые пышные купы,
Хотя и казалось,
что наши нежней и душистей
На родине нашей —
к востоку от речки Шешупы.
Но эти ломились,
из зимнего вырвавшись плена,
По всем городам, деревням,
по садам, магистралям,
То красной, то белой
клубились могучею пеной
У целых домов
и задымленных, черных развалин.
Казалось, они
не цвели уже годы и годы
И, голые ветви свои
простирая уныло,
Стояли и нашего именно
ждали прихода,
Чтоб сразу раскрыться
со всей затаенною силой.

Иные кусты
у какой-нибудь кирхи иль дачи,
По бровкам дорог,
у садовых оград сотрясенных
Хватило огнем,
привалило щебенкой горячей,
Отбросило в пыль,
под колеса машин многотонных...
И теплый, густой,
опьяняющий запах сирени,
Живой и посохшей,
завяленной жаром жестоким,
Стоял и стоял
надо всею Европой весенней
И с запахом трупов мешался,
не менее стойким...
В те дни за границей
нам думать и верить хотелось,
Что грохот войны
отгремит над землею усталой
И годы вернут
ее мирную свежесть и целость,
А бомбы и пушки
громить ее больше не станут...
Кто-кто, а уж мы-то
имели особое право
О мире мечтать
для себя и иных поколений,
Затем, что войну
мы прошли не для воинской славы,
Затем, что весной
на земле расцветают сирени.

1951

ЗА ОЗЕРОМ

За озером долго играла гармонь,
Как будто бы жалуясь кротко
На то, что еще неохота домой,
Что рано уснула слободка.

Там юность грустила, собою полна,
Своей непочатою силой,
Зеленая юность, чье детство война
Огнем на корню опалила.

Та юность, которой, казалось, не быть,
А вот она к сроку настала,
Чтоб жить, и желать, и дерзать, и любить,
И все — начиная сначала.

Та самая юность грустила. И — пусть,
Завидная, в сущности, доля,
Когда эта сладкая, краткая грусть
За сердце берет молодое.

Завидная доля — на том берегу,
С улыбкой, ко всем благодарной,
Устав танцевать на дощатом кругу,
Сидеть на скамейках попарно.

Попарно бродить в предрассветном дыму
За озером в парке старинном.
А грустно, по правде, лишь мне одному
И то — по особым причинам.

1951

ПРИЗНАНИЕ

Я не пишу давно ни строчки
Про малый срок весны любой;
Про тот листок из зимней почки,
Что вдруг живет, полуслепой;
Про дым и пух цветенья краткий,
Про тот всегда нежданный день,
Когда отметишь без оглядки,
Что отошла уже сирень;
Не говорю в стихах ни слова
Про беглый век земных красот,
Про запах сена молодого,
Что дождик мимо пронесет,
Пройдясь по скошенному лугу;
Про пенье петушков-цыплят,
Про журавлей, что скоро к югу
Над нашим летом пролетят;
Про цвет рябиновый заката,
Про то, что мир мне все больней,
Прекрасный и невиноватый
В утрате собственной моей;
Что доля мне теперь иная,
Иной, чем в юности, удел, —
Не говорю, не сочиняю.
Должно быть — что ж? — помолодел!
Недаром чьими-то устами
Уж было сказано давно
О том, что молодость с годами
Приходит. То-то и оно.

1951

* * *

Весенний, утренний, тоненький
Ледок натянуло сеткой,
Но каплет с каждой соломинки,
С каждой ветки.

Поет по-зимнему улица,
Но свету — что летним днем.
И, как говорится, курица
Уже напилась под окном.

И звонкую, хрупкую,
Набравшись силы в ночи,
Чуть солнце — уже скорлупку
Проклюнули ручьи.

Весна сугробы подвинула,
Плотнее к земле примяв.
И зелень коры осиновой —
Предвестье зелени трав.

Апрельским ветром подунуло,
Запахли водой снега.
И дело свое задумала
Река, упершись в берега.

Ей грезится даль раздольная,
Ей минута близка...
Грохочет крылечко школьное,
Едва дождавшись звонка.

Давай, начинай, разламывай
Натоптанный лед рябой...

А что, если снова заново,
С начала самого
Начать нам жить с тобой?..

1951

О ПРОПИСКЕ

По всему Советскому Союзу,
Только б та задача по плечу,
Я мою уживчивую Музу
Прописать на жительство хочу.

Чтобы мне не ведать той печали,
Как ответят у иных ворот:
— Нет, не проживает. Не слыхали.
Номер дома, может быть, не тот.

Чтоб везде по селам и столицам
Отвечали на вопрос о ней:
— Как же, есть. Давнишняя жилица, —
И улыбки были б у людей.

Чтоб глаза у стариков яснели,
Чтобы к слову вставил не один:
— Мы еще на фронте были с нею,
Вместе помним Вязьму и Берлин.

Чтоб детишки из любого дома,
Если к ним случайно обращусь,
Говорили б:
— Как же, мы знакомы
И немножко знаем наизусть.

Чтобы не с почтеньем, а с любовью
Отзывалось каждое жилье:
— Здесь она. На доброе здоровье
Здесь живет. А как же без нее?

Вот тогда, как отзыв тот желанный,
Прозвучит о ней, моей родной,
Я и сам пропиской постоянной
Обеспечен буду под луной.

1951

ПЕРЕД ДОРОГОЙ

Что-то я начал болеть о порядке
В пыльном, лежалом хозяйстве стола:
Лишнее рву, а иное в тетрадки
Переношу, подшиваю в «дела».

Что ж, или все уж подходит к итогу
И затруднять я друзей не хочу?
Или опять я собрался в дорогу,
Выбрал маршрут, но покамест молчу?

Или гадаю, вступив на развилок:
Где меня ждет озаренье и свет
Радости той, что, быть может, я в силах
Вам принести, а быть может, и нет?..

Все я приму поученья, внушенья,
Все наставленья в дорогу возьму.
Только за мной остается решенье,
Что не принять за меня никому.

Я его принял с волненьем безвестным
И на себя, что ни будет, беру.
Дайте расчистить рабочее место
С толком, с любовью — и сразу к перу.

Но за работой, упорной, бессрочной,
Я моей главной нужды не таю:
Будьте со мною, хотя бы заочно,
Верьте со мною в удачу мою.

1951

О ЮНОСТИ

Мы знаем грядущему цену
И знаем, что юность права,
Не как молодая трава,
Что старой приходит на смену,
Чтоб так же отжить до зимы.

Нет, юность с другою задачей
В наш след заступает горячий,
В то дело, что начали мы,
К заветной направившись цели.

Дано ей на том же пути
За нами, но дальше идти.
Исполнить, что мы не успели,
И вспомнить, возможно, о нас
С вершины иных пятилеток —
О наших героях, поэтах,
Министрах — с улыбкой подчас.

Но пусть она, юность родная,
Поднявшись стремительно ввысь,
Не вздумает там занестись,
Отметки отцам выставляя.

Нет, пусть она в душу возьмет,
Что в славе ее безграничной
Мы все же повинны частично
И знали о ней наперед.

И знали о ней и мечтали,
Когда еще были юнцы,
А ранее — наши отцы
Смотрели в те самые дали.

И, подвиг свершая один
За времени навесью дымной,
Без нас они брали свой Зимний,
А мы еще с ними — Берлин.

Ей, юности, также известно,
Что мы без нее для Земли
Урало-Кузбасс возвели,
А Волгу впрягаем совместно.

И пусть еще юность учтет,
Что следом за нею иная,
Грядущая юность идет,
Ее на работе сменяя,
Неся назначенье свое.

А нам — так и той не завидно,
А нам и ее уже видно, —
И мы не старее ее.

1951

В НОРВЕГИИ

В этой северной горной стране,
По дороге от аэродрома,
Было многое попросту мне
С первой встречи до боли знакомо.

Я бы раньше представить не мог,
Что увижу, попав на чужбину,
Этот мокрый еловый лесок,
И подлесок — ветлу и рябину.

И зеленую щетку травы,
Той младенчески свежей, трехдневной,
Что увидишь весной у Москвы
И любой среднерусской деревни.

Точно я уже некогда был
В этом, сроду не виданном крае,
Точно я его знал и забыл
И, увидев теперь, вспоминаю.

И в новинку у этой земли
Моему представлялися взору
Только горы, что в море зашли,
Или море, что врезалось в горы.

Мать-Отчизна, до края души
Полон чувством, щемящим и гордым,
В чужедальней скалистой глуши,
Над безвестным каким-то фиордом,

На могилах твоих сыновей,
Притаив подступившие слезы,
Я увидел венки из ветвей
Чуть раскрывшей листочки березы.

Мне сказали, что принято так,
Что такие венки приносили
Как особый, как избранный знак
Благодарного чувства к России...

Видел я: приходили туда
В жестких куртках и обуви грубой
Молчаливые люди труда —
Моряки, рыбаки, лесорубы.

Приходили их жены толпой,
Старики и с учителем дети.
А с великой любовью какой
Были убраны холмики эти!

Был подобран, уложен в ряду
Возле кладбища добытый камень,
Чтобы вывести нашу звезду,
Серп и молот своими руками...

1951

САМОМУ СЕБЕ

Пускай сегодняшний вчерашним
День обернется трудовой.
Он на счету твоем всегдашнем,
Он — жизнь, и ты при нем живой.

Пускай другой иначе судит —
Что жизнь на малый срок дана...
На тот же срок она да будет
Лишь делом избранным полна!

А если сил и жизни целой,
Готовой для любых затрат,
Не хватит вдруг, чтоб кончить дело,
То ты уже не виноват.

1951

* * *

Мне памятно, как умирал мой дед,
В своем запечье лежа терпеливо,
И освещал дорогу на тот свет
Свечой, уже в руке стоявшей криво.

Мы с ним дружили. Он любил меня.
Я тосковал, когда он был в отлучке,
И пряничного ждал себе коня,
Что он обычно приносил с получки.

И вот он умер, и в гробу своем,
Накрытом крышкой, унесен куда-то.
И нет его, а мы себе живем, —
То первая была моя утрата...

И словно вдруг за некоей чертой
Осталось детства моего начало.
Я видел смерть, и доля смерти той
Мне на душу мою ребячью пала.

И с той поры в глухую глубь земли,
Как будто путь туда открыт был дедом,
Поодиночке от меня ушли
Уже другие проторенным следом...

В январский холод, в летнюю жару,
В туман и дождь, с оркестром, без оркестра —
Одних моих собратьев по перу
Я стольких проводил уже до места.

И всякий раз, как я кого терял,
Мне годы ближе к сердцу подступали,
И я какой-то частью умирал,
С любым из них как будто числясь в паре.

И если б так же было на войне,
Где счет потерям более суровый,
Наверно б, жизни не хватило мне
И всем, что ныне живы и здоровы.

Но речь о том, что неизбежный час,
Как мне расстаться — малой части — с целым,
Как этот мир мне потерять из глаз, —
Не может быть моим лишь частным делом.

Я полагаю, что и мой уход,
Назначенный на завтра иль на старость,
Живых друзей участье призовет —
И я один со смертью не останусь.

1951

ПЕСНЬ О МОСКВЕ

В дорогу, в полет и плаванье
Собравшись на срок любой,
Москву, как самое главное,
Беру целиком с собой.

И нынешнюю и древнюю,
Что нам пришлась ко двору,
Рабочую, ежедневную
И праздничную беру.

Со старой и новой славою
Беру ее, не деля,
С ее соборными главами
И звездами Кремля.

Вселикую и всечасную —
В мороз ли, в дождь иль жару —
Беру ее с площадью Красною
И Красной Пресней беру.

С ее исконной Трехгоркою,
С Садовым ее кольцом,
С бессонной улицей Горького
И с Пушкиным — к ней лицом.

С подземными магистралями,
Гудящими, как струна.
Большую — с заводом Сталина
И малую — в три окна.

С мостами, дворцами, парками,
Садами, рынками в ней,
Со всеми ее подарками,
Новинками мирных дней.

С ее высотными зданьями,
Поющими на ветру.
С рекой того же названия
И с морем ее беру.

Нет, я не пропискою
Извечной сроднился с ней.
Столица — дело не близкое —
Была у судьбы моей.

Нет, я из тех, что смолоду
В далеких, отчих местах
Мечтали у этого города
Хотя б побывать в гостях.

И даже, сказать по совести,
Из тех заявившись мест,
Дичились Москвы по новости,
Хоть знали: своя, не съест...

И до сих пор по-прежнему —
В торжественной новизне —
Москва, как новоприезжему,
Нет-нет и явится мне.

Как будто дорога дальняя
Ушла из-под ног едва:
Вот площадь тебе вокзальная,
И — здравствуй, город Москва!

Я в годы мои зеленые
Вступил на ее порог,
Но это чувство смущенное
Доныне в душе сберег...

Не помню, в каком я возрасте
Впервые, как все слова,
В моей захолустной волости
Услышал слово «Москва».

Москва не древнедержавная,
Что где-то в веках взялась,
А эта, своя, где главная
Живет Советская власть.

Москва, моя мать приемная,
С тех пор и до наших дней
Уже без тебя не помню я
Себя и судьбы своей.

Ты в детство мое уставила
Солдатский перст со стены,
С плаката взывая старого
Времен гражданской войны.

Шубенку надев нагольную,
С обломком карандаша
Над партой стояла школьною,
Морозным паром дыша.

Великого вестник времени,
И в нашем глухом селе
Ты речи вела о Ленине,
Что жил у тебя в Кремле.

Несла свое слово вещее
В тот отчий край горевой
Дорогой конной и пешею,
Попутной людской молвой...

Как будто совсем недальнее,
Как будто — рукой подать
То время мое начальное,
Ребячьих стихов тетрадь.

Но сколько годов отпрянуло,
Но сколько в мире с тех пор
Громов небывалых грянуло,
Подвинулось с места гор!..

Меж той страничкой заглавною
И нынешней — наугад —
Часть века вместилась, равная
Векам, поставленным в ряд...

Куда там молодо-зелено,
Не прежний у сердца пыл,
А все ли, что долгом велено,
Исполнено в меру сил?

В дорогу — к чему мне лишнее, —
Собравшись на срок любой,
Москву, как самое личное,
Беру целиком с собой.

Со всею красой безмерною,
Величьем мирных работ
И с памятью сорок первого,
Что был у ее ворот...

Со всеми гордыми датами
Побед на пути большом,
Со всеми ее утратами,
Что в сердце ношу своем.

Со всеми счастья минутами,
Которым забвенья нет.
Со всеми ее салютами
Былых и грядущих лет.

Беру целиком. И еду я
На Запад ли, на Восток,
Я чую, за мною следуя,
Течет ее ровный ток!..

1952

* * *

В своей захолустной волости,
В одном из окрестных сел,
Как водится в юном возрасте,
Я друга себе завел.

И дружба была не шуточной, —
Босых не жалела ног.
И время разлуки суточной
Терпела, как тяжкий срок,

Ей всякая стежка кружная
Для встречи была прямой,
Ей было легко без ужина
Заснуть, припоздав домой...

1952

* * *

Есть что-то в долголетье необычном
Такое, что в понятиях людей
Считается почти что неприличным,
По крайней мере — слабостью твоей.

Так гость, бывает, за полночь куда там,
Уж и пора, пора ему домой,
А все сидит он с видом виноватым
И все стакан допить не хочет свой.

Знать, ждет его такая дрянь-квартира,
Куда тащиться через город весь,
Где и темно, и холодно, и сыро,
И где, как лег — уже ни встать, ни сесть...

Нам всякий раз, такого гостя видя,
Сказать бы надо: добрый человек,
Сидите вы, пожалуйста, сидите
И оставайтесь с нами на ночлег.

1953

* * *

Ветер какой. — ты слышишь? —
Как раскачал дубы:
Желуди по железной крыше —
Грохот ночной пальбы.

Горький загул погоды
В поздней безлюдной мгле,
Словно всей жизни годы,
Гонит листву по земле.

Друг мой, такой далекий,
Где там забыться сном:
В этой ночи глубокой
Мне без тебя одиноко,
Как одному под огнем...

1954

* * *

В дружбе есть святая проба,
Есть заветная статья:
Если мы друзья до гроба —
И за гробом мы друзья.

Верю я в закон могучий,
Что на свете не избыт:
Друг мой, смерть нас не разлучит,
Если жизнь не пособит.

Пусть прощанья час настанет —
Мне ль, тебе ль придет черед —
Дружбы долг в себе оставит
Нерушимо — тот и тот.

Дружбы подлинной науку
Средь живых познав людей,
Я твою живую руку
Как бы въявь держу в своей...

1954

* * *

Ни ночи нету мне, ни дня,
Ни отдыха, ни срока:
Моя задолженность меня
Преследует жестоко.

У стольких душ людских в долгу,
Живу, бедой объятый:
А вдруг сквитаться не смогу
За все, что было взято!

За то добро, за то тепло,
Участье и пристрастье,
Что в душу мне от них вошло,
Дало изведать счастье.

Сдается часом: заплачу,
Покрою все до строчки;
А часом: нет, не по плечу,
И вновь прошу отсрочки.

И вновь становятся в черед
Сомненье, сил упадок.
Беда! А выйду на народ:
— Ну, как? — Бодрюсь: — Порядок...

И устаю от той игры,
От горького секрета,
Как будто еду до поры
В вагоне без билета.

Как будто я какой злодей,
Под страхом постоянным,
Как будто лучших я друзей
К себе привлек обманом.

От мысли той невмоготу
И тяжелей усталость.
Вот подведут они черту,
И — вдруг — один останусь.

И буду, сам себе ровня́,
Один, в тоске глубокой.

Ни ночи нету мне, ни дня,
Ни отдыха, ни срока.

За что же мне такой удел,
Вся жизнь — из суток в сутки?..

...А что ж ты, собственно, хотел?
Ты думал: счастье — шутки?

1955

* * *

Час рассветный подъема,
Час мой ранний люблю.
Ни в дороге, ни дома
Никогда не просплю.

Для меня в этом часе
Суток лучшая часть:
Непочатый в запасе
День, а жизнь началась.

Все под силу задачи,
Всех яснее одна.
Я хитер, я богаче
Тех, что спят допоздна.

Но грустнее начало
Дня уже самого.
Мне все кажется, мало
Остается его.

Он поспешно убудет,
Вот и на бок пора.
Это молодость любит
Подлинней вечера.

А потом, хоть из пушки
Громыхай под окном.
Со слюной на подушке
Спать готова и днем.

Что, мол, счастье дневное —
Не уйдет, подождет.
Наше дело иное,
Наш скупее расчет.

И другой распорядок
Тех же суток у нас.
Так он дорог, так сладок,
Ранней бодрости час.

1955

* * *

Снега потемнеют синие
Вдоль загородных дорог,
И воды зайдут низинами
В прозрачный еще лесок.

Недвижной гладью прикинутся,
И разом — в сырой ночи́
В поход отовсюду ринутся,
Из русел выбив ручьи.

И, сонная, талая,
Земля обвянет едва,
Листву прошивая старую,
Пойдет строчить трава.

И с ветром нежно-зеленая
Ольховая пыльца,
Из детских лет донесенная,
Как тень, коснется лица.

И сердце почует за́ново,
Что свежесть поры любой
Не только была да канула,
А есть и будет с тобой.

1955

* * *

Ты дура, смерть: грозишься людям
Своей бездонной пустотой,
А мы условились, что будем
И за твоею жить чертой.

И за твоею мглой безгласной,
Мы — здесь, с живыми заодно.
Мы только врозь тебе подвластны, —
Иного смерти не дано.

И, нашей связаны порукой,
Мы вместе знаем чудеса:
Мы слышим в вечности друг друга
И различаем голоса.

И как бы ни был провод тонок —
Между своими связь жива.

Ты это слышишь, друг-потомок?
Ты подтвердишь мои слова?..

1955

* * *

Не много надобно труда,
Уменья и отваги,
Чтоб строчки в рифму, хоть куда,
Составить на бумаге.

То в виде елочки густой,
Хотя и однобокой,
То в виде лесенки крутой,
Хотя и невысокой.

Но бьешься, бьешься так и сяк —
Им не сойти с бумаги.
Как говорит старик Маршак:
— Голубчик, мало тяги...

Дрова как будто и сухи,
Да не играет печка.
Стихи как будто и стихи,
Да правды ни словечка.

Пеняешь ты на неуспех,
На козни в этом мире:
— Чем не стихи? Не хуже тех
Стихов, что в «Новом мире».

Но совесть, та исподтишка
Тебе подскажет вскоре:
Не хуже — честь невелика,
Не лучше — вот что горе.

Покамест молод, малый спрос:
Играй. Но бог избави,
Чтоб до седых дожить волос,
Служа пустой забаве.

1955

* * *

Спасибо, моя родная
Земля, мой отчий дом,
За все, что от жизни знаю,
Что в сердце ношу своем.

За время, за век огромный,
Что выпал и мне с тобой,
За все, что люблю и помню,
За радость мою и боль.

За горечь мою и муку,
Что не миновал в пути.
За добрую науку,
С которой вперед идти.

За то, что бессменно, верно
Тебе служить хочу,
И труд мне любой безмерный
Еще как раз по плечу.

И дерзкий порыв по нраву,
И сил не занимать,
И свято на подвиг право
Во имя твое, во славу
И счастье, отчизна-мать.

1955

* * *

В свеченье славы самобытной
Москва со временем в ладу,
Она печать его не скрытно,
Издревле носит на виду.

На ней черты его и вехи,
И в камне — песнь о городах,
Чьи имена в иные веки
У мира были на устах.

В самолюбивом этом стане
Столиц — верна своей судьбе,
Она и то́, и то́ местами,
Сама, однако, по себе.

Сама — своя, сама — большая,
Стоит, растет и вширь и ввысь,
Порой и недругу внушая
О ней не мелочную мысль.

1955

* * *

У новоселов в Казахстане
Среди степного ковыля
Лежит в раскрытом чемодане
Наследник, соской шевеля.

К стене привязанная крышка,
Никелированный замок.
Лежит, сопит себе парнишка,
Катая глазки в потолок.

Честь честью все — опрятно, строго,
Постель, простынка на груди.
Что ж, чемодан! — мальцу дорога
Еще какая впереди!

1955

МОИМ КРИТИКАМ

Всё учить вы меня норовите,
Преподать немудреный совет,
Чтобы пел я, не слыша, не видя,
Только зная: что можно, что нет.

Но нельзя не иметь мне в расчете,
Что потом, по прошествии лет,
Вы же лекцию мне и прочтете:
Где ж ты был, что ж ты видел, поэт?..

1956

ПОРОГ ПАДУН

Грядой прибрежных гор укрыт,
Порог Падун еще далек,
Еще, невидимый, трубит
В свой допотопный грозный рог.

Крутой подъем, и вспыхнул плес
Реки, укрытой до поры.
И камешки из-под колес
С отвесной кинулись горы.

Над самой кручей — поворот
И — Ангара — река из рек,
И стадо каменное, брод
Загородившее навек.

Три океана с той поры
Воды, наверно, утекло,
Как это стадо от жары
В широком русле залегло.

И в этой кипени седой
Хребты, бока, горбы, зады
То пропадают под водой,
То выступают из воды.

Так вот он — сам Падун-порог
В просторном створе берегов!
Он невысок, зато широк:
То стадо в тысячи голов.

Хмелен от собственных щедрот,
Сугробы пены гонит он
К подножью каменных ворот,
И звон окрест стоит и стон.

И звон, и стон, и вой, и рев,
Вода в жгуты перевита,
Как будто каменных коров
Загнать стремится в ворота —
В пролом скалы, в разрыв горы.
Но даром ярость Ангары.

Но даром весь ее напор:
Недвижно скопище камней.
Лишь эхо каменное гор
Тройным раскатом вторит ей.

Стой и гляди. Запоминай.
Таков он был, Падун-порог,
Таков он был, окрестный край,
Когда уже им вышел срок.

В тот срок у запертых ворот
Над белопенным Падуном
Сомкнулась толща тяжких вод
И стала кипень тихим дном.
И плавно поверх Падуна
Морская двинулась волна.

На глубине утих порог,
Умолк его могучий рог
Навек. И часть красы земной
Ушла, чтоб место дать иной...

1957

ДВЕ ОКИ

Река Ока,
Но не эта, —
Другая река,
В другой части света.

Кругом тайга,
Глухи берега,
Угрюмы воды.
А эта Ока
Далека-далека,
Как детства годы.

В дали своей
Течет, мелея.
Она и теплей,
И теплей, и светлей,
И куда милее.

И весь он мил
До малой приметы
Тот край, тот мир,
Обжитый, угретый,
В песнях воспетый.

В пойме Оки —
Луга, ивняки;
Повыше — нивы;
В селе, в городке
Сбегают к реке
Вишни, сливы.

Ее берега
Светлы, привольны.

А тут — тайга,
Тайга и тайга
В притеми хвойной.

У этой реки
В глубине Сибири,
У этой Оки,
Безвестной в мире,
Всего и есть
Вся ее слава
И вся ее честь —
Пора лесосплава...

Так мало людей
В стране огромной,
Кто бы о ней,
Как о родной, вспомнил.

О родной реке,
Сибирской Оке,
Полноводной, могучей,
Что шумит вдалеке,
В иркутской тайге,
Под береговой кручей.

Чтоб в иной стороне
Теплее стало,
Как нынче мне
При мысли о старой
Оке, чьи воды
От этой реки
Далеки-далеки,
Как детства годы...

1957

* * *

Та кровь, что пролита недаром
В сорокалетний этот срок,
Нет, не иссякла вешним паром
И не ушла она в песок.

Не затвердела год от года,
Не запеклась еще она.
Та кровь подвижника-народа
Свежа, красна и солона.

Ей не довольно стать зеленой
В лугах травой, в садах листвой,
Она живой, нерастворенной
Горит, как пламень заревой.

Стучит в сердца, владеет нами,
Не отпуская ни на час,
Чтоб наших жертв святая память
В пути не покидала нас.

Чтоб нам, внимая славословью,
И в праздник нынешних побед
Не забывать, что этой кровью
Дымится наш вчерашний след.

И знать, что к бою правомочна
Она призвать нас вновь и вновь...

Как говорится: «Дело прочно,
Когда под ним струится кровь».

1957

* * *

Не просто случай славы тленной
С иными случаями в счет —
Ступить за тот порог Вселенной,
Что вечность глухо стережет;
Где дальних солнц теснятся чащи,
Миров безмолвных тьмы и тьмы...
Всего людского рода счастье,
Что этот шаг ступили мы.
Недаром в мире планетарном
На этот мирный позывной
Глубоким вздохом благодарным
Ты отозвался, шар земной.

1957

ОТ ИРКУТСКА ДО БРАТСКА

Этот подвиг солдатский —
Он недаром в чести:
От Иркутска до Братска
Ту струну навести.
Через горы и пади,
Сквозь тайгу на ура,
Где ни шага, ни пяди
Без дружка-топора,
Без пилы да мотора,
Да по сходству с войной —
Тягача-корнедёра
И взрывчатки порой;
Тяжкий вывесить провод
Вровень с дикой тайгой
И по линии новой
Ток для стройки другой
На подмогу направить
В срок, что планы велят.

Как не петь их, не славить,
Тех таежных солдат!
Что же за́ люди это,
Что за мощь, что за стать!
Их в прошедшее лето
Мне случалось встречать
Той жарой пропеченных
В непривычных местах —
Пареньков и девчонок
В неизменных штанах
И целинных ковбойках;
Горожан и сельчан,
Присмиревших и бойких;
Москвичей и минчан,

Киевлян, ленинградцев
И землячеств иных.

От Иркутска до Братска
Фронт держался на них...

Буреломы да гари,
Лес живой — грудь на грудь,
Мертвый лес под ногами,
Заграждающий путь.
Духотища лесная,
Будто влез на поло́к,
И вода привозная —
Скудный в сутки паек.
И ни срока, ни часа
От нещадной мошки́.

Так и строилась трасса
Сквозь тайгу напрямки...
Виды видела обувь,
Все, как было в войну.

Но запомнил особо
Я девчонку одну.

С новой грубой наукой
Плохи вышли дела:
Поврежденную руку
В тыл, как ляльку, несла.
Смесь восторга и боли —
Это было и тут,
Как у всех, что из боя
С легкой раной идут.
Рана — что же дивиться:
Рана в деле — почет
И возможность отмыться,
Отоспаться не в счет.

И по сходному праву
Та девчонка-солдат,
Ну, почти что со славой —
Из тайги — на Арбат.
Впереди телеграмма,

Следом поезд прямой.
Вот и папа и мама
И мошки́ — никакой.

Благодать, не поспоришь.
Но сегодня, гляди,
Вдруг вселяется горечь
У девчонки в груди.
— Вот до заданной цели,
До победного дня
Там дошли. Одолели
Все труды — без меня.

И утратой немалой
Та покажется даль.
Даже папа и мама
Тут помогут едва ль.

1957

* * *

Я полон веры несомненной,
Что жизнь — как быстро ни бежит, —
Она не так уже мгновенна
И мне вполне принадлежит.

Со всем ее живым и сущим
Отрадным светом и теплом,
С ее прошедшим и грядущим
Добром и горьким недобром.

Она дала мне дней задаток,
Ну что же, в дело обратим,
И как тот малый срок ни краток —
Он от нее неотделим:
Он ей самой необходим.

1957

* * *

Не знаю, как бы я любил
Весь этот мир, бегущий мимо,
Когда б не убыль прежних сил,
Не счет годов необратимый.

Не знаю, как горел бы жар
Моей привязанности кровной,
Когда бы я не подлежал,
Как все, отставке безусловной.

Тогда откуда бы взялась
В душе, вовек неомраченной,
Та жизни выстраданной сласть,
Та вера, воля, страсть и власть,
Что стоит мук и смерти черной.

1957

* * *

Вдоль новой в Москве магистрали,
В канун годовщины великой,
Девчонки и парни сажали
Кудрявые крупные липы.

С машин их спускали учтиво
С запасом земли материнской
И ставили строем — на диво
Прямым — в направлении Минска...

В раздумье отметил прохожий,
Мужчина с висками седыми,
Что вдвое ребята моложе
Деревьев, сажаемых ими.

— Лет сорок, не менее, липкам. —
И после невольного вздоха:
— Ах, времечко-время, — с улыбкой
Промолвил прохожий. — Эпоха!

1957

ТЫ И Я

Ты поздно встал, угрюм и вял,
И свет тебе не мил.
А я еще зарю застал
И с солнцем в день вступил.

К тебе, несвежему со сна,
Никто не подходи.
А мне на редкость жизнь красна
И — радость впереди.

Я утро на день запасал,
Его вбивая в грудь.
Теперь за стол, как за штурвал,
И снова — в дальний путь.

Тебе в унынье не понять,
Как полон мир красы,
Как стыдно попусту терять
Заветные часы.

И все тебе нехороши.
И сам ты нехорош:
Мол, хоть пиши, хоть не пиши —
И так, и так умрешь.

И все вокруг — до тошноты,
Все повод для нытья...
Как горько мне, как жаль, что ты —
Ведь это — то же я.

Я все твои ношу в себе
Повадки и черты.
Еще спасибо той судьбе,
Что я — не просто ты;

Что я — в тебе таком — не весь
Отнюдь, — скажу любя:
Я — это я, каков я есть,
За вычетом тебя.

1957—1958

О СУЩЕМ

Мне славы тлен — без интереса
И власти мелочная страсть.
Но мне от утреннего леса
Нужна моя на свете часть;
От уходящей в детство стежки
В бору пахучей конопли;
От той березовой сережки,
Что майский дождь прибьет в пыли;
От моря, моющего с пеной
Каменья теплых берегов;
От песни той, что юность пела
В свой век — особый из веков;
И от беды и от победы —
Любой людской — нужна мне часть,
Чтоб видеть все и все изведать,
Всему не издали учась...
И не таю еще признанья:
Мне нужно, дорого до слез
В итоге — твердое сознанье,
Что честно я тянул мой воз.

1957—1958

РАЗГОВОР С ПАДУНОМ

Ты все ревешь, порог Падун,
Но так тревожен рев:
Знать, ветер дней твоих подул
С негаданных краев.
Подул, надул — нанес людей:
Кончать, старик, с тобой,
Хоть ты по гордости твоей
Как будто рвешься в бой.

Мол, сила силе не ровня:
Что — люди? Моль. Мошка́.
Им, чтоб устать, довольно дня,
А я не сплю века.
Что — люди? Кто-нибудь сравни,
Затеяв спор с рекой.
Ах, как медлительны они,
Проходит год, другой...
Как мыши робкие, шурша,
Ведут подкоп в земле
И будто нянчат груз ковша,
Качая на стреле.
В мороз — тепло, в жару им — тень
Подай: терпеть невмочь,
Подай им пищу, что ни день,
И крышу, что ни ночь.
Треть суток спят, встают с трудом,
Особо если тьма.
А я не сплю и подо льдом,
Когда скует зима.
Тысячелетья песнь мою
Пою горам, реке.
Плоты с верховья в щепки бью,
Встряхнувшись налегке.

И за несчетный ряд годов,
Минувших на земле,
Я пропустил пять-шесть судов, —
Их список на скале...
И челноку и кораблю
Издревле честь одна:
Хочу — щажу, хочу — топлю, —
Все в воле Падуна.
О том пою, и эту песнь
Вовек не перепеть:
Таков Падун, каков он есть,
И был и будет впредь.
Мой грозный рев окрест стоит,
Кипит, гремит река...

Все так. Но с похвальбы, старик,
Корысть невелика.
И есть всему свой срок, свой ряд,
И мера, и расчет.
Что — люди? Люди, знаешь, брат,
Какой они народ?
Нет, ты не знаешь им цены,
Не видишь силы их,
Хоть и слова твои верны
О слабостях людских...
Все так: и краток век людской,
И нужен людям свет,
Тепло, и отдых, и покой, —
Тебе в них ну́жды нет.
Еще не все. Еще у них,
В разгар самой страды,
Забот, хлопот, затей иных
И дела — до беды.
И полудела, и причуд,
И суеты сует,
Едва шабаш, —
Кто — в загс,
Кто — в суд,
Кто — в баню,
Кто — в буфет...
Бегут домой, спешат в кино,
На танцы — пыль толочь.
И пьют по праздникам вино,

И в будний день не прочь.
И на работе — что ни шаг,
И кто бы ни ступил —
Заводят множество бумаг,
Без них им свет не мил.
Свой навык принятый храня
И опыт привозной,
На заседаньях по три дня
Сидят в глуши лесной.
И буквы крупные любя,
Как будто для ребят,
Плакаты сами для себя
На соснах громоздят.
Чуть что — аврал: «Внедрить! Поднять —
И подвести итог!»
И все досрочно, — не понять:
Зачем не точно в срок?..
А то о пользе овощей
Вещают ввысоке
И славят тысячи вещей,
Которых нет в тайге...
Я правду всю насчет людей
С тобой затем делю,
Что я до боли их, чертей,
Какие есть, люблю.

Все так. И тот мышиный труд —
Не бросок он для глаз.
Но приглядись, а нет ли тут
Подвоха про запас?
Долбят, сверлят — за шагом шаг —
В морозы и жары.
И под Иркутском точно так
Все было до поры.
И там до срока все вокруг
Казалось — не всерьез.
И под Берлином — все не вдруг,
Все исподволь велось...
Ты проглядел уже, старик,
Когда из-за горы
Они пробили бечевник
К воротам Ангары.
Да что! Куда там бечевник! —

Таежной целиной
Тысячеверстный — напрямик —
Проложен путь иной.
И тем путем в недавний срок,
Наполнив провода,
Иркутской ГЭС ангарский ток
Уже потек сюда.
Теперь ты понял, как хитры,
Тебе не по нутру,
Что люди против Ангары
Послали Ангару.
И та близка уже пора,
Когда все разом — в бой.
И — что Берлин,
Что Ангара,
Что дьявол им любой!
Бетон, и сталь, и тяжкий бут
Ворота сузят вдруг...
Нет, он недаром длился, труд
Людских голов и рук.
Недаром ветер тот подул.
Как хочешь, друг седой,
Но близок день, и ты, Падун,
Умолкнешь под водой...
Ты скажешь: так тому и быть;
Зато удел красив:
Чтоб одного меня побить —
Такая бездна сил
Сюда пришла со всех сторон;
Не весь ли материк?
Выходит, знали, что силен,
Робели?.. Ах, старик,
Твою гордыню до поры
Я, сколько мог, щадил:
Не для тебя, не для игры, —
Для дела — фронт и тыл.
И как бы ни была река
Крута — о том не спор, —
Но со всего материка
Трубить зачем же сбор!
А до тебя, не будь нужды,
Так люди и теперь
Твоей касаться бороды

Не стали бы, поверь,
Ты присмирел, хоть песнь свою
Трубишь в свой древний рог.
Но в звуках я распознаю,
Что ты сказать бы мог.

Ты мог бы молвить: хороши!
Всё на одни весы:
Для дела всё. А для души?
А просто для красы?
Так — нет?.. Однако не спеши
Свой выносить упрек:
И для красы и для души
Пойдет нам дело впрок...
В природе шагу не ступить,
Чтоб тотчас, так ли, сяк,
Ей чем-нибудь не заплатить
За этот самый шаг...
И мы у этих берегов
Пройдем не без утрат.
За эту стройку для веков
Тобой заплатим, брат.
Твоею пенной сединой,
Величьем диких гор.
И в дар Сибири свой — иной
Откроем вдаль простор.
Морская ширь — ни дать ни взять —
Раздвинет берега,
Байкалу-батюшке под стать,
Чья дочь — сама река.
Он добр и щедр к родне своей,
И вовсе не беда,
Что, может, будет потеплей
В тех берегах вода.
Теплей вода,
Светлей места, —
Вот так, взамен твоей,
Придет иная красота, —
И не поспоришь с ней...
Но кисть и хитрый аппарат
Тебя, твой лик, твой цвет
Схватить в натуре норовят,
Запечатлеть навек.

Придет иная красота
На эти берега.
Но, видно, людям та́ и та́
Нужна и дорога́.

Затем и я из слов простых
И откровенных дум
Слагаю мой прощальный стих
Тебе, старик Падун.

1958

ЕЩЕ О СИБИРИ

Сибирь не любит насаждений —
Не зря в народе говорят.
Порой пятна листвяной тени
На сто дворов не встретит взгляд.
И суть не в том, что злы морозы, —
Не о вишневых речь садах, —
Но хоть бы ствол мелькнул березы
Иль куст рябины на задах.
Домов обветренная серость,
Задворков голых скучный вид, —
Вся неприютная оседлость —
Она о многом говорит.

О том, как деды в диком крае
За трудным пашенным добром
Ходили в бой, отодвигая
Тайгу огнем и топором;
Тайгу, что их теснила темью
И свой вела из года в год
На тех завидных, жирных землях
Извечный севооборот.
Какая к лесу будет жалость,
Зачем он был — тот самый куст:
За ним тайга вблизи держалась,
И мрак, и глушь, и зверь, и гнус...

Нет, даже спрашивать неловко
Насчет посадочных забот
В таких местах, где раскорчевка
И нынче в поле — жаркий пот;
Где ради каждой новой сотки
Земли из-под вчерашних пней

Гремят бульдозеры, лебедки,
Взрывчатка ухает на ней...

Все так. Но тем еще дороже
Душе моей, когда порой
И здесь увидишь вдоль дороги
Березок юных ровный строй;
Цепочку елей малолетних,
Подростков-тополей чреду,
Они для глаза тем приметней,
Что вся тайга еще в виду;
Вся эта просека Сибири
Вдоль знаменитого шоссе, —
Вовек без надобности были
Ей даже думы о красе.

И светлой верю я примете,
Не в дальних далях вижу срок,
Когда и этот край на свете
Мы обратим до пяди впрок, —
С не меньшей, может быть, любовью,
Чем та, что знают на земле
Сады и рощи Подмосковья
Иль Крым, ухоженный в тепле.

1958

СТАРОЖИЛ

— Тебя-то какими судьбами
Сюда, старика, занесло,
В тайгу, где ни печки, ни бани,
Ни город еще, ни село?
— Молчи, неприютное дело —
Цыганские эти шатры.
Душа не на месте, а тело
Скорбит от лихой мошкары.
И сам бы, признаться, едва ли
Решился когда-нибудь я
В такие отправиться дали...
— А что за причина?
— Своя...
Мне зять не великая шишка,
Да с ним же — родимая дочь.
Ну, словом, взбодрить им домишко,
Как хочешь, а надо помочь.
Затем и решился и прибыл,
Задача еще по плечу.
А лесу — любого на выбор.
Что видишь, — руби — не хочу.
Поставлю им дом, по хозяйству
Что надо еще — смастерю.
И вот вам: живи, размножайся, —
Я так или нет говорю?
— Еще бы! Житейское дело:
Уж ежели дом, так в дому
И теплое место для деда
Найдется...
— Как раз — ни к чему.
Помóчь — это случай особый,
А чтобы в такие лета,
Да разве то мыслимо, чтобы

Родные покинуть места?!
Не шутка. Не лапоть на лапоть
Сменить — иль сапог на сапог...
— Так, значит, обратно? На запад?
— Зачем же, — как раз на восток.
На Шилку. Свой дом не холодный.
— Ага, ты родился там, дед,
Тех мест старожил первородный?
— И так, и опять-таки — нет.
Родился я в местности дальней:
В селе Бизюки, на Днепре,
А прибыл с отцом в Забайкалье
Мальчонкой — еще при царе.
С тех пор прижилися в Сибири.
Как вспомнишь — за столько годов
Каких мы с отцом ни рубили
Из вольного леса домов.
Собрать воедино те срубы,
Что были воздвигнуты врозь —
Ну город бы, — дорого-любо, —
И вот где рубить привелось...
— А как, не бывает порою,
Что вспомнишь о той стороне?
— Ну, как не бывает, — не скрою:
Бывает, но больше во сне...
Отец — тот берег топорище
Смоленской березы своей.
И все говорил, что кладбище
И то на Днепре веселей.
А я рассуждаю об этом:
Где смолоду труд положил,
Жизнь прожил да вырастил деток, -
Вот там ты и есть старожил.

1958

* * *

Вся суть в одном-единственном завете:
То, что скажу, до времени тая,
Я это знаю лучше всех на свете —
Живых и мертвых, — знаю только я.

Сказать то слово никому другому
Я никогда бы ни за что не мог
Передоверить. Даже Льву Толстому —
Нельзя. Не скажет — пусть себе он бог.

А я лишь смертный. За свое в ответе,
Я об одном при жизни хлопочу:
О том, что знаю лучше всех на свете,
Сказать хочу. И так, как я хочу.

1958

УСТАЛОСТЬ

Порой такая гудит усталость,
    Как лечь в кровать, —
Сдается, силы едва осталось,
    Чтоб утром встать.

Как будто в шахте пластом породы —
    Ни ног, ни рук —
Все эти годы, труды, походы
    Придавят вдруг.

Без мук, без боли. И рухнет время
    На всем скаку...
Но утром встанешь ты вместе с теми,
    Что — по гудку.

Не отставая ни на минуту
    Ни в чем от них,
Поспешно выйдешь, пройдешься, будто
    До проходных.

Потом вернешься под крышу дома —
    Все по часам —
И тоже смену по-молодому
    Заступишь сам.

1958

СВИДЕТЕЛЬСТВО

Столичной окраины житель барачный,
Смекалке обязанный долей такой,
При слове «колхоз», безнадежно и мрачно,
Зажмурившись, молча махавший рукой;

Хвалившийся тем, как расчел он удачно,
В село заглянув по дороге с войны, —
Столичной окраины житель барачный
Из отпуска прибыл с родной стороны...

— Ну, как? — я спросил для порядка при встрече,
По опыту зная уже наперед
Все притчи его, все извития речи,
Оттенок любой и любой оборот.

И вдруг этот плут, этот скептик прожженный,
Мастак изъясняться игриво и зло:
— Вы знаете что, — отозвался смущенно, —
Вы знаете, вроде как дело пошло...

*

Я в книжку занес этот отзыв нежданный
Затем, что для многих на свете людей
Он, может, ценнее, как это ни странно,
Обширных речей и ученых статей.

1958

СОБРАТЬЯМ ПО ПЕРУ

В деле своем без излишней тревоги
Мы затвердили с давнишней поры
То, что горшки обжигают не боги,
Ну, а не боги, так — дуй до горы.

Только по той продвигаясь дороге,
Нам бы вдобавок усвоить пора:
Верно, горшки обжигают не боги,
Но обжигают их — мастера!

1958

НОВОСЕЛЬЕ

— Новоселье! Дом — картинка.
Жаль, что мне-то, старику,
Новоселье не в новинку,
Не впервые на веку.

Как пришли еще с гражданской,
Тотчас с батькой за топор.
Под боком лесок был панский, —
Вот и хата и простор:

Брату каждому окошко.
Раздается вширь семья,
То да се, пошла дележка, —
Стройка новая моя.

Год, другой — опять потеха!
Хутора пошли у нас.
Надо с хатой в поле ехать —
Новоселье в третий раз.

Поугрелось место в поле,
Под окошком сад подрос,
Пообвык на волчьей воле, —
Вдруг колхоз. Ну что ж, — в колхоз.

И опять в дорогу хата.
Разобрали — соберем.
А мои уже ребята
Подросли. И что им дом!

Остаемся со старухой,
Тоже праздник не велик.
А пришла война — разруха, —
Стройся заново, старик.

Запрягайся в ту же лямку.
Ну да что ж, куда ни шло.
Дом не дом, пускай землянку
Оборудовал. Тепло.

Год, другой — в земле, в потемках.
Подтащил леску, досок.
Оборудовал хатенку —
В два оконца свет потек.

По годам не до иного,
Как угрелся, так и рай.
Глядь, пошел поселок новый, —
Вылезай, переезжай.

Спору нету: дом — картинка,
Только жаль, что старику
Новоселье не в новинку,
Не впервые на веку.

А для радости-веселья,
Это верные слова,
Лучше нет, как новоселье
В жизни раз. От силы два.

Хоть кому прикинуть, взвесить:
Хата, вроде как жена:
Для чего их пять да десять,
Будь хорошая одна?

Дом — как дом. Крылечко. Сени.
Все не на день — на года.
Все мне в жизни новоселье.
Это — да. А жить когда?

Впрочем, что же: дом — хозяйство.
Есть завет на случай сей:
Ты хоть завтра собирайся
Помирать, а жито сей!

1955—1959

МОСКОВСКОЕ УТРО

Москва по утрам
    обновляется чудно:
Еще не шумна,
    не пыльна, малолюдна;
Подернута дымкой
    в разводах белесых,
Где дождь по асфальту
    прошел на колесах;
Насыщена запахом
    булочных ранних,
Где белый — как сдоба,
    и черный — как пряник;
Остужена тенью
    своих корпусов;
Озвучена боем
    кремлевских часов.

И весь этот мир,
    этот утренний город,
Мне нынче особенно
    близок и до́рог.
Надев мои но́вые
    брюки в полоску,
К газетному я
    направляюсь киоску.
Газету мне почта
    доставит и на́ дом,
Но мне ее видеть
    на улице надо,
В случайном составе
    того коллектива,
Где очередь я
    занимаю учтиво.

И скукой томиться
    там нету причины:
Газету как раз
    выгружают с машины.
А что там сегодня
    на третьей странице,
Еще никому
    не известно в столице.
А я хоть и знаю
    от строчки до строчки,
Но скромно молчу,
    продвигаясь в цепочке.
Хотя эта скромность —
    признаться ли в том? —
Она мне дается
    с немалым трудом.

Давно я немолод,
    но, странное дело,
В одном остаюсь я
    парнишкой всецело,
Тем самым, что где-то,
    далеко отсюда,
Впервые познал
    это сладкое чудо —
Увидеть свой вымысел,
    скрытно рожденный,
Печатными буквами
    вдруг утвержденный
И распространенный,
    объявленный разом
С уборочной сводкой,
    Верховным указом,
Ученой статьей
    и последнею самой
Парижской ли,
    лондонской там телеграммой,
Итоговым счетом
    футбольных работ...
Но что это? Нет?
    Или номер не тот?

Уже впереди
  развернули газету,
На третьей странице —
  стихов моих нету.
Да, так-таки нету.
  И сердце упало...
А люди вокруг —
  как ни в чем не бывало:
Тот прячет газету
  в портфель для утехи —
В служебное время
  прочесть без помехи;
А этой серьезной,
  порывистой тете —
Ей некогда будет
  читать на работе, —
Она, как и многие,
  мигом, на месте,
Срывает верхушки
  последних известий,
Себя сберегая
  для нынешних дел...
Зачем же я новые
  брюки надел?..

И чувство вины,
  и стыда, и просчета
Меня охватило.
  Какого же черта!..
Как будто свой поезд
  прохлопав ушами,
Остался дурак
  на перроне в пижаме:
За поездом, что ли,
  бежать ему вслед?
Он думал, что едет,
  а вышло, что нет...
Какого же черта!..
  Ведь ночью недавней
Звонил мне редактор,
  не просто, а главный.

Я к трубке приникнул —
не часто такое, —
И слышу: — Простите,
что вас беспокою.
Хоть службу ночную
мы сами несем,
Но знаем, как дорог
ваш творческий сон. —
И против обычных
редакторских правил
С удачей меня
троекратно поздравил.
Мол, знаете сами,
не мастер хвалить я,
Но это в поэзии —
просто событье.
Этап. И ступень.
И значительный шаг...

Слова эти
так и горели в ушах.
Хотя, если вспомнить, —
я с первой минуты
Почуял, что главный
подводит к чему-то;
И вот уже вывел
на самую кромку,
Внизу для меня
подстеливши соломку:
— Печатаем, как же!
За мелочью дело... —
И трубка в руке
у меня запотела.
Я слышу, как главный
закашлял неловко:
— Вы знаете, все-таки...
эта концовка...
Прочтите-ка сами —
не слева направо,
А справа налево:
двусмысленно, право...

Мой голос дрожит
от обиды и гнева:
— Простите, зачем же
мне справа налево
Читать эти строчки,
размысливши здраво,
Когда полагается —
слева направо?
— Конечно, конечно, —
и главный согласен,
Что смысл, если так,
безупречен и ясен.
— Но мы о читателе
думать должны.
(Как будто читатель —
он прибыл с луны!)
Мол, этот вопрос —
он возник мимоходом,
Поскольку мы тут
совещались с народом.

Я диву даюсь:
ну зачем он мне врет?
Какой там сейчас
в кабинете народ!
И мне ли не знать,
что на самом-то деле
Народ по ночам
пребывает в постели.
А тот, что на вахте
иль в смене ночной,
Он занят своею
задачей прямой.

Но именно данную
часть разговора
Я как-то из памяти
выпустил скоро.
А то, что я в трубке
услышал сначала,
В душе моей внятно
и сладко звучало:

«Печатаем, как же!
    За мелочью дело...»
Но мелочь, я думал,
    сама отлетела...
И утром поднялся,
    доволен и светел,
И новыми брюками
    дату отметил.
И бодрой походкой
    на улицу вышел,
А как обернулось —
    рассказано выше...
Но утро есть утро,
    и день — это дело.
Москва поднялась,
    зашумела, запела,
Затмилась пыльцой
    и дымком зачадила,
Но жизни полна,
    величава на диво!..

Досада моя
    рассосалась помалу.
К столу! — как другие к станку
    иль штурвалу.
К труду! — и забудь
    в горделивом терпенье
Про все те «этапы»,
    «шаги» и «ступени».
Но строки души
    и любви не лукавой
Пиши, как положено, —
    слева направо.
И помни в работе,
    единой со всеми,
Что главный редактор —
    великое время, —
Не в далях иных,
    за посмертной страницей,
А время, что нынче —
    в селе и в столице.
И ты не считай,
    что, родившись в сорочке,

Ему не обязан
    от строчки до строчки.
Обязан кругом —
    и завидной планидой,
И славой своей,
    и минучей обидой.
Оно и обиду
    по чести рассудит,
А если не вдруг,
    так тебя не убудет.
Не так ты уж беден
    и в нынешнем разе:
Не все на прилавке,
    а есть и на базе!..

Ах, время, родное,
    великое время,
Солгу по расчету —
    лупи меня в темя!
А если подчас
    оступлюсь ненароком —
Учи меня мудрым
    уроком-упреком.
Приму его сердцем,
    учту его честно,
В строю не замедлю
    занять свое место.
Когда я с тобою,
    мне все по плечу,
Ты скажешь —
    я горы тебе сворочу.

1957—1959

У ПАДУНА

Река пропела все сначала,
Ярясь на новом рубеже,
Как будто знать она не знала,
Что уступала нам уже.

Всю ночь под пеной волны выли.
К утру, не дав реке вздохнуть,
Мы скальным грузом придавили
Ее бунтующую грудь.

Не устояли в жарком споре
С годами нашими века.
И, очутившись на запоре,
Утихомирилась река.

Недвижны тяжкие ворота,
За ними плес плененных вод.
Умолкла битва, но работа
Вступает в новый свой черед.

19 июня 1959 г.
Братск

БАЙКАЛ

Байкал, чья слава в этом мире
Века веков переживет,
Как он под стать самой Сибири
Бескрайним плесом мощных вод;

Под бурей — рокотом громовым
У скал прибрежной полосы,
В тиши — достоинством суровым
Могучей сказочной красы.

В его блистающем просторе,
В глубинной толще вековой,
В его повадках — облик моря
И отзвук в говоре морской.

От скальных круч Хамар-Дабана
Сплетает гор своих венец
Он — мирового океана
На этой суше посланец.

Пусть далеки на ней селенья
От океанских берегов,
Уже взрастил он поколенья
Отвагой славных моряков.

И дань души своей влюбленной
Несут Байкалу с давних лет
Рыбак, и труженик-ученый,
И живописец, и поэт...

Байкал! Бегут в тайгу на север
Сквозь ночь сибирскую огни.
На Ангаре и Енисее —
Байкала отблески они!

Не сон глухой, не камень дикий,
Не память бед, — иная быль —
Дела индустрии великой —
Твой день сегодняшний, Сибирь.

Но эти царственные воды,
Но горы в сизой полумгле, —
Байкал — бесценный дар природы —
Да будет вечен на земле.

1959

* * *

Не хожен путь
И не прост подъем,
Но будь ты большим иль малым,
А только — вперед,
За бегущим днем,
Как за огневым валом,

За ним, за ним, —
Не тебе одному
Бедой грозит передышка, —
За валом огня.
И плотней к нему.
Сробел и отстал —
Крышка!

Такая служба твоя, поэт,
И весь ты в ней без остатка.
— А страшно все же?
— Еще бы — нет!
И страшно порой.
Да — сладко!

1959

* * *

Жить бы мне век соловьем-одиночкой
В этом краю травянистых дорог,
Звонко выщелкивать строчку за строчкой,
Циклы стихов заготавливать впрок.
О разнотравье лугов непримятых.
Зорях пастушьих, угодьях грибных.
О лесниках-добряках бородатых.
О родниках и вечерних закатах.
Девичьих косах и росах ночных...

Жить бы да петь в заповеднике этом,
От многолюдных дорог в стороне,
Малым, недальним довольствуясь эхом —
Вот оно, счастье. Да, жаль, не по мне.

Сердце иному причастно всецело,
Словно с рожденья кому подряжен
Браться с душой за нелегкое дело,
Биться, беситься и лезть на рожон.

И поспевать, надрываясь до страсти,
С болью, с тревогой за нынешним днем.
И обретать беспокойное счастье
Не во вчерашнем, а именно в нем...

Да! Но скажу я: без этой тропинки,
Где оставляю сегодняшний след,
И без росы на лесной паутинке —
Памяти нежной ребяческих лет —
И без иной — хоть ничтожной — травинки
Жить мне и петь мне? Опять-таки — нет...

Не потому, что особой причуде
Дань отдаю в этом тихом краю.
Просто — мне дорого все, что и людям,
Все, что мне дорого, то и пою.

1959

ДОРОГА ДОРОГ

Дорога дорог меж двумя океанами,
С тайгой за окном иль равнинами голыми,
Как вехами, вся обозначена кранами —
Стальными советского века глаголями.

Возносят свое многотонное кружево
Они над землей — не вчера ли разбуженной,
Сибирью, по фронту всему атакуемой,
С ее Погорюй — Потоскуй — Покукуями.
Встают над тылами ее необжитыми,
Что вдруг обернулись «Магнитками» новыми,
Над стройками, в мире уже знаменитыми,
И теми, что даже не наименованы.

Краина, что многих держав поместительней,
Ты вся, осененная этими кранами,
Видна мне единой площадкой строительной,
Размеченной грубо карьерами рваными;
Вразброс котлованами и эстакадами,
Неполными новых проспектов порядками,
Посадками парков, причалами, складами,
Времянками-арками и танцплощадками.

В места, по прозванью, не столь отдаленные,
Хотя бы лежали за дальними далями,
И нынче еще не весьма утепленные
Своими таежными теплоцентралями, —
В места, что под завтрашний день застолбованы,
Вступает народ, богатырь небалованный.

Ему — что солдату на фронте — не в новости
Жары и морозы железной суровости,
Приварок, в поэмах и песнях прославленный,
И хлеб, тягачами на место доставленный.

Не стать привыкать — за привалами редкими —
Ему продвигаться путями неторными.
Он для Семилетки взращен Пятилетками

И целой эпохи походными нормами;
Годами труда, переменами столькими;
Краями, для дел богатырских привольными;
Своими большими и малыми стройками —
В прослойку с большими и малыми войнами.

Какие угрюмые горы с ущельями
В снегах прогревая бивачными дымами,
Прошел он навылет стволами-тоннелями,
Мостами сцепив берега нелюдимые!
В какие студеные дебри суровые
Врубаясь дорог протяженными клиньями,
Он ввез города на колесах готовые,
К столицам своим подключив их на линии!

Он знает про силу свою молодецкую,
Народ, под великий залог завербованный,
Все может! И даже родную советскую
Словцом помянуть, с топора окантованным.
Хозяин! А время крутое, рабочее —
Не время для слов умилительной кротости.
Вселенная — пусть она встала на очередь,
Забот на Земле остается до пропасти.
Простора довольно для нынешних подвигов,
Что в завтрашнем блеске со счету не сбросятся.

...А где мое слово, что было бы подлинным,
Тем самым, которое временем спросится?

Пускай оно будет не самое громкое,
Но только бы правдой бестрепетной емкое.

Пускай не из стали оно, не навечное,
Но только бы слово от сердца, сердечное.

Простое, земное — пускай не надзвездное,
Веселое к месту и к месту серьезное.

Но только бы даль в нем была богатырская,
Как русское это раздолье сибирское;

Как эта моя, осененная кранами,
Дорога дорог меж двумя океанами.

1959

В ТАЙГЕ ПРИМОРЬЯ

Как будто дождь медовый выпал
Над этой чудной стороной:
Так густо дух таежной липы
Стоит тягучий и парной.

И над дорогой, над машиной,
И надо всей самой тайгой —
Бездонный ровный звон пчелиный,
Бессонный день жары глухой.

Здесь царство липы, — клен и ясень,
Орех и дуб в ее тени...
А четкий строй таежных пасек
Поселкам нынешним сродни.

И простота, и стройность та же,
И блеск деструганной сосны,
И легкость звонкая, и даже
Щеголеватость новизны.

1959

* * *

Некогда мне над собой измываться,
Праздно терзаться и даром страдать.
Делом давай-ка с бедой управляться,
Ждут сиротливо перо и тетрадь.

Некогда. Времени нет для мороки, —
В самый обрез для работы оно.
Жесткие сроки — отличные сроки,
Если иных нам уже не дано.

1959

НОВОГОДНЯЯ БАСНЯ

Так повелось издревле в мире:
Где праздничный спешит на елку дед,
Там бабке будничной — сатире,
    Понятно, места нет.

К тому же басня — жанр особой меры,
Дошедший к нам из глубины веков,
И в наши дни удел ее таков:
Прибрал к рукам сначала Михалков,
    А вслед за ним — пенсионеры.

    Взялись чесать —
    Держись, печать! —
Забыв про отдых на досуге,
Пороки наши и недуги
    Изобличать.

А я? С чего же я сегодня,
Взяв этот стих, навязнувший в зубах, —
    Да где, представьте,
    В «Правде»
    Новогодней, —
    Вдруг — басню — бах?

На пенсию не срок еще, пожалуй, —
Я сам года не склонен торопить.
Знать, содержанье форму подсказало.
    Что ж, так тому и быть.

*

Один администратор, от рожденья
К новаторству испытывая пыл,
    Впредь до введенья

Парового отопленья
Печное — воспретил.

В приказе разъяснил он популярно,
Что печь как отопительный прибор
Не только что кустарна,
И угарна,
И антисанитарна
(Грязь да сор),
Но с точки зренья противопожарной —
Есть пережиток и позор.

И в подтвержденье этой части вводной,
Как водится, чтоб оживить урок,
Он перлы мудрости народной
И русской классики привлек.

Не шутка тоже — составлять приказы,
Чтоб четко по разделам и графам
Не только базы,
Но и высшей фазы
Коснуться перед тем, как перейти к дровам.

А в части дров
Суров
Новейший был порядок:
Отныне таковых не запасать
На складах.
А где какой имеется остаток —
Изъять
И наложить печать.

Тут разные в поселке
Были толки.
Без выбора особого в словах.
Но все в порядке самозаготовки
К зиме — радели о дровах.

И в предвкушенье благ теплоцентрали,
Что к нам в жилье прокладывала путь,
Зимой у нас топить не перестали
Отнюдь!

Тогда, решив себя увековечить,
Администратор — гению под стать! —
Велел печевладельцев *обеспечить*,
Что означает: печи поломать.

Предвиделись немалые затраты,
Приверженность к привычкам бытовым...
(Заметим в скобках, сам администратор
Жил в доме с отопленьем паровым.)

Однако план *обеспеченья*
Не получил осуществленья, —
На ближних подступах оно
Отсталой — женской — частью населенья
Успешно было предотвращено.

— Ах, так! — Вскипел начальнический разум.
— Вы этак! — Собралась гроза. —
— Вы, значит, против высшей фазы?..
— Нет! За!
— Ага! А в чем же в этом разе
Смысл ваших действий и речей?
— Да просто в том, чтоб в данной нашей фазе
Дров не ломать, не только что печей!

*

Иной поставит мне поспешно —
А где же Новый год? — вопрос.
И я скажу: не в том, конечно,
Что упомянут дед-мороз.

А в том, что славный этот праздник,
Отметив славные дела,
Гудит вокруг разнообразных
Людских источников тепла.

Согрет не только идеальным, —
Когда сажает нас за стол, —
Большим теплом теплоцентральным,
Но каждой печкою простой!

Она, старуха, тоже — чудо,
Свидетель наших добрых встреч.
А вывод сам собой отсюда:
И печь до срока поберечь!

Декабрь 1959 г.

ГОРНЫЕ ТРОПЫ

Горные тропы моложе
Ныне исчезнувших рек,
Чье отслужившее ложе
В дебрях обрел человек.

Но до него, следопыта,
Задолго — всякой тропой
Лапы зверей и копыта
След обозначили свой.

Правда, при первой разведке
Он для маршрутов своих
Разные сделал отметки —
Звери не ведали их.

Следом за ним — поколенья
Долгим тянулись гуськом,
Чтобы с дороги каменья
Сдвинуть в сторонку рядком.

И, применяя расчеты,
Где подсказала нужда,
С толком спрямить повороты,
Что навихляла вода.

Тысячелетья успели
В эти улечься пласты,
Чтобы пробить здесь тоннели,
Вымахнуть резко мосты...

Так что — какой бы тропою
Ты по земле ни ступил,
Ведай, что перед тобою
Здесь уже кто-нибудь был.

Некие знаки оставил —
Память разведки своей.
Пусть он себя не прославил,
Сделал тебя он сильней.

Знай и в работе примерной:
Как бы ты ни был хорош,
Ты по дороге не первый
И не последний идешь.

1960

НА ПОДВИГ ВЕКА

На подвиг века величавый,
Во имя счастья всех людей
Серпа и молота держава
Ведет сынов и дочерей.

Отчизна мира и свободы,
Пускай враги тебе грозят:
Всегда с тобой твои народы —
За друга друг,
За брата брат.

Непобедима наша сила,
Под красным знаменем она
И новый путь земле открыла,
И в звездный край устремлена.

Взвивайся, ленинское знамя,
Нам осеняя путь вперед!
Под ним идет полмира с нами,
Настанет день —
Весь мир пойдет.

1961

КОСМОНАВТУ

Когда аэродромы отступленья
Под Ельней, Вязьмой иль самой Москвой
Впервые новичкам из пополненья
Давали старт на вылет боевой, —

Прости меня, разведчик мирозданья,
Чьим подвигом в веках отмечен век, —
Там тоже, отправляясь на заданье,
В свой космос хлопцы делали разбег.

И пусть они взлетали не в ракете
И не сравнить с твоею высоту,
Но и в своем фанерном драндулете
За ту же вырывалися черту.

За ту черту земного притяженья,
Что ведает солдат перед броском,
За грань того особого мгновенья,
Что жизнь и смерть вмещает целиком.

И может быть, не меньшею отвагой
Бывали их сердца наделены,
Хоть ни оркестров, ни цветов, ни флагов
Не стоил подвиг в будний день войны.

Но не затем той памяти кровавой
Я нынче вновь разматываю нить,
Чтоб долею твоей всемирной славы
И тех героев как бы оделить.

Они горды, они своей причастны
Особой славе, принятой в бою,
И той одной, суровой и безгласной,
Не променяли б даже на твою.

Но кровь одна, и вы — родные братья,
И не в долгу у старших младший брат.
Я лишь к тому, что всей своею статью
Ты так похож на тех моих ребят.

И выправкой, и складкой губ, и взглядом,
И этой прядкой на вспотевшем лбу...
Как будто миру — со своею рядом —
Их молодость представил и судьбу.

Так сохранилась ясной и нетленной,
Так отразилась в доблести твоей
И доблесть тех, чей день погас бесценный
Во имя наших и грядущих дней.

1961

* * *

Оркестры смолкли, отзвучали речи,
Парадных флагов свернут пестрый фронт.
И этот гром неповторимой встречи,
Как гром грозы, ушел за горизонт.

И новый подвиг совершился в мире,
И новый праздник грянул на порог.
Он был еще торжественней и шире
И только первым быть уже не мог.

1961

СЛОВО О СЛОВАХ

Когда серьезные причины
Для речи вызрели в груди,
Обычной жалобы зачина —
Мол, нету слов — не заводи.

Все есть слова — для каждой сути,
Все, что ведут на бой и труд,
Но, повторяемые всуе,
Теряют вес, как мухи мрут.

Да, есть слова, что жгут, как пламя,
Что светят вдаль и вглубь — до дна,
Но их подмена словесами
Измене может быть равна.

Вот почему, земля родная,
Хоть я избытком их томим,
Я, может, скупо применяю
Слова мои к делам твоим.

Сыновней призванный любовью
В слова облечь твои труды,
Я как кощунства — краснословья
Остерегаюсь, как беды.

Не белоручка и не лодырь,
Своим кичащийся пером, —
Стыжусь торчать с дежурной одой
Перед твоим календарем.

Мне горек твой упрек напрасный.
Но я в тревоге всякий раз:
Я знаю, как слова опасны,
Как могут быть вредны подчас;

Как перед миром потрясенным
Величьем подвигов твоих,
Они, слова, дурным трезвоном
Смущают мертвых и живых;

Как, обольщая нас окраской,
Слова — труха, слова — утиль
В иных устах до пошлой сказки
Низводят сказочную быль.

И я, чей хлеб насущный — слово,
Основа всех моих основ,
Я за такой устав суровый,
Чтоб ограничить трату слов;

Чтоб сердце кровью их питало,
Чтоб разум их живой смыкал;
Чтоб не транжирить как попало
Из капиталов капитал;

Чтоб не мешать зерна с половой,
Самим себе в глаза пыля;
Чтоб шло в расчет любое слово
По курсу твердого рубля.

Оно не звук окостенелый,
Не просто некий матерьял, —
Нет, слово — это тоже дело,
Как Ленин часто повторял.

1962

* * *

На пенсию! — последняя мечта
Из тех, что выше всяких предписаний,
По существу — последняя черта,
Что мы еще прочеркиваем сами.

А между тем — таков закон мечты,
За той чертой мы расставляем вехи
Заветной жизни вглубь, без суеты
И обретенья мира без помехи.

А сколько недочитанных страниц,
Пропущенных рассветов и закатов:
За недосугом поздно мы встаем...

1962

* * *

Есть книги — волею приличий
Они у века не в тени.
Из них цитаты брать — обычай —
Во все положенные дни.

В библиотеке иль читальне
Любой — уж так заведено —
Они на полке персональной
Как бы на пенсии давно.

Они в чести.
И не жалея
Немалых праздничных затрат,
Им обновляют в юбилеи
Шрифты, бумагу и формат.

Поправки вносят в предисловья
Иль пишут на́ново, спеша.
И — сохраняйтесь на здоровье, —
Куда как доля хороша.

Без них чредою многотомной
Труды новейшие, толпясь,
Стоят у времени в приемной,
Чтоб на глаза ему попасть;
Не опоздать к иной обедне,
Не потеряться в тесноте...

Но те, —
С той полки:
«Кто последний?» —
Не станут спрашивать в хвосте.

На них печать почтенной скуки
И давность пройденных наук;
Но, взяв одну такую в руки,
Ты, время,
Обожжешься вдруг...

Случайно вникнув с середины,
Невольно всю пройдешь насквозь,
Все вместе строки до единой,
Что ты вытаскивало врозь.

1963

* * *

Дробится рваный цоколь монумента,
Взвывает сталь отбойных молотков.
Крутой раствор особого цемента
Рассчитан был на тысячи веков.

Пришло так быстро время пересчета,
И так нагляден нынешний урок:
Чрезмерная о вечности забота —
Она, по справедливости, не впрок.

Но как сцепились намертво каменья,
Разъять их силой — выдать семь потов.
Чрезмерная забота о забвенье
Немалых тоже требует трудов.

Все, что на свете сделано руками,
Рукам под силу обратить на слом.
Но дело в том,
Что сам собою камень, —
Он не бывает ни добром, ни злом,

1963

* * *

Мне сладок был тот шум сонливый
И неусыпный полевой,
Когда в июне, до налива,
Смыкалась рожь над головой.

И трогал душу по-другому, —
Хоть с детства слух к нему привык, —
Невнятный говор или гомон
В вершинах сосен вековых.

Но эти памятные шумы —
Иной порой, в краю другом —
Как будто отзвук давней думы,
Мне в шуме слышались морском.

Распознавалась та же мера
И тоны музыки земной...
Все это жизнь моя шумела,
Что вся была еще за мной.

И все, что мне тогда вещала,
Что обещала мне она,
Я слышать вновь готов сначала,
Как песню, даром что грустна.

1964

* * *

Посаженные дедом деревца,
Как сверстники твои, вступали в силу
И пережили твоего отца,
И твоему еще предстанут сыну
Деревьями.
То в дымке снеговой,
То в пух весенний только что одеты,
То полной прошумят ему листвой,
Уже повеяв ранней грустью лета...

Ровесниками века становясь,
В любом от наших судеб отдаленье,
Они для нас ведут безмолвно связь
От одного к другому поколенью.

Им три-четыре наших жизни жить.
А там другие сменят их посадки.
И дальше связь пойдет в таком порядке...

Ты не в восторге?
Сроки наши кратки?
Ты что иное мог бы предложить?

1965

* * *

Все сроки кратки в этом мире,
Все превращенья — на лету.
Сирень в году дня три-четыре,
От силы пять кипит в цвету.

Но побуревшее соцветье
Сменяя кистью семенной,
Она, сирень, еще весной —
Уже в своем дремотном лете.

И даже свежий блеск в росе
Листвы, еще не запыленной,
Сродни той мертвенной красе,
Что у листвы вечнозеленой.

Она в свою уходит тень.
И только, пета-перепета,
В иных стихах она все лето
Бушует будто бы, сирень.

1965

* * *

На новостройках в эти годы
Кипела главная страда:
Вставали в заревах заводы,
Росли под небо города.

И в отдаленности унылой
За той большой страдой село,
Как про себя ни гомонило,
Уже угнаться не могло.

Там жизнь неслась в ином разгоне,
И по окраинам столиц
Вовсю играли те гармони,
Что на селе перевелись.

А тут — притихшие подворья,
Дворы, готовые на слом,
И где семья, чтоб в полном сборе
Хоть в редкий праздник за столом?

И не свои друзья-подружки,
А, доносясь издалека,
Трубило радио частушки
Насчет надоев молока...

Земля родная, что же сталось,
Какая странная судьба:
Не только юность, но и старость —
Туда же, в город, на хлеба.
Туда на отдых норовила
Вдали от дедовских могил...

Давно, допустим, это было,
Но ты-то сам когда там был?

1965

* * *

А ты самих послушай хлеборобов,
Что свековали век свой у земли,
И врать им нынче нет нужды особой, —
Все превзошли,
А с поля не ушли.

Дивиться надо: при Советской власти —
И время это не в далекой мгле, —
Какие только странности и страсти
Не объявлялись на родной земле.

Доподлинно, что в самой той России,
Где рожь была святыней от веков,
Ее на корм, зеленую, косили,
Не успевая выкосить лугов.

Наука будто все дела вершила.
Велит, и точка — выполнять спеши:
То — плугом пласт
Ворочай в пол-аршина,
То — в полвершка,
То — вовсе не паши.

И нынешняя заповедь вчерашней,
Такой же строгой, шла наперерез:
Вдруг — сад корчуй
Для расширенья пашни,
Вдруг — клеверище
Запускай под лес...

Бывало так, что опускались руки,
Когда осенний подведен итог:
Казалось бы —

Ни шагу без науки,
А в зиму снова —
Зубы на полок.

И распорядок жизни деревенской,
Где дождь ли, вёдро — не бери в расчет, —
Какою был он мукою-мученской, —
Кто любит землю, знает только тот...

Науку мы оспаривать не будем,
Науке всякой —
По заслугам честь,
Но пусть она
Почтенным сельским людям
Не указует,
С чем им кашу есть.

1965

ПАМЯТИ МАТЕРИ

* * *

Прощаемся мы с матерями
    Задолго до крайнего срока —
Еще в нашей юности ранней,
    Еще у родного порога,

Когда нам платочки, носочки
    Уложат их добрые руки,
А мы, опасаясь отсрочки,
    К назначенной рвемся разлуке.

Разлука еще безусловней
    Для них наступает попозже,
Когда мы о воле сыновней
    Спешим известить их по почте.

И карточки им посылая
    Каких-то девчонок безвестных,
От щедрой души позволяем
    Заочно любить их невесток.

А там — за невестками — внуки...
    И вдруг назовет телеграмма
Для самой последней разлуки
    Ту старую бабушку мамой.

* * *

В краю, куда их вывезли гуртом,
Где ни села вблизи, не то что города,
На севере, тайгою запертом,
Всего там было — холода и голода.

Но непременно вспоминала мать,
Чуть речь зайдет про все про то, что минуло,

Как не хотелось там ей помирать, —
Уж очень было кладбище немилое.

Кругом леса без края и конца —
Что видит глаз — глухие, нелюдимые.
А на погосте том — ни деревца,
Ни даже тебе прутика единого.

Так-сяк, не в ряд нарытая земля
Меж вековыми пнями да корягами,
И хоть бы где подальше от жилья,
А то — могилки сразу за бараками.

И ей, бывало, виделись во сне
Не столько дом и двор со всеми справами,
А взгорок тот в родимой стороне
С крестами под березами кудрявыми.

Такая то краса и благодать,
Вдали большак, дымит пыльца дорожная.
— Проснусь, проснусь, — рассказывала
мать, —
А за стеною — кладбище таежное...

Теперь над ней березы, хоть не те,
Что снились за тайгою чужедальнею.
Досталось прописаться в тесноте
На вечную квартиру коммунальную.

И не в обиде. И не все ль равно.
Какою метой вечность сверху мечена.
А тех берез кудрявых — их давно
На свете нету. Сниться больше нечему.

* * *

Как не спеша садовники орудуют
Над ямой, заготовленной для дерева:
На корни грунт не сваливают грудою,
По горсточке отмеривают.

Как будто птицам корм из рук,
Крошат его для яблони.

И обойдут приствольный круг
Вслед за лопатой граблями...

Но как могильщики — рывком —
Давай, давай без передышки, —
Едва свалился первый ком,
И вот уже не слышно крышки.

Они минутой дорожат,
У них иной, пожарный на́вык:
Как будто откопать спешат,
А не закапывают навек.

Спешат, — меж двух затяжек срок, —
Песок, гнилушки, битый камень
Кой-как содвинуть в бугорок,
Чтоб завалить его венками...

Но ту сноровку не порочь, —
Оправдан этот спех рабочий:
Ведь ты им сам готов помочь,
Чтоб только все — еще короче.

* * *

Перевозчик-водогребщик,
Парень молодой,
Перевези меня на ту сторону,
Сторону — домой...

Из песни

— Ты откуда эту песню,
Мать, на старость запасла?
— Не откуда — все оттуда,
Где у матери росла.

Все из той своей родимой
Приднепровской стороны,
Из далекой-предалекой
Деревенской старины.

Там считалось, что прощалась
Навек с матерью родной,

Если замуж выходила
Девка на берег другой.

Перевозчик-водогребщик,
Парень молодой,
Перевези меня на ту сторону,
Сторону — домой...

Давней молодости слезы.
Не до тех девичьих слез,
Как иные перевозы
В жизни видеть привелось.

Как с земли родного края
Вдаль спровадила пора.
Там текла река другая —
Шире нашего Днепра.

В том краю леса темнее,
Зимы дольше и лютей,
Даже снег визжал больнее
Под полозьями саней.

Но была, пускай не пета,
Песня в памяти жива.
Были эти на край света
Завезенные слова.

Перевозчик-водогребщик,
Парень молодой,
Перевези меня на ту сторону,
Сторону — домой...

Отжитое — пережито,
А с кого какой же спрос?
Да уже неподалеку
И последний перевоз.

Перевозчик-водогребщик,
Старичок седой,
Перевези меня на ту сторону
Сторону — домой...

1965

* * *

Как неприютно этим соснам в парке,
Что здесь расчерчен, в их родных местах,
Там-сям, вразброс, лесные перестарки,
Стоят они — ни дома, ни в гостях,

Прогонистые, выросшие в чаще,
Стоят они, наружу голизной,
Под зимней стужей и жарой палящей
Защиты лишены своей лесной.

Как стертые метелки, их верхушки
Редеют в небе над стволом нагим.
Иные похилились друг ко дружке,
И вновь уже не выпрямиться им...

Еще они, былую вспомнив пору,
Под ветром вдруг застонут, заскрипят,
Торжественную песнь родного бора
Затянут вразнобой и невпопад.

И оборвут, постанывая тихо,
Как пьяные, мыча без голосов...
Но чуток сон сердечников и психов
За окнами больничных корпусов.

1965

* * *

Как глубоко ни вбиты сваи,
Как ни силен в воде бетон,
Вода бессонная, живая
Не успокоится на том.

Века пройдут — не примирится, —
Ей не по нраву взаперти.
Чуть отвернись — как исхитрится
И прососет себе пути.

Под греблей, сталью проплетенной,
Прорвется — прахом все труды —
И без огня и без воды
Оставит город миллионный.

Вот почему из часа в час
Там не дозор, а пост подводный,
И стража спит поочередно,
А служба не смыкает глаз.

1965

* * *

Изведав жар такой работы,
Когда часы быстрей минут,
Когда забудешь, где ты, что ты,
И кто, и как тебя зовут;

Когда весь мир как будто внове
И дорога до смерти жизнь, —
От сладких слез, что наготове,
По крайней мере, удержись.

Года обязывают строже,
О прежних вспышках не жалей.
Не штука быть себя моложе,
Труднее быть себя зрелей.

1965

* * *

Чернил давнишних блеклый цвет,
И разный почерк разных лет
И даже дней — то строгий, четкий,
То вроде сбивчивой походки —
Ребяческих волнений след,
Усталости иль недосуга
И просто лени и тоски.
То — вдруг — и не твоей руки
Нажимы, хвостики, крючки,
А твоего былого друга —
Поводыря начальных дней...
То мельче строчки, то крупней,
Но отступ слева все заметней
И спуск поспешный вправо, вниз,
Совсем на нет в конце страниц —
Строки не разобрать последней.
Да есть ли толк и разбирать,
Листая старую тетрадь
С тем безысходным напряженьем,
С каким мы в зеркале хотим
Сродниться как-то со своим
Непоправимым отраженьем?..

1965

* * *

Ночью все раны больнее болят, —
Так уж оно полагается, что ли,
Чтобы другим не услышать, солдат,
Как ты в ночи подвываешь от боли.

Словно за тысячи верст от тебя
Все эти спящие добрые люди
Взапуски, всяк по-другому храпя,
Гимны поют табаку и простуде, —

Тот на свистульке, а тот на трубе.
Утром забудется слово упрека:
Не виноваты они, что тебе
Было так больно и так одиноко...

1965

* * *

Не жди, когда полномочной
Такая станет пора,
Что скажет твой друг заочный:
— Не узнаю́ пера.

Мол, будто бы все на месте
До точки и запятой,
Но, говоря по чести, —
Не тот настой...

Пора эта — род недуга,
И если сходишь на край,
По крайности — прежде друга,
Первым об этом знай.

1965

* * *

День прошел, и в неполном покое
Стихнул город, вдыхая сквозь сон
Запах свежей натоптанной хвои —
Запах праздников и похорон.

Сумрак полночи мартовской серый.
Что за ним — за рассветной чертой —
Просто день или целая эра
Заступает уже на постой?

1966

* * *

Как после мартовских метелей,
Свежи, прозрачны и легки,
В апреле —
Вдруг порозовели
По-вербному березняки.

Весенним заморозком чутким
Подсушен и взбодрен лесок.
Еще одни, другие сутки,
И под корой проснется сок.

И зимний пень березовый
Зальется пеной розовой.

1966

* * *

...И жаворонок, сверлящий небо
В трепещущей голубизне,
Себе и миру на потребу
Оповещает о весне.

Все как тогда. И колокольня
Вдали обозначает даль,
Окрест лежащую раздольно,
И только нету сумки школьной,
Да мне сапог почти не жаль —

Не то что — прежних, береженых,
Уже чиненных не впервой
Моих заветных сапожонок,
Водой губимых снеговой.

1966

* * *

Погубленных березок вялый лист,
Еще сырой, еще живой и клейкий,
Как сено из-под дождика, душист.
И Духов день. Собрание в ячейке,
А в церкви служба. Первый гармонист
У школы восседает на скамейке,
С ним рядом я, суровый атеист
И член бюро. Но миру не раскрытый —
В душе поет под музыку секрет,
Что скоро мне семнадцать полных лет
И я, помимо прочего, поэт, —
Какой хочу, такой и знаменитый.

1966

* * *

Газон с утра из-под машинки,
И на лощеной мостовой
Светло-зеленые травинки
Уже отдали запах свой.

И вот уже тот запах росный
Колесным ветром унесен,
Едва свои былые весны
Земля припомнила сквозь сон:

Когда на месте этих зданий
Лесная глушь ее была,
Был сенокосный угол дальний,
Куда и звона наковальни
Не доносилось из села.

1966

* * *

Июль — макушка лета, —
Напомнила газета,
Но прежде всех газет —
Дневного убыль света;
Но прежде малой этой,
Скрытнейшей из примет, —
Ку-ку, ку-ку — макушка —
Отстукала кукушка
Прощальный свой привет.
А с липового цвета,
Считай, что песня спета,
Считай, пол-лета нет, —
Июль — макушка лета.

1966

* * *

Просыпаюсь по-летнему
Ради доброго дня.
Только день все заметнее
Отстает от меня.

За неясными окнами,
Словно тот, да не тот,
Он над елками мокрыми
Неохотно встает.

Медлит высветить мглистую
Дымку — сам не богат.
И со мною не выстоит,
Первым канет в закат.

Приготовься заранее
До конца претерпеть
Все его отставания,
Что размечены впредь.

1966

* * *

Есть имена и есть такие даты, —
Они нетленной сущности полны.
Мы в буднях перед ними виноваты, —
Не замолить по праздникам вины.
И славословья музыкою громкой
Не заглушить их памяти святой.
И в наших будут жить они потомках,
Что, может, нас оставят за чертой.

1966

* * *

Листва отпылала,
    опала, и запахом поздним
Настоян осинник —
    горькавым и легкоморозным.
Последними пали
    неблеклые листья сирени.
И садики стали
    беднее, светлей и смиренней.
Как пот,
    остывает горячего лета усталость.
Ах, добрая осень,
    такую бы добрую старость!
Чтоб вовсе она
    не казалась досрочной, случайной
И все завершалось,
    как нынешний год урожайный;
Чтоб малые только
    ее возвещали недуги
И шла бы она
    под уклон безо всякой натуги.
Но только в забвенье
    тревоги и боли насущной
Доступны утехи
    и этой мечты простодушной.

1966

* * *

Многоснежная зима,
Снег валит за снегом следом,
Снег, как сказывали деды,
Все заполнил закрома.

Стародавняя примета
По зиме равняет лето;
Неизменный обиход,
Вековой расчет природный:
Мало снегу — год голодный,
Вдоволь снегу — сытый год.

И от имени науки
Вторят ныне дедам внуки:
Снег заполнил закрома —
Хлеб в избытке и корма.

Лишь в примете чрезвычайной
Не примкнуть бы к старине,
Что отменно урожайный
Выпадает год к войне.

1966

* * *

Который год мне снится, повторяясь
Почти без изменений, этот сон:
Как будто я, уже с войны вернувшись,
Опять учиться должен в институте
И полон вновь школярскою тревогой,
Как зазубрить лежалые науки,
И страшно мне и горько осрамиться
В той юности моей, второй иль третьей.
И я, проснувшись, рад чистосердечно,
Что в яви нету мне такой мороки,
Но всякий раз потом бывает грустно.

1966

* * *

Я знаю, никакой моей вины
В том, что другие не пришли с войны,
В том, что они — кто старше, кто моложе —
Остались там, и не о том же речь,
Что я их мог, но не сумел сберечь, —
Речь не о том, но все же, все же, все же...

1966

* * *

Лежат они, глухие и немые,
Под грузом плотной от годов земли —
И юноши, и люди пожилые,
Что на войну вслед за детьми пошли,
И женщины, и девушки-девчонки,
Подружки, сестры наши, медсестренки,
Что шли на смерть и повстречались с ней
В родных краях иль на чужой сторонке,
И не затем, чтоб той судьбой своей
Убавить доблесть воинов мужскую,
Дочерней славой — славу сыновей, —
Ни те, ни эти, в смертный час тоскуя,
Верней всего, не думали о ней.

1966

* * *

Стой, говорю: всему помеха —
То, что, к перу садясь за стол,
Ты страсти мелочной успеха
На этот раз не поборол.

Ты не свободен был. И даже
Стремился славу подкрепить,
Чтоб не стоять у ней на страже,
Как за жену, спокойным быть.

Прочь этот прах, расчет порочный,
Не надо платы никакой —
Ни той, посмертной, ни построчной, —
А только б сладить со строкой.

А только б некий луч словесный
Узреть, не зримый никому,
Извлечь его из тьмы безвестной
И удивиться самому.

И вздрогнуть, веря и не веря
Внезапной радости своей,
Боясь находки, как потери,
Что с каждым разом все больней.

⟨1966⟩

БЕРЕЗА

На выезде с кремлевского двора,
За выступом надвратной башни Спасской,
Сорочьей черно-белою раскраской
Рябеет — вдруг — прогиб ее ствола.

Должно быть, здесь пробилась самосевом,
Прогнулась, отклоняясь от стены,
Угадывая, где тут юг, где север,
Высвобождая крону из тени...

Ее не видно по пути к царь-пушке
За краем притемненного угла.
Простецкая — точь-в-точь с лесной опушки,
С околицы забвенной деревушки,
С кладбищенского сельского бугра...

А выросла в столице ненароком,
Чтоб возле самой башни мировой
Ее курантов слушать мерный бой
И города державный рокот.

Вновь зеленеть, и вновь терять свой лист,
И красоваться в серебре морозном,
И на ветвях качать потомство птиц,
Что здесь кружились при Иване Грозном.

И вздрагивать во мгле сторожевой
От гибельного грохота и воя,
Когда полосовалось над Москвой
Огнями небо фронтовое.

И в кольцах лет вести немой отсчет
Всему, что пронесется, протечет
На выезде, где в памятные годы
Простые не ходили пешеходы;

Где только по звонку, блюдя черед,
Машины — вниз — на площадь, на народ,
Ныряли под ступенчатые своды
И снизу вырывались из ворот.

И стольких здесь она перевидала,
Встречая, провожая всякий раз,
Своих, чужих — каких там ни попало, —
И отразилась в стольких парах глаз,
По ней скользнувших мимолетным взглядом
В тот краткий миг, как проносились рядом...

Нет, не бесследны в мире наши дни,
Таящие надежду иль угрозу.
Случится быть в Кремле — поди взгляни
На эту неприметную березу.

Какая есть — тебе предстанет вся,
Запас диковин мало твой пополнит,
Но что-то вновь тебе напомнит,
Чего вовеки забывать нельзя...

1966

* * *

Такою отмечен я долей бедовой:
Была уже мать на последней неделе,
Сгребала сенцо на опушке еловой, —
Минута пришла — далеко до постели.

И та закрепилась за мною отметка,
Я с детства подробности эти усвоил,
Как с поля меня доставляла соседка
С налипшей на мне прошлогоднею хвоей.

И не были эти в обиду мне слухи,
Что я из-под елки, и всякие толки, —
Зато, как тогда утверждали старухи,
Таких, из-под елки,
Не трогают волки.

Увы, без вниманья к породе особой,
Что хвойные те означали иголки,
С великой охотой,
С отменною злобой
Едят меня всякие серые волки.

Едят, но недаром же я из-под ели:
Отнюдь не сказать, чтобы так-таки съели.

1966

* * *

— В живых-то меня уже нету,
Забытой старушки такой:
Считай, в отпуску с того свету,
Зато благодать и покой.

Куда торопиться? Не худо
Погреться на солнышке всласть.
А кто не мечтал бы оттуда
Сюда на побывку попасть.

На отдыхе житель вчерашний,
Все пройдено. Сам посуди:
Мне даже и смерти не страшно, —
Она, как и жизнь, позади.

Как будто казенную дачу
Сняла, — ни забот, ни хлопот.
И денег почти что не трачу,
А пенсийка тоже идет.

1966

* * *

Я сам дознаюсь, доищусь
До всех моих просчетов.
Я их припомню наизусть, —
Не по готовым нотам.

Мне проку нет, — я сам большой, —
В смешной самозащите.
Не стойте только над душой,
Над ухом не дышите.

1966

* * *

Спасибо за утро такое,
За чудные эти часы
Лесного — не сна, а покоя,
Безмолвной морозной красы,

Когда над изгибом тропинки
С разлатых недвижных ветвей
Снежинки, одной порошинки,
Стряхнуть опасается ель.

За тихое, легкое счастье —
Не знаю, чему иль кому —
Спасибо, но, может, отчасти
Сегодня — себе самому.

1966

НА СЕНОВАЛЕ

Ты помнишь, ночью предосенней, —
Тому уже десятки лет, —
Курили мы с тобой на сене,
Презрев опасливый запрет.

И глаз до света не сомкнули,
Хоть запах сена был не тот,
Что в ночи душные июля
Заснуть подолгу не дает...

То вслух читая чьи-то строки,
То вдруг теряя связь речей,
Мы собирались в путь далекий
Из первой юности своей.

В ту пору не было, пожалуй,
Беды иль радости такой —
С одним из нас — хотя бы малой, —
Чтоб неучастен был другой.

И вот мы вместе покидали
Глухие отчие места,
И столько нам завидных далей
Сулила общая мечта.

Мы не испытывали грусти,
Друзья — мыслитель и поэт,
Кидая наше захолустье
В обмен на целый белый свет.

Мы жили замыслом заветным
Дорваться вдруг
До всех наук —

Со всем запасом их несметным —
И уж не выпустить из рук.

Сомненья дух нам был неведом;
Мы с тем управимся добром
И за отцов своих и дедов
Еще вдобавок доберем.

Мы повторяли, что напасти
Нам никакие нипочем,
Но сами ждали только счастья, —
Тому был возраст обучен.

Мы знали, что оно сторицей
Должно воздать за наш порыв,
В премудрость мира с ходу врыться,
До дна ее разворотив.

Готовы были мы к походу.
Что проще может быть:
Не лгать,
Не трусить,
Верным быть народу,
Любить родную землю-мать,
Чтоб за нее в огонь и в воду,
А если —
То и жизнь отдать.

Что проще!
В целости оставим
Таким завет начальных дней.
Лишь от себя теперь добавим:
Что проще — да.
Но что сложней?

Такими были наши дали,
Как нам казалось, без прикрас.
Когда в безудержном запале
Мы в том друг друга убеждали,
В чем спору не было у нас.

И всласть толкуя о науках,
Мы вместе грезили о том,

Ах, и о том, в каких мы брюках
Домой заявимся *потом*.

Дивись, отец, всплакни, родная,
Какого гостя бог нанес,
Как он пройдет, распространяя
Московский запах папирос.

Москва, столица — свет не ближний,
А ты, родная сторона,
Какой была, глухой, недвижной,
Нас на побывку ждать должна.

И хуторские посиделки,
И вечеринки чередом,
И чтоб загорьевские девки
Глазами ели нас потом,
Неловко нам совали руки,
Пылая краской до ушей.

А там бы где-то две подруги,
В стенах столичных этажей,
С упреком нежным ожидали
Уже тем часом нас с тобой,
Как мы на нашем сеновале
Отлет обдумывали свой...

И невдомек нам было вроде,
Что здесь, за нашею спиной,
Сорвется с места край родной
И закружится в хороводе
Вслед за метелицей сплошной...

Ты не забыл, как на рассвете
Оповестили нас, дружков,
Об уходящем в осень лете
Запевы юных петушков.

Их голосов надрыв цыплячий
Там, за соломенной стрехой, —
Он отзывался детским плачем
И вместе удалью лихой.

В какой-то сдавленной печали,
С хрипотцей истовой своей
Они как будто отпевали
Конец ребячьих наших дней.

Как будто сами через силу
Обрядный свой тянули сказ
О чем-то памятном, что было
До нас
И будет после нас.

Но мы тогда на сеновале
Не так прислушивались к ним,
Мы сладко взапуски зевали,
Дивясь, что день, а мы не спим.

И в предотъездном нашем часе
Предвестий не было о том,
Какие нам дары в запасе
Судьба имела на *потом*.

И где, кому из нас придется,
В каком году, в каком краю
За петушиной той хрипотцей
Расслышать молодость свою.

Навстречу жданной нашей доле
Рвались мы в путь не наугад, —
Она в согласье с нашей волей
Звала отведать хлеба-соли.
Давно ли?
Жизнь тому назад.

1967

* * *

Отыграли по дымным оврагам
Торопливые воды весны.
И пошла она сбавленным шагом
В междуречье Пахры и Десны.

Где прямою дорогой, где кружной —
Вдоль шоссе, по закрайкам полей.
И помятые, потные
Дружно
Зеленя потянулись за ней.

1967

* * *

На дне моей жизни,
    на самом донышке
Захочется мне
    посидеть на солнышке,
На теплом пенушке.

И чтобы листва
    красовалась палая
В наклонных лучах
    недалекого вечера.
И пусть оно так,
    что морока немалая —
Твой век целиком,
    да об этом уж нечего.

Я думу свою
    без помехи подслушаю,
Черту подведу
    стариковскою палочкой:
Нет, все-таки нет,
    ничего, что по случаю
Я здесь побывал
    и отметился галочкой.

1967

* * *

Огромный, грузный, многоместный
И тесный — через всю страну
Тянул в пустыне поднебесной
Свою тяжелую струну.

С натугой ровной делал дело,
Тянул — ни кренов, ни толчков.
И небо нижнее синело
Кой-где в разрывах облаков.

По стрелкам выверенным правил —
Видна земля иль не видна.
И, как канат на переправе,
Брунжала басом та струна.

1967

* * *

Чуть зацветет иван-чай, —
С этого самого цвета —
Раннее лето, прощай,
Здравствуй, полдневное лето.

Липа в ночной полумгле
Светит густой позолотой,
Дышит — как будто в дупле
Скрыты горячие соты.

От перестоя трава
Никнет в сухом опереньe.
Как жестяная, мертва
Темная зелень сирени.

Где-то уже позади
День равноденствие славит.
И не впервые дожди
В теплой листве шепелявят.

Не пропускай, отмечай
Снова и снова на свете
Легкую эту печаль,
Убыли-прибыли эти.

Все их приветствуй с утра
Или под вечер с устатку...
Здравствуй любая пора,
И проходи по порядку.

1967

* * *

Там-сям дымок садового костра
Встает над поселковыми задами.
Листва и на земле еще пестра,
Еще не обесцвечена дождями.

Еще земля с дернинкою сухой
Не отдает нимало духом тленья,
Хоть наизнанку вывернув коренья,
Ложится под лопатой на покой.

Еще не время непогоди сонной,
За сапогом не волочится грязь,
И предается по утрам, бодрясь,
Своим утехам возраст пенсионный.

По крайности — спасибо и на том,
Что от хлопот любимых нет отвычки.
Справляй дела и тем же чередом
Без паники укладывай вещички.

1967

* * *

Полночь в мое городское окно
Входит с ночными дарами:
Позднее небо полным-полно
Скученных звезд мирами.

Мне еще в детстве, бывало, в ночном,
Где-нибудь в дедовском поле
Скопища эти холодным огнем
Точно бы в темя кололи.

Сладкой бессонницей юность мою
Звездное небо томило:
Где бы я ни был, казалось, стою
В центре вселенского мира.

В зрелости так не тревожат меня
Космоса дальние светы,
Как муравьиная злая возня
Маленькой нашей планеты.

1967

ПАМЯТИ ГАГАРИНА

Ах, этот день двенадцатый апреля,
Как он пронесся по людским сердцам!
Казалось, мир невольно стал добрее,
Своей победой потрясенный сам.

Какой гремел он музыкой вселенской,
Тот праздник, в пестром пламени знамен,
Когда безвестный сын земли смоленской
Землей-планетой был усыновлен.

Жилец Земли, геройский этот малый
В космической посудине своей
По круговой, вовеки небывалой,
В пучинах неба вымахнул над ней...

В тот день она как будто меньше стала,
Но стала людям, может быть, родней.

Ах, этот день, невольно или вольно
Рождавший мысль, что за чертой такой —
На маленькой Земле — зачем же войны,
Зачем же все, что терпит род людской?

Ты знал ли сам, из той глухой вселенной
Земных своих достигнув берегов,
Какую весть, какой залог бесценный
Доставил нам из будущих веков?

Почуял ли в том праздничном угаре,
Что, сын Земли, ты у нее в гостях,
Что ты тот самый, но другой Гагарин,
Чье имя у потомков на устах?

Нет, не родня российской громкой знати,
При княжеской фамилии своей,

Родился он в простой крестьянской хате
И, может, не слыхал про тех князей.

Фамилия — ни в честь она, ни в почесть,
И при любой — обычная судьба:
Подрос в семье, отбегал хлеботочец,
А там и время на свои хлеба.

А там и самому ходить в кормильцах,
И не гадали ни отец, ни мать,
Что те князья у них в однофамильцах
За честь почтут хотя бы состоять;

Что сын родной, безгласных зон разведчик,
Там, на переднем космоса краю,
Всемирной славой, первенством навечным
Сам озаглавит молодость свою.

И неизменен жребий величавый,
На нем горит печать грядущих дней.
Что может смерть с такой поделать славой? —
Такая даже неподсудна ей.

Она не блекнет за последней гранью,
Та слава, что на жизненном пути —
Не меньшее, чем подвиг — испытанье, —
Дай бог еще его перенести.

Все так, все так. Но где во мгле забвенной
Вдруг канул ты, нам не подав вестей,
Не тот, венчанный славою нетленной,
А просто человек среди людей;

Тот свойский парень, озорной и милый,
Лихой и дельный, с сердцем не скупым,
Кого еще до всякой славы было
За что любить, — недаром был любим.

Ни полуслова, ни рукопожатья,
Ни глаз его с бедовым огоньком
Под сдвинутым чуть набок козырьком...

Ах, этот день с апрельской благодатью!
Цветет ветла в кустах над речкой Гжатью,
Где он мальчонкой лазал босиком...

⟨1968⟩

* * *

В чем хочешь человечество вини
И самого себя, слуга народа,
Но ни при чем природа и погода:
Полны добра перед итогом года,
Как яблоки антоновские, дни.

Безветренны, теплы — почти что жарки,
Один другого краше, дни-подарки
Звенят чуть слышно золотом листвы
В самой Москве, в окрестностях Москвы
И где-нибудь, наверно, в пражском парке.

Перед какой безвестною зимой
Каких еще тревог и потрясений
Так свеж и ясен этот мир осенний,
Так сладок каждый вдох и выдох мой?

1968

* * *

Допустим, ты свое уже оттопал
И позади — остался твой предел,
Но при тебе и разум твой, и опыт,
И некий срок еще для сдачи дел
Отпущен — до погрузки и отправки.

Ты можешь на листах ушедших лет
Внести еще какие-то поправки,
Чертой ревнивой обводя свой след;

Самозащите доверяясь шаткой,
Невольно прихорашивать итог...
Но вдруг подумать:
Нет, спасибо в шапку,
От этой сласти береги нас бог.

Нет, лучше рухнуть нам на полдороге,
Коль не по силам новый был маршрут.
Без нас отлично подведут итоги
И, может, меньше нашего наврут.

1968

* * *

Время, скорое на расправу,
В меру дней своих скоростных,
Власть иную, иную славу
Упраздняет — и крест на них.

Время даже их след изгладит
Скоростным своим утюжком.
И оно же не в силах сладить
С чем, подумаешь! — со стишком.

Уж оно его так и этак
Норовит забвенью предать
И о том объявить в газетах
И по радио...

Глядь-поглядь,
За каким-то минучим сроком —
И у времени с языка
Вдруг срывается ненароком
Из того же стишка —
Строка.

1968

* * *

К обидам горьким собственной персоны
Не призывать участье добрых душ.
Жить, как живешь, своей страдой бессонной,—
Взялся за гуж — не говори: не дюж.

С тропы своей ни в чем не соступая,
Не отступая — быть самим собой.
Так со своей управиться судьбой,
Чтоб в ней себя нашла судьба любая
И чью-то душу отпустила боль.

1968

* * *

В случае главной утопии, —
В Азии этой, в Европе ли, —
Нам-то она не гроза:
Пожили, водочки попили,
Будет уже за глаза...

Жаль, вроде песни той, — деточек,
Мальчиков наших да девочек,
Всей неоглядной красы...
Ранних весенних веточек
В капельках первой росы...

1969

* * *

Когда обычный праздничный привет
Знакомец твой иль добрый друг заочный
Скрепляет пожеланьем долгих лет,
Отнюдь не веселит такая почта.

К тому же опыт всем одно твердит,
Что долгих лет, их не бывает просто,
И девятнадцать или девяносто —
Не все ль равно, когда их счет закрыт.

Но боже мой, и все-таки неправда,
Что жизнь с годами сходит вся на клин,
Что есть сегодня, да, условно, завтра,
Да безусловно вздох в конце один.

Нет, был бы он невыносимо страшен,
Удел земной, не будь всегда при нас
Ни детства дней, ни молодости нашей,
Ни жизни всей в ее последний час.

1969

* * *

Не заслоняй святую боль
Невозмутимым видом,
Коль стих на славу не тобой
Сегодня миру выдан.

Быть может, эта боль — залог
Того, что славы слаще,
Когда пронзает холодок
Удачи настоящей.

1969

* * *

Всему свой ряд, и лад, и срок:
В один присест, бывало,
Катал я в рифму по сто строк,
И все казалось мало.

Был неогляден день с утра,
А нынче дело к ночи...
Болтливость — старости сестра, —
Короче.
Покороче.

1969

* * *

Нет ничего, что раз и навсегда
На свете было б выражено словом.
Все, как в любви, для нас предстанет новым,
Когда настанет наша череда.

Не новость, что сменяет зиму лето,
Весна и осень в свой приходят срок.
Но пусть все это пето-перепето,
Да нам-то что! Нам как бы невдомек.

Все в этом мире — только быть на страже —
Полным-полно своей, не привозной,
Ничьей и невостребованной даже,
Заждавшейся поэта новизной.

1969

* * *

Что нужно, чтобы жить с умом?
Понять свою планиду:
Найти себя в себе самом
И не терять из виду.

И труд свой пристально любя, —
Он всех основ основа, —
Сурово спрашивать с себя,
С других не столь сурово.

Хоть про сейчас, хоть про запас,
Но делать так работу,
Чтоб жить да жить,
Но каждый час
Готовым быть к отлету.

И не терзаться — ах да ох —
Что, близкий или дальний, —
Он все равно тебя врасплох
Застигнет, час летальный.

Аминь! Спокойно ставь печать,
Той вопреки оглядке:
Уж если в ней одной печаль, —
Так, значит, все в порядке.

⟨1969⟩

* * *

Час мой утренний, час контрольный, —
Утро вечера мудреней, —
Мир мой внутренний и окольный
В этот час на смотру видней.

Час открытий, еще возможных,
И верней его подстеречь
До того, как пустопорожних
Ни мечтаний, ни слов, ни встреч.
Не скрывает тот час контрольный, —
Благо, ты человек в летах, —
Все, что вольно или невольно
Было, вышло не то, не так.

Но еще не бездействен ропот
Огорченной твоей души.
Приобщая к опыту опыт,
Час мой, дело свое верши.

1970

ЗА ДАЛЬЮ-ДАЛЬ

ЗА ДАЛЬЮ — ДАЛЬ

Пора! Ударил отправленье
Вокзал, огнями залитой,
И жизнь, что прожита с рожденья,
Уже как будто за чертой.

Я видел, может быть, полсвета
И вслед за веком жить спешил,
А между тем дороги этой
За столько лет не совершил;

Хотя своей считал дорогой
И про себя ее берег,
Как книгу, что прочесть до срока
Все собирался и не мог.

Мешало многое другое,
Что нынче в памяти у всех.
Мне нужен был запас покоя,
Чтоб ей отдаться без помех.

Но книги первую страницу
Я открываю в срок такой,
Когда покой, как говорится,
Опять уходит на покой...

Я еду. Малый дом со мною,
Что каждый в путь с собой берет.
А мир огромный за стеною,
Как за бортом вода, ревет.

Он над моей поет постелью
И по стеклу сечет крупой,
Дурной, безвременной метелью
Свистит и воет вразнобой.

Он полон сдавленной тревоги,
Беды, что очереди ждет.
Он здесь еще слышней, в дороге,
Лежащей прямо на восход...

Я еду. Спать бы на здоровье,
Но мне покамест не до сна:
Еще огнями Подмосковья
Снаружи ночь озарена.

Еще мне хватит этой полки,
Еще московских суток жаль.
Еще такая даль до Волги,
А там-то и начнется даль —
За той великой водной гранью,

И эта лестница из шпал,
Пройдя Заволжье,
Предуралье,
Взойдет отлого на Урал.
Урал, чьей выработки сталью
Звенит под нами магистраль.

А за Уралом —
Зауралье,
А там своя, иная даль.

А там Байкал, за тою далью, —
В полсуток обогнуть едва ль, —
А за Байкалом —
Забайкалье.

А там еще другая даль,
Что обернется далью новой.

А та, неведомая мне,
Еще с иной, большой, суровой,
Сомкнется и пройдет в окне...

А той порой, отменно точный,
Всего пути исполнив срок,
Придет состав дальневосточный
На Дальний, собственно, Восток,

Где перед станцией последней,
У пограничного столба,
Сдается мне, с земли соседней
Глухая слышится пальба...

Но я еще с Москвою вместе,
Еще во времени одном.
И, точно дома перед сном,
Ее последних жду известий;
Она свой голос подает
И мне в моей дороге дальней.

А там из-за моря восход
Встает, как зарево, печальный.

И день войны, нещадный день,
Вступает в горы и долины,
Где городов и деревень
Дымятся вновь и вновь руины.

И длится вновь бессонный труд,
Страда защитников Кореи.
С утра усталые ревут
Береговые батареи...

Идут бои, горит земля.
Не нов, не нов жестокий опыт:
Он в эти горы и поля
Перенесен от стен Европы.

И вы, что горе привезли
На этот берег возрожденный,
От вашей собственной земли
Всем океаном отделенный, —
Хоть в цвет иной рядитесь вы,
Но ошибется мир едва ли:
Мы вас встречали у Москвы
И до Берлина провожали...

Народ — подвижник и герой —
Оружье зла оружьем встретил.
За грех войны — карал войной,
За смерть — печатью смерти метил.

В борьбе исполнен новых сил,
Он в годы грозных испытаний
Восток и Запад пробудил —
И вот —
Полмира в нашем стане!

Что ж, или тот урок забыт,
И вновь, под новым только флагом,
Живой душе война грозит,
Идет на мир знакомым шагом?

И, чуждый жизни, этот шаг,
Врываясь в речь ночных известий,
У человечества в ушах
Стоит, как явь и как предвестье.

С ним не забыться, не уснуть,
С ним не обвыкнуть и не сжиться.
Он — как земля во рву на грудь
Зарытым заживо ложится...

Дорога дальняя моя,
Окрестный мир страны обширной,
Родные русские поля,
В ночи мерцающие мирно, —

Не вам ли памятны года,
Когда по этой магистрали
Во тьме оттуда и туда
Составы без огней бежали;

Когда тянулись в глубь страны
По этой насыпи и рельсам
Заводы — беженцы войны —
И с ними люди — погорельцы;

Когда, стволы зениток ввысь
Подняв над «улицей зеленой»,
Безостановочно неслись
Туда, на запад, эшелоны.

И только, может, мельком взгляд
Тоски немой и бесконечной

Из роты маршевой солдат
Кидал на санитарный встречный...

Та память вынесенных мук
Жива, притихшая, в народе,
Как рана, что нет-нет — и вдруг
Заговорит к дурной погоде.

Но, люди, счастье наше в том,
Что счастья мы хотим упорно,
Что на века свой строим дом,
Свой мир живой и рукотворный.

Он всех людских надежд оплот,
Он всем людским сердцам доступен.
Его ли смерти мы уступим?..

На Спасской башне полночь бьет...

В ДОРОГЕ

Лиха беда — пути начало,
Запев дается тяжело,
А там, глядишь: пошло, пожалуй?
Строка к строке — ну да, пошло.

Да как пошло!
Сама дорога, —
Ты только душу ей отдай, —
Твоя надежная подмога,
Тебе несет за далью — даль.

Перо поспешно по бумаге
Ведет, и весело тебе:
Взялся огонь, и доброй тяги
Играет музыка в трубе.

И счастья верные приметы:
Озноб, тревожный сердца стук,
И сладким жаром лоб согретый,
И дрожь до дела жадных рук...

Когда в безвестности до срока,
Не на виду еще, поэт
Творит свой подвиг одиноко,
Заветный свой хранит секрет;

Готовит людям свой подарок,
В тиши затеянный давно, —
Он может быть больным и старым,
Усталым — счастлив все равно.

И даже пусть найдет морока —
Нелепый толк, обидный суд,

Когда бранить его жестоко
На первом выходе начнут, —

Он слышит это и не слышит
В заботах нового труда,
Тем часом он — поэт, он пишет,
Он занимает города.

И все при нем в том добром часе:
Его Варшава и Берлин,
И слава, что еще в запасе,
И он на свете не один.

И пусть за критиками следом
В тот гордый мир войдет жена,
Коснувшись, к слову, за обедом
Вопросов хлеба и пшена, —
Все эти беды —
К малым бедам,
Одна беда ему страшна.

Она придет в иную пору,
Когда он некий перевал
Преодолел, взошел на гору
И отовсюду виден стал.

Когда он всеми шумно встречен,
Самим Фадеевым отмечен,
Пшеном в избытке обеспечен,
Друзьями в классики намечен,
Почти уже увековечен,
И хвать писать —
Пропал запал!

Пропал запал.
По все приметам
Твой горький день вступил в права.
Все — звоном, запахом и цветом —
Нехороши тебе слова;
Недостоверны мысли, чувства,
Ты строго взвесил их — не те́...
И все вокруг мертво и пусто,
И тошно в этой пустоте.

Да, дело будто бы за малым,
А хвать-похвать — и ни рожна.
И здесь беда, что впрямь страшна,
Здесь худо быть больным, усталым,
Здесь горько молодость нужна!

Чтоб не смириться виновато,
Не быть у прошлого в долгу,
Не говорить: я мог когда-то,
А вот уж больше не могу.

Но верным прежней быть гордыне,
Когда ты щедрый, не скупой,
И все, что сделано доныне,
Считаешь только черновой;

Когда, заминкой не встревожен,
Еще беспечен ты и смел,
Еще не думал, что положен
Тебе хоть где-нибудь предел;

Когда — покамест суд да справа —
Богат, широк — полна душа —
Ты водку пьешь еще для славы, —
Не потому, что хороша.

И врешь еще для интересу,
Что нету сна,
И жизнь сложна...

Ах, как ты горько, до зарезу,
Попозже, молодость, нужна!

Пришла беда — и вроде не с кем
Делиться этою бедой.
А время жмет на все железки,
И не проси его:
— Постой!

Повремени, крутое время,
Дай осмотреться, что к чему.
Дай мне в пути поспеть со всеми,
А то, мол, тяжко одному...

И знай, поэт, ты нынче вроде
Как тот солдат, что от полка
Отстал случайно на походе.
И сушит рот ему тоска.

Бредет обочиной дороги.
Туда ли, нет — не знает сам,
И счет в отчаянной тревоге
Ведет потерянным часам.

Один в пути — какой он житель!
Догнать, явиться: виноват,
Отстал, взыщите, накажите...
А как наказан, так — солдат!
Так свой опять — и дело свято.
Хоть потерпел, зато учен.
А что еще там ждет солдата,
То все на свете нипочем...

Изведав горькую тревогу,
В беде уверившись вполне,
Я в эту бросился дорогу,
Я знал, она поможет мне.

Иль не меня четыре года,
Покамест шла войны страда,
Трепала всякая погода,
Мотала всякая езда.
И был мне тот режим не вреден,
Я жил со всеми наравне.

Давай-ка, брат, давай поедем:
Не только свету, что в окне.
Скорее вон из кельи тесной,
И все не так, и ты хорош, —
Самообман давно известный,
Давно испытанный, а все ж —
Пусть трезвый опыт не перечит,
Что нам дорога — лучший быт.
Она трясет и бьет,
А — лечит.
И старит нас,
А — молодит.

Понять ли доброму соседу,
Что подо мной внизу в купе,
Как сладко мне слова: «Я еду,
Я еду», — повторять себе.

И сколько есть в дороге станций,
Наверно б, я на каждой мог
Сойти с вещами и остаться
На некий неизвестный срок.

Я рад любому месту в мире,
Как новожил московский тот,
Что счастлив жить в любой квартире,
Какую бог ему пошлет.

Я в скуку дальних мест не верю,
И край, где нынче нет меня,
Я ощущаю, как потерю
Из жизни выбывшего дня.

Я сердце по свету рассеять
Готов. Везде хочу поспеть.
Нужны мне разом
Юг и север,
Восток и запад,
Лес и степь;

Моря и каменные горы,
И вольный плес равнинных рек,
И мой родной далекий город,
И тот, где не был я вовек;

И те края, куда я еду,
И те места, куда — нет-нет —
По зарастающему следу
Уводит память давних лет...

Есть два разряда путешествий:
Один — пускаться с места вдаль;
Другой — сидеть себе на месте,
Листать обратно календарь.

На этот раз резон особый
Их сочетать позволит мне.

И тот и тот — мне кстати оба,
И путь мой выгоден вдвойне.

Помимо прочего, при этом
Я полон радости побыть
С самим собою, с белым светом,
Что в жизни вспомнить, что забыть...

Но знай, читатель, эти строки,
С отрадой лежа на боку,
Сложил я, будучи в дороге,
От службы как бы в отпуску,
Подальше как бы от начальства.

И если доброй ты души,
Ты на меня не ополчайся
И суд свой править не спеши.

Не метусись, как критик вздорный,
По пустякам не трать огня.
И не ищи во мне упорно
Того, что знаешь без меня...

Повремени вскрывать причины
С угрюмой важностью лица.

Прочти хотя б до половины,
Авось — прочтешь и до конца.

СЕМЬ ТЫСЯЧ РЕК

Еще сквозь сон на верхней полке
Расслышал я под стук колес,
Как слово первое о Волге
Негромко кто-то произнес.

Встаю — вагон с рассвета в сборе,
Теснясь у каждого окна,
Уже толпится в коридоре, —
Уже вблизи была она.

И пыл волненья необычный
Всех сразу сблизил меж собой,
Как перед аркой пограничной
Иль в первый раз перед Москвой...

И мы стоим с майором в паре,
Припав к стеклу, плечо в плечо,
С кем ночь в купе одном проспали
И не знакомились еще.

Стоим и жадно курим оба,
Полны взаимного добра,
Как будто мы друзья до гроба
Иль вместе выпили с утра.

И уступить спешим друг другу
Мы лучший краешек окна.
И вот мою он тронул руку
И словно выдохнул:
— Она!

— Она! —
И тихо засмеялся,

Как будто Волгу он, сосед,
Мне обещал, а сам боялся,
Что вдруг ее на месте нет.

— Она! —
И справа, недалеко,
Моста не видя впереди,
Мы видим плес ее широкий
В разрыве поля на пути.

Казалось, поезд этот с ходу —
Уже спасенья не проси —
Взлетит, внизу оставив воду,
Убрав колеса, как шасси.

Но нет, смиренно ход убавив
У будки крохотной поста,
Втянулся он, как подобает,
В тоннель решетчатый моста

И загремел над ширью плеса,
Покамест сотни звонких шпал,
Поспешно легших под колеса,
Все до одной не перебрал...

И не успеть вглядеться толком,
А вот уже ушла из глаз
И позади осталась Волга,
В пути не покидая нас;

Не уступая добровольно
Раздумий наших и речей
Ничьей иной красе окольной
И даже памяти ничьей.

Ни этой дали, этой шири,
Что новый край за ней простер.
Ни дерзкой славе рек Сибири,
Коль их касался разговор.

Ни заграницам отдаленным,
Ни любопытной старине,
Ни городам, вчера рожденным,
Как будто взятым на войне.

Ни новым замыслам ученым,
Ни самым, может быть, твоим
Воспоминаньям береженым,
Местам, делам и дням иным...

Должно быть, той влекущей силой,
Что люди знали с давних лет,
Она сердца к себе манила,
Звала их за собою вслед.

Туда, где нынешнею славой
Не смущена еще ничуть,
Она привычно, величаво
Свой древний совершала путь...

Семь тысяч рек,
Ни в чем не равных:
И с гор стремящих бурный бег,
И меж полей в изгибах плавных
Текущих вдаль — семь тысяч рек
Она со всех концов собрала —
Больших и малых — до одной,
Что от Валдая до Урала
Избороздили шар земной.

И в том родстве переплетенном,
Одной причастные семье,
Как будто древом разветвленным
Расположились по земле.

Пусть воды их в ее теченье
Неразличимы, как одна.
Краев несчетных отраженье
Уносит волжская волна.

В нее смотрелось пол-России:
Равнины, горы и леса,
Сады и парки городские,
И вся наземная краса —
Кремлевских стен державный гребень,
Соборов главы и кресты,
Ракиты старых сельских гребель,
Многопролетные мосты,

Заводы, вышки буровые,
Деревни с пригородом смесь,
И школьный дом, где ты впервые
Узнал, что в мире Волга есть...

Вот почему нельзя не верить,
Любуясь этою волной,
Что сводит Волга — берег в берег —
Восток и Запад над собой;
Что оба края воедино
Над нею сблизились навек;
Что Волга — это середина
Земли родной.
Семь тысяч рек!

В степи к назначенному сроку,
Извечный свой нарушив ход,
Она пришла донской дорогой
В бескрайний плес всемирных вод.

Ее стремленью уступила
Водораздельная гора.
И стало явью то, что было
Мечтой еще царя Петра;
Наметкой смутной поколений,
Нуждой, что меж несчетных дел
И нужд иных великий Ленин
Уже тогда в виду имел...

Пусть в океанском том смешенье
Ее волна растворена.
Земли родимой отраженье
Уже и там несет она.

Пусть реки есть, каким дорога
Сама собой туда дана
И в мире слава их полна;
Пусть реки есть мощней намного —
Но Волга-матушка одна!

И званье матушки носила
В пути своем не век, не два —
На то особые права —

Она,
Да матушка-Россия,
Да с ними матушка-Москва.

...Сидим в купе с майором рядом,
Как будто взяли перевал.

Он, мой сосед, под Сталинградом
За эту Волгу воевал.

ДВЕ КУЗНИЦЫ

На хуторском глухом подворье,
В тени обкуренных берез
Стояла кузница в Загорье,
И я при ней с рожденья рос.

И отсвет жара горнового
Под закопченным потолком,
И свежесть пола земляного,
И запах дыма с дегтьком —
Привычны мне с тех пор, пожалуй,
Как там, взойдя к отцу в обед,
Мать на руках меня держала,
Когда ей было двадцать лет...

Я помню нашей наковальни
В лесной тиши сиротский звон,
Такой усталый и печальный
По вечерам, как будто он
Вещал вокруг о жизни трудной,
О скудном выручкою дне
В той небогатой, малолюдной,
Негромкой нашей стороне.

Где меж болот, кустов и леса
Терялись бойкие пути;
Где мог бы все свое железо
Мужик под мышкой унести;
Где был заказчик — гость случайный,
Что к кузнецу раз в десять лет
Ходил, как к доктору, от крайней
Нужды, когда уж мочи нет.

И этот голос наковальни,
Да скрип мехов, да шум огня

С далекой той поры начальной
В ушах не молкнет у меня.

Не молкнет память жизни бедной,
Обидной, горькой и глухой,
Пускай исчезнувшей бесследно,
С отцом ушедшей на покой.

И пусть она не повторится,
Но я с нее свой начал путь,
Я и добром, как говорится,
Ее обязан помянуть.

За все ребячьи впечатленья,
Что в зрелый век с собой принес;
За эту кузницу под тенью
Дымком обкуренных берез.

На малой той частице света
Была она для всех вокруг
Тогдашним клубом, и газетой,
И академией наук.

И с топором отхожим плотник,
И старый воин — грудь в крестах,
И местный мученик-охотник
С ружьишком ветхим на гвоздях;
И землемер, и дьякон медный,
И в блестках сбруи коновал,
И скупщик лиха Ицка бедный, —
И кто там только не бывал!

Там был приют суждений ярых
О недалекой старине,
О прежних выдумщиках-барах,
Об ихней пище и вине;
О загранице и России,
О хлебных сказочных краях,
О боге, о нечистой силе,
О полководцах и царях;
О нуждах мира волостного,
Затменьях солнца и луны,
О наставленьях Льва Толстого
И притесненьях от казны...

Там человеческой природе
Отрада редкая была —
Побыть в охоту на народе,
Забыть, что жизнь невесела.

Сиди, пристроившись в прохладе,
Чужой махоркою дыми,
Кряхти, вздыхай — не скуки ради,
А за компанию с людьми.
И словно всяк — хозяин-барин,
И ни к чему спешить домой...

Но я особо благодарен
Тем дням за ранний навык мой.
За то, что там ребенком малым
Познал, какие чудеса
Творит союз огня с металлом
В согласье с волей кузнеца.

Я видел в яви это диво,
Как у него под молотком
Рождалось все, чем пашут ниву,
Корчуют лес и рубят дом.

Я им гордился бесконечно,
Я знал уже, что мастер мог
Тем молотком своим кузнечным
Сковать такой же молоток.

Я знал не только понаслышке,
Что труд его в большой чести,
Что без железной кочедыжки
И лаптя даже не сплести.

Мне с той поры в привычку стали
Дутья тугой, бодрящий рев,
Тревожный свет кипящей стали
И под ударом взрыв паров.

И садкий бой кувалды древней,
Что с горделивою тоской
Звенела там, в глуши деревни,
Как отзвук славы заводской.

...Полжизни с лишком миновало,
И дался случай мне судьбой
Кувалду главную Урала
В работе видеть боевой.

И хоть волною грозной жара
Я был далеко отстранен,
Земля отчетливо дрожала
Под той кувалдой в тыщи тонн.

Казалось, с каждого удара
У всех под пятками она
С угрюмым стоном припадала,
До скальных недр потрясена...

И пусть тем грохотом вселенским
Я был вначале оглушен,
Своей кувалды деревенской
Я в нем родной расслышал звон.

Я запах, издавна знакомый,
Огня с окалиной вдыхал,
Я был в той кузнице, как дома.
Хоть знал,
Что это был Урал.

Урал!
Завет веков и вместе —
Предвестье будущих времен,
И в наши души, точно песня,
Могучим басом входит он —
Урал!

Опорный край державы,
Ее добытчик и кузнец,
Ровесник древней нашей славы
И славы нынешней творец.

Когда на запад эшелоны,
На край пылающей земли
Тот груз, до срока зачехленный,
Стволов и гусениц везли, —
Тогда, бывало, поголовно

Весь фронт огромный повторял
Со вздохом нежности сыновней
Два слова:
— Батюшка-Урал...

Когда, добром его груженный,
На встречной скорости состав,
Как сквозь тоннель гремит бетонный,
С прогибом рельсов даль прорвав, —
Не диво мне, что люд вагонный,
Среди своих забот, забав,
Невольно связь речей теряя,
На миг как будто шапку снял,
Примолкнет, сердцем повторяя
Два слова:
— Батюшка-Урал...

Урал!
Я нынче еду мимо,
И что-то сжалося в груди:
Тебя, как будто край родимый,
Я оставляю позади.

Но сколько раз в дороге дальней
Я повторю, — как лег, как встал, —
И все теплей и благодарней
Два слова:
— Батюшка-Урал...

Урал!
Невольною печалью
Я отдаю прощанью дань...

А за Уралом —
Зауралье,
А там своя, иная даль.

ДВЕ ДАЛИ

Иная даль, иная зона,
И не гранит под полотном —
Глухая мякоть чернозема
И степь без края за окном.

И на ее равнине плоской —
Где малой рощицей, где врозь —
Старообразные березки
Белеют — голые, как кость.

Идут, сквозные, негустые,
Вдоль горизонта зеленя
Да травы изжелта-седые,
Под ветром ждущие огня.

И час за часом край все шире,
Уже он день и два в окне,
Уже мы едем в той стране,
Где говорят:
— У нас, в Сибири...

Сибирь!
Не что-то там в дали,
Во мгле моей дороги длинной,
Не бог весть где, не край земли,
А край такой же серединный,

Как на Урале был Урал,
А там — Поволжье, Подмосковье,
И все, что ты уже терял
За неустанной встречной новью.

И ненасытная мечта
В пути находит неизменно:
Две дали разом — та и та —
Влекут к себе одновременно...

Стожок подщипанный сенца,
Колодец, будка путевая.
И в оба от нее конца
Уходят, землю обвивая,
Две эти дали, как одна.
И обе вдруг душе предстали.
И до краев душа полна
Теплом восторга и печали...

Опять рассвет вступил в окно —
Ему все ближе путь с востока,
А тот стожок давным-давно
Уже на западе далеко.

И словно год назад прошли
Уральской выемки откосы,
Где громоздились из земли
Пласты породы, как торосы.

И позади, вдали места,
Что так же шли в окне вагона.
И Волга — с волжского моста,
И все за нею перегоны.

Столичный пригород, огни,
Что этот поезд провожали,
И те, что в этот час в тени
Или в лучах закатных дали...

С дороги — через всю страну —
Я вижу отчий край смоленский
И вспомнить вновь не премину
Мой первый город деревенский.

Он славой с древности гремел,
Но для меня в ребячью пору
Названья даже не имел —
Он был один, был просто *город*.

И, как тогда я ни был мал,
Я не забыл и не забуду
Тот запах, что в избу вступал
С отцом, приехавшим оттуда.

Как будто с поскрипом сеней,
С морозным облаком надворья,

В былинках сена из саней
Сам город прибывал в Загорье.

Нездешний, редкий, привозной,
Тревожно-праздничный и пряный,
То запах жизни был иной —
Такой немыслимой и странной.

Он долго жил для нас во всем:
В гостинце каждом и покупке,
В нагольном старом полушубке,
Что побыл в городе с отцом...

Волненью давнему парнишки
Доступна полностью душа,
Как вспомню запах первой книжки
И самый вкус карандаша...

Всем, чем к земле родной привязан,
Чем каждый день и час дышу,
Я, как бы ни было, обязан
Той книжке и карандашу;
Тому ребячьему смятенью,
С каким касался их рукой
И приступал к письму и чтенью —
Науке первой городской.

И что ж такого, что с годами
Я к той поре глухим не стал
И все взыскательнее память
К началу всех моих начал!

Я счастлив тем, что я оттуда,
Из той зимы, из той избы.
И счастлив тем, что я не чудо
Особой, избранной судьбы.

Мы все — почти что поголовно —
Оттуда люди, от земли,
И дальше деда родословной
Не знаем: предки не вели,
Не беспокоились о древе,
Рождались, жили в свой черед,
Хоть род и мой — он так же древен,
Как, скажем, твой, читатель, род...

Читатель!
Друг из самых лучших,
Из всех попутчиков попутчик,
Из всех своих особо свой,
Все кряду слушать мастер дивный,
Неприхотливый, безунывный.
(Не то что слушатель иной,
Что нам встречается в натуре:
То у него сонливый вид,
То он свистит, глаза прищуря,
То сам прорваться норовит.)
Пусть ты меня уже оставил,
Загнув странички уголок,
Зевнул — хоть это против правил —
И даже пусть на некий срок
Вздремнул ты, лежа или сидя,
Устав от множества стихов,
Того не зная и не видя,
Я на тебя и не в обиде:
Я сам, по слабости, таков.

Меня, опять же, не убудет,
Коль скажешь ты иль кто другой:
Не многовато ль, дескать, будет
Подряд материи такой,
Как отступленья, восклицанья
Да оговорок этих тьма?
Не стать ли им чрезмерной данью
Заветам старого письма?

Я повторю великодушно:
Не хлопочи о том, дружок, —
Читай, пока не станет скучно,
А там — бросай.
И я — молчок.

Тебя я тотчас покидаю,
Поникнув скромно головой.
Я не о том совсем мечтаю,
Чтоб был читатель волевой,
Что, не страшась печатной тины,
Вплоть до конца несет свой крест
И в силу самодисциплины
Что преподносят, то и ест.

Нет, мне читатель слабовольный,
Нестойкий, пуганый милей:
Уж если вник, —с меня довольно.
Горжусь победою моей,
Волнуясь, руки потираю:
Ты — мой.
И холод по спине:
А вдруг такого потеряю?
Тогда конец и горе мне.

Тогда забьюсь в куток под лавкой
И затаю свою беду.
А нет — на должность с твердой ставкой
В Союз писателей пойду...

Продолжим, стало быть, беседу.
Для одного тебя, учти,
Я с юных дней иду и еду
И столько лет уже в пути.
И все одна командировка, —
Она мне слишком дорога...

Но что там — вроде остановка?
— Какая станция?
— Тайга.

Состав стоит, пробег немалый
В пути оставив за хвостом.
И от уставшего металла
Внизу течет звенящий стон

Снаружи говор оживленный,
В огне перрон, как днем светло.
Опять за стенкою вагонной
Полтыщи верст в ночи прошло.

Прошли мосты, мелькнули реки,
Минули целые края,
Которых, может быть, вовеки
Вот так и не увижу я,
И что за земли — знать не буду —
Во сне ушли из-под колес...

А тут еще весны причуды, —
Не вспять ли время подалось?

Как будто мы в таежный пояс
Вошли за станцией Тайгой.
Теплом полей обдутый поезд
Как будто взял маршрут другой.

Как будто вдруг сменился климат:
Зима — и все вокруг бело.
Сухой пурги дремотным дымом
Костлявый лес заволокло...

Но с путевой надежной сталью
Смыкая туго сталь колес,
Спешит состав за новой далью.
Гребет пространство паровоз.

И разрывает мир единый,
Что отступает с двух сторон,
На две большие половины,
На юг и север вдоль окон.

Сквозь муть пурги еще невнятно
Вступает новый край в права.
А где-то там, в дали обратной, —
Урал и Волга, и Москва,
Смоленск, мосты и переправы
Днепра, Березины, Двины,
Весь запад — до границ державы
И дальше — по следам войны,
По рубежам ее остывшим,
По блиндажам ее оплывшим,
По стольким памятным местам...

Я здесь, в пути, но я и там —
И в той дороге незабвенной,
У тех, у дорогих могил,
Где мой герой поры военной
С войсками фронта проходил.

Хоть та пора все дале, дале,
Все больше верст, все больше дней.
Хоть свет иной, желанной дали
В окне вагона все видней.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ РАЗГОВОР

А скажем прямо, что не шутки —
Уже одно житье-бытье,
Когда в дороге третьи сутки —
Еще едва ли треть ее.

Когда в пути почти полмира,
Через огромные края
Пройдет вагон — твоя квартира,
Твой дом и улица твоя...

В такой дороге крайне дорог
Особый лад на этот срок,
Чтоб все тебе пришлося впору,
Как добрый по ноге сапог.

И время года, и погода,
И звук привычного гудка,
И даже радио в охоту,
И самовар проводника...

С людьми в дороге надо сжиться,
Чтоб стали, как свои, тебе
Впервые встреченные лица
Твоих соседей по купе.

Как мой майор, седой и тучный,
С краснотцей жесткой бритых щек,
Иль этот старичок научный,
Сквозной, как молодой сморчок.

И чтоб в привычку стали вскоре,
Как с давних пор заведено,
Полузнакомства в коридоре,
Где на двоих-троих окно;

Где моряка хрустящий китель
В соседстве с мягким пиджаком,
Где областной руководитель —
Не в кабинете со звонком;

Где в орденах старик кудрявый
Таит в улыбке торжество
Своей, быть может, громкой славы,
Безвестной спутникам его;

Где дама строгая в пижаме
Загромоздит порой проход,
Смущая щеголя с усами,
Что не растут такие сами
Без долгих, вдумчивых забот;

Где все — как все: горняк, охотник,
Путеец, врач солидных лет
И лысый творческий работник,
С утра освоивший буфет.

Все сведены дорожной далью:
И тот, и та, и я, и вы,
И даже — к счету — поп с медалью
Восьмисотлетия Москвы...

И только держатся особо,
Друг другом заняты вполне, —
Выпускники, наверно, оба —
Молодожены в стороне.

Рука с рукой — по-детски мило —
Они у крайнего окна
Стоят посередине мира —
Он и она,
Муж и жена.

Своя безмолвная беседа
У этой новенькой четы.
На край земли, быть может, едут,
А может, только до Читы.

Ну, до какой-нибудь Могочи,
Что за Читою невдали.

А может, путь того короче.
А что такое край земли?

Тот край и есть такое место,
Как раз такая сторона,
Куда извечно,
Как известно,
Была любовь устремлена.

Ей лучше знать, что все едино,
Что место, где ни загадай,
Оно — и край, и середина,
И наша близь, и наша даль.

А что ей в мире все напасти,
Когда при ней ее запас!
А что такое в жизни счастье?
Вот это самое как раз —
Их двое, близко ли, далеко,
В любую часть земли родной,
С надеждой ясной и высокой
Держащих путь — рука с рукой...

Нет, хорошо в дороге долгой
В купе освоить уголок
С окошком, столиком и полкой
И ехать, лежа поперек
Дороги той.

И ты не прежний,
Не тот, чем звался, знался, жил,
А безымянный, безмятежный,
Спокойный, дальний пассажир.

И нет на лбу иного знака,
Дымишь, как всякий табакур.
Отрада полная.
Однако
Не обольщайся чересчур...

Хоть не в твоей совсем натуре
Трибуной тешиться в пути,
Но эту дань литературе
И здесь приходится нести.

Провинциальный ли, столичный —
Читатель наш воспитан так,
Что он особо любит личный
Иметь с писателем контакт;
Заполнить устную анкету
И на досуге, без помех
Призвать, как принято, к ответу
Не одного тебя, а всех.

Того-то вы не отразили,
Того-то не дали опять.
А сколько вас в одной России?
Наверно, будет тысяч пять?

Мол, дело, собственно, не в счете.
Но мимо вас проходит жизнь,
А вы, должно быть, водку пьете,
По кабинетам запершись.

На стройку вас, в колхозы срочно,
Оторвались, в себя ушли...

И ты киваешь:
— Точно, точно,
Не отразили, не учли...

Но вот другой:
— Ах, что там — стройка,
Завод, колхоз! Не в этом суть.
Бывает, их наедет столько,
Творцов, певцов.
А толку — чуть.

Роман заранее напишут,
Приедут, пылью той подышат,
Потычут палочкой в бетон,
Сверяя с жизнью первый том.

Глядишь, роман, и все в порядке:
Показан метод новой кладки,
Отсталый зам, растущий пред
И в коммунизм идущий дед;
Она и он — передовые,

Мотор, запущенный впервые,
Парторг, буран, прорыв, аврал,
Министр в цехах и общий бал...

И все похоже, все подобно
Тому, что есть иль может быть,
А в целом — вот как несъедобно,
Что в голос хочется завыть.

Да неужели
В самом деле
Тоска такая все кругом —
Все наши дни, труды, идеи
И завтра нашего закон?

Нет, как хотите, добровольно
Не соглашусь, не уступлю.
Мне в жизни радостно и больно,
Я верю, мучаюсь, люблю.

Я счастлив жить, служить отчизне,
Я за нее ходил на бой.
Я и рожден на свет для жизни —
Не для статьи передовой.

Кончаю книгу в раздраженье.
С души воротит: где же край?
А края нет. Есть продолженье.
Нет, братец, хватит. Совесть знай.

И ты киваешь:
— Верно, верно,
Понятно, критика права...

Но ты их слышать рад безмерно —
Все эти горькие слова.

За их судом и шуткой грубой
Ты различаешь без труда
Одно, что дорого и любо
Душе, мечте твоей всегда, —
Желанье той счастливой встречи
С тобой иль с кем-нибудь иным,

Где жар живой, правдивой речи,
А не вранья холодный дым;
Где все твое незаменимо,
И есть за что тебя любить,
И ты тот самый, тот любимый,
Каким еще ты можешь быть.

И ради той любви бесценной,
Забыв о горечи годов,
Готов трудиться ты и денно
И нощно —
Душу сжечь готов.

Готов на все суды и толки
Махнуть рукой. Все в этом долге,
Все в этой доблести. А там...

Вдруг новый голос с верхней полки:
— Не выйдет...
— То есть как?
— Не дам...

Не то чтоб это окрик зычный,
Нет, но особый жесткий тон,
С каким начальники обычно
Отказ роняют в телефон.

— Не выйдет, — протянул вторично.
— Но кто вы там, над головой?
— Ты это знаешь сам отлично...
— А все же?
— Я — редактор твой.

И с полки голову со смехом
Мой третий свесил вдруг сосед:
— Ты думал что? Что ты уехал
И от меня? Нет, милый, нет.

Мы и в пути с тобой соседи,
И все я слышу в полусне.
Лишь до поры мешать беседе,
Признаться, не хотелось мне.

Мне было попросту занятно,
Смотрю: ну до чего хорош,
Ну как горяч невероятно,
Как смел! И как ты на попятный
От самого себя пойдешь.

Как, позабавившись игрою,
Ударишь сам себе отбой.
Зачем? Затем, что я с тобою —
Всегда, везде — редактор твой.

Ведь ты над белою бумагой,
Объятый творческой мечтой,
Ты, умник, без меня ни шагу,
Ни строчки и ни запятой.

Я только мелочи убавлю
Там, сям — и ты как будто цел.
И все нетронутым оставлю,
Что сам ты вычеркнуть хотел.

Там карандаш, а тут резинка,
И все по чести, все любя.
И в свет ты выйдешь, как картинка,
Какой задумал я тебя.

— Стой, погоди, — сказал я строго,
Хоть самого кидало в дрожь. —
Стой, погоди, ты слишком много,
Редактор, на себя берешь!

И, голос вкрадчиво снижая,
Он отвечает:
— Не беру.
Отнюдь. Я все препоручаю
Тебе и твоему перу.

Мне самому-то нет расчету
Корпеть, черкать, судьбу кляня.
Понятно? Всю мою работу
Ты исполняешь за меня.

Вот в чем секрет, аника-воин,
И спорить незачем теперь.

Все так. И я тобой доволен
И не нарадуюсь, поверь.

Я всем тебя предпочитаю,
Примером ставлю — вот поэт,
Кого я просто не читаю:
Тут опасаться нужды нет.

И подмигнул мне хитрым глазом:
Мол, ты да я, да мы с тобой...
Но тут его прервал я разом:

— Поговорил — слезай долой.
В каком ни есть ты важном чине,
Но я тебе не подчинен
По той одной простой причине,
Что ты не явь, а только сон
Дурной. Бездарность и безделье
Тебя, как пугало земли,
Зачав с угрюмого похмелья,
На белый свет произвели.

В труде, в страде моей бессонной
Тебя и знать не знаю я.
Ты есть за этой только зоной,
Ты — только тень.
Ты — лень моя.

Встряхнусь — и нет тебя в помине,
И не слышна пустая речь.
Ты только в слабости, в унынье
Меня способен подстеречь,
Когда, утратив пыл работы,
И я порой клоню к тому,
Что где-то кто-то или что-то
Перу помеха моему...

И о тебе все эти строчки,
Чтоб кто другой, смеясь, прочел, —
Ведь я их выдумал до точки,
Я сам. А ты-то здесь при чем?

А между тем народ вагонный,
Как зал, заполнив коридор,

Стоял и слушал возбужденно
Весь этот жаркий разговор.

И молча тешились забавой
Майор с научным старичком.
И пустовала полка справа:
В купе мы ехали втроем.

И только — будь я суевером —
Я б утверждать, пожалуй, мог,
Что с этой полки запах серы
В отдушник медленно протек...

ОГНИ СИБИРИ

Сибирь!
Леса и горы скопом,
Земли довольно, чтоб на ней
Раздаться вширь пяти Европам
Со всею музыкой своей.

Могучий край всемирной славы,
Что грозной щедростью стяжал,
Завод и житница державы,
Ее рудник и арсенал.

Край, где несметный клад заложен,
Под слоем — слой мощней вдвойне.
Иной еще не потревожен,
Как донный лед на глубине.

Родимый край лихих сибирских
Трем войнам памятных полков
С иртышских,
Томских,
Обских,
Бийских
И енисейских берегов...

Сестра Урала и Алтая,
Своя, родная вдаль и вширь,
С плечом великого Китая
Плечо сомкнувшая, Сибирь!

Сибирь!
И лег и встал — и снова —
Вдоль полотна пути Сибирь.
Но как дремучестью суровой
Еще объят ее пустырь!

Идет, идет в окне экспресса
Вдоль этой просеки одной
Неотодвинутого леса
Оббитый ветром перестой.

По хвойной тьме — березы проседь...
Откосы сумрачные гор...
И все кругом — как бы укор
Из давней давности доносит.

Земля пробитых в глушь путей,
Несчетных верст и редких дымов,
Как мало знала ты людей,
Кому была б землей родимой!

Кому была бы той одной,
Что с нами в радости и в горе,
Как юг иль степь душе иной,
Как взморье с теплою волной,
Ка́к мне навек мое Загорье...

Недоброй славы край глухой.
В новинку твой нелегок норов.
Ушел тот век, настал другой,
Но ты — все ты — с твоим укором.

И в старых песнях не устал
Взывать с тоской неутолимой
Твой Александровский централ
И твой бродяга с Сахалина.

Да, горделивая душа
Звучит и в песнях, с бурей споря,
О диком бреге Иртыша
И о твоем священном море.

Но, может быть, в твоей судьбе,
И величавой и суровой,
Чего недодано тебе —
Так это мощной песни новой,
Что из конца прошла б в конец
По всем краям с зазывной силой
И с миллионами сердец
Тебя навеки породнила.

Та честь была бы дорога
И слава — не товар лежалый,
Когда бы мне принадлежала
В той песне добрая строка...

И снова — сутки прочь, и снова —
Сибирь!
Как свист пурги — Сибирь, —
Звучит и ныне это слово,
Но та ли только эта быль!

В часы дорожные ночные
Вглядишься — глаз не отвести:
Как Млечный Путь, огни земные
Вдоль моего текут пути.

Над глухоманью вековечной,
Что днем и то была темна.
И, точно в небе, эта млечность
Тревожна чем-то и скрытна...

Текут, бегут огни Сибири,
И с нерассказанной красой
Сквозь непроглядность этой шири
И дали длятся полосой.

Лучатся в тех угрюмых зонах,
Где время шло во мгле слепой.
Дробятся в дебрях потрясенных,
Смыкая зарева бессонных
Таежных кузниц меж собой.

И в том немеркнущем свеченье
Вдали угадываю я
Ночное позднее движенье,
Оседлый мир, тепло жилья;
Нелегкий труд и отдых сладкий,
Уют особенной цены,
Что с первой детскою кроваткой
У голой лепится стены...

Как знать, какой отрадой дивной
И там бывает жизнь полна —

С тайгою дикой, серединной,
Чуть отступившей от окна,
С углом в бараке закопченном
И чаем в кружке жестяной, —
Под стать моим молодоженам,
Что едут рядом за стеной,
У первой нежности во власти,
В плену у юности своей...

И что такое в жизни счастье,
Как ни мудри, а им видней...

Так час ли, два в работе поезд,
А точно годы протекли,
И этот долгий звездный пояс
Уж опоясал полземли.

А что там — в каждом поселенье
И кем освоена она,
На озаренном протяженье
Лесная эта сторона.

И как в иной таежный угол
Издалека вели сюда
Кого приказ,
Кого заслуга,
Кого мечта,
Кого беда...

Но до того, как жизнь рассудит,
Судьбу назвав, какая чья,
Любой из тысяч этих судеб
И так и так обязан я.

Хотя бы тем одним, что знаю,
Что полон памятью живой
Твоих огней, Сибирь ночная,
Когда все та же, не иная,
Видна ты далее дневной...

Тот свет по ней идет все шире,
Как день сменяя ночи тьму.

И что! Какие силы в мире
Потщатся путь закрыть ему!

Он и в столетьях не померкнет,
Тот вещий отблеск наших дней.
Он — жизнь.
А жизнь сильнее смерти:
Ей больше нужно от людей.

И перемен бесповоротных
Неукротим победный ход.
В нем власть и воля душ несчетных,
В нем страсть, что вдаль меня зовет.

Мне дорог мир большой и трудный,
Я в нем — моей отчизны сын.
Я полон с ней мечтою чудной —
Дойти до избранных вершин.

Я до конца в походе с нею,
И мне все тяготы легки.
Я всех врагов ее сильнее:
Мои враги —
Ее враги.

Да, я причастен гордой силе
И в этом мире — богатырь
С тобой, Москва,
С тобой, Россия,
С тобою, звездная Сибирь!

Со всем — без края, без предела,
С чем людям жить и счастью быть.
Люблю!
И что со мной ни делай,
А мне уже не разлюбить.

И той любви надежной мерой
Мне мерить жизнь и смерть до дна.
И нет на свете большей веры,
Что сердцу может быть дана.

С САМИМ СОБОЙ

Избыток лет бесповоротных
Не лечит слабостей иных:
Я все, как в юности, охотник
До разговоров молодых.

Я все, как в дни мои былые,
Хоть до утра часов с восьми
Решать вопросы мировые
Любитель, хлебом не корми.

Мне дорог дружбы неподдельной
Душевный лад и обиход,
Где слово шутки безыдейной
Тотчас тебе не ставят в счет;
Где о грядущих днях Сибири,
Пути гвардейского полка,
Целинных землях и Шекспире,
Вреде вина и табака
И обо всем на белом свете
Беспротокольный склад речей, —
Ты лишь у смеха на примете
На случай глупости твоей...

Так вот, как высказано выше,
С годами важен я не стал.
Еще не весь, должно быть, вышел
Живучей юности запал.

Нет, я живу, спешу тревожно —
Не тем ли доля хороша —
Заполнить мой дневник дорожный
Всем, чем полна еще душа;
Что бьется, просится наружу, —

И будь такой ли он, сякой, —
Читатель-друг, я не нарушу
Условий дружбы дорогой.

Согласно принятому плану,
Вернусь назад, рванусь вперед.
Но я, по совести, не стану
Зазря вводить тебя в расход.

Я не позволю на мякину
Тебя заманивать хитро.
И не скажу, что сердце выну:
Ему на месте быть добро.

С меня довольно было б чуда,
И велика была бы честь
То слово вынуть из-под спуда,
Что нужно всем, как пить и есть.

У бога дней не так уж много,
Но стану ль попусту скорбеть,
Когда не вся еще дорога
И есть, что видеть, есть, что петь.

Нет, жизнь меня не обделила,
Добром своим не обошла.
Всего с лихвой дано мне было
В дорогу — света и тепла.

И сказок в трепетную память,
И песен матери родной,
И старых праздников с попами,
И новых с музыкой иной.

И в захолустье, потрясенном
Всемирным чудом наших дней, —
Старинных зим с певучим стоном
Далеких — за лесом — саней.

И весен в дружном развороте,
Морей и речек на дворе,
Икры лягушечьей в болоте,
Смолы у сосен на коре.

И летних гроз, грибов и ягод,
Росистых троп в траве глухой,
Пастушьих радостей и тягот,
И слез над книгой дорогой.

И ранней горечи и боли,
И детской мстительной мечты,
И дней, не высиженных в школе,
И босоты, и наготы.
Всего — и скудости унылой
В потемках отчего угла...

Нет, жизнь меня не обделила,
Добром своим не обошла.
Ни щедрой выдачей здоровья
И сил, что были про запас,
Ни первой дружбой и любовью,
Что во второй не встретишь раз,

Ни славы замыслом зеленым,
Отравой сладкой строк и слов;
Ни кружкой с дымным самогоном
В кругу певцов и мудрецов —
Тихонь и спорщиков до страсти,
Чей толк не прост и речь остра
Насчет былой и новой власти,
Насчет добра
И недобра...

Чтоб жил и был всегда с народом,
Чтоб ведал все, что станет с ним,
Не обошла тридцатым годом.
И сорок первым.
И иным...

И столько в сердце поместила,
Что диву даться до поры,
Какие жесткие под силу
Ему ознобы и жары.

И что мне малые напасти
И незадачи на пути,
Когда я знаю это счастье —
Не мимоходом жизнь пройти.

Не мимоездом, стороною
Ее увидеть без хлопот.
Но знать горбом и всей спиною
Ее крутой и жесткий пот.

И будто дело молодое —
Все, что затеял и слепил,
Считать одной лишь малой долей
Того, что людям должен был.

Зато порукой обоюдной
Любая скрашена страда:
Еще и впредь мне будет трудно,
Но чтобы страшно —
Никогда.

ДРУГ ДЕТСТВА

И дружбы долг, и честь, и совесть
Велят мне в книгу занести
Одной судьбы особой повесть,
Что сердцу встала на пути...

Я не скажу, что в ней отрада,
Что память эта мне легка,
Но мне свое исполнить надо,
Чтоб в даль глядеть наверняка.

В ней и великой нет заслуги —
Не тем помечена числом...

А речь идет о старом друге,
О лучшем сверстнике моем.
С кем мы пасли скотину в поле,
Палили в залесье костры,
С кем вместе в школе,
В комсомоле
И всюду были до поры.

И врозь по взрослым шли дорогам
С запасом дружбы юных дней.
И я-то знаю: он во многом
Был безупречней и сильней.

Я знаю, если б не случиться
Разлуке, горшей из разлук,
Я мог бы тем одним гордиться,
Что это был мой первый друг.

Но годы целые за мною,
Весь этот жизни лучший срок —

Та дружба числилась виною,
Что мне любой напомнить мог...

Легка ты, мудрость, на помине:
Лес рубят — щепки, мол, летят.
Но за удел такой доныне
Не предусмотрено наград.

А жаль!
Вот, собственно, и повесть,
И немудрен ее сюжет...

Стояли наш и встречный поезд
В тайге на станции Тайшет.

Два знатных поезда, и каждый
Был полон судеб, срочных дел
И с независимостью важной
На окна встречного глядел.

Один туда, другой обратно.
Равны маршруты и права.
— «Москва — Владивосток»? — Понятно.
— Так-так: «Владивосток — Москва»...

Я вышел в людный шум перронный,
В минутный вторгнулся поток
Газетой запастись районной,
Весенней клюквы взять кулек.

В толпе размять бока со смаком,
Весь этот обозреть мирок —
До окончаний с твердым знаком
В сло̀вах: «Багажъ» и «Кипятокъ»...

Да, я люблю тебя душевно
И, сколько еду, все не сыт
Тобой, дорожный, многодневный,
Простой и в меру быстрый быт;

Вагон и эти остановки
Всего бегущего в окне,
И даже самозаготовки
По среднерыночной цене...

Так, благодушествуя вволю,
Иду. Не скоро ли свисток?
Вдруг точно отзыв давней боли
Внутри во мне прошел, как ток...

Кого я в памяти обычной,
Среди иных потерь своих,
Как за чертою пограничной,
Держал,
он, вот он был,
в живых.

Я не ошибся, хоть и годы
И эта стеганка на нем.
Он!
И меня узнал он, с ходу
Ко мне работает плечом.

И чувство стыдное испуга,
Беды пришло еще на миг,
Но мы уже трясли друг друга
За плечи, за руки...
— Старик!

— Старик! —
Взаимной давней клички
Пустое, в сущности, словцо
Явилось вдруг по той привычке,
А я смотрю ему в лицо:
Все то же в нем, что прежде было,
Но седина, усталость глаз,
Зубов казенных блеск унылый —
Словцо то нынче в самый раз,
Ровесник-друг. А я-то что же?
Хоть не ступал за тот порог,
И я, конечно, не моложе,
Одно, что зубы уберег.
— Старик.

И нет нелепей муки:
Ему ли, мне ль свисток дадут,
И вот семнадцать лет разлуки
И этой встречи пять минут!

И вот они легли меж нами —
Леса, и горы, и моря,
И годы, годы с их мечтами,
Трудами,
войнами,
смертями —
Вся жизнь его,
Вся жизнь моя...

— Ну вот, и свиделись с тобою.
Ну, жив, здоров?
— Как видишь, жив.
Хоть непривычно без конвоя,
Но, так ли, сяк ли, пассажир
Заправский: с полкой и билетом...
— Домой?
— Да как сказать, где дом...

— Ах, да! Прости, что я об этом...
— Ну, что там, можно и о том.
Как раз, как в песенке не новой,
Под стать приходятся слова:
Жена найдет себе другого,
А мать... Но если и жива...
— Так. Ты туда, а я обратно...
— Да, встреча: вышел, вдруг — смотрю...
— И я смотрю: невероятно...
— Не куришь?
— Как еще курю!..

Стоим. И будто все вопросы.
И встреча как ни коротка,
Но что еще без папиросы
Могли мы делать до свистка?

Уже его мы оба ждали,
Когда донесся этот звук.
Нам разрешали
Наши дали
Друг друга выпустить из рук...

— Пора!
— Ну что же, до свиданья.

— Так ты, смотри — звони, пиши... —
Слова как будто в оправданье,
Что тяжесть некая с души.

И тут, на росстани тайшетской,
Когда вагон уже потек,
Он, приободрившись молодецки,
Вдруг взял мне вслед под козырек.

И этот жест полушутливый,
Из глаз ушедший через миг,
Тоской безмолвного порыва
Мне в сердце самое проник.

И все. И нету остановки.
И не сойти уже мне здесь,
Махнув на все командировки,
Чтоб в поезд к другу пересесть.

И от нелегкой этой были,
На встречной скорости двойной,
Мы в два конца свои спешили
Впритирку с ветром за стеной.

Бежал, размеченный столбами,
Как бы кружась в окне, простор.
И расстоянье между нами
Росло на запад и восток.

И каждый миг был новой вехой
Пути, что звал к местам иным...

А между тем я как бы ехал
И с ним, товарищем моим.

И подо мной опять гудела
В пути оставленная сталь.
И до обратного предела
Располагалась та же даль.

И от вокзала до вокзала
Я снова в грудь ее вбирал:

И тьму тайги, и плес Байкала,
И степь, и дымчатый Урал.

И к Волге-матушке с востока
Я приближался в должный срок
И, стоя с другом локоть в локоть,
Ее заранее стерег.

А через сутки с другом вместе,
Вцепившись намертво в окно,
Встречал столичные предместья,
Как будто их давным-давно,
Как он, не видел. И с тревогой
В вокзальный тот вступал поток...

А между тем своей дорогой
Все дальше ехал на восток.

И разве диво то, что с другом
Не мог расстаться я вполне?
Он был недремлющим недугом,
Что столько лет горел во мне.

Он сердца был живою частью,
Бедой и болью потайной.
И годы были не во власти
Нас разделить своей стеной.

И, не кичась судьбой иною,
Я постигал его удел.
Я с другом был за той стеною.
И ведал все. И хлеб тот ел.

В труде, в пути, в страде походной
Я неразлучен был с одной
И той же думой неисходной, —
Да, я с ним был, как он со мной.

Он всюду шел со мной по свету,
Всему причастен на земле.
По одному со мной билету,
Как равный гость, бывал в Кремле.

И те же радости и беды
Душой сыновней ведал он:
И всю войну,
И День Победы,
И будни нынешних времен.

Я знал: вседневно и всечасно
Его любовь была верна.
Винить в беде своей безгласной
Страну?
При чем же здесь страна!

Он жил ее мечтой высокой,
Он вместе с ней глядел вперед.
Винить в своей судьбе жестокой
Народ?
Какой же тут народ!..

И минул день в пути и вечер.
И ночь уже прошла в окне,
А боль и радость этой встречи,
Как жар, теснилися во мне.

Врываясь в даль, работал поезд,
И мне тогда еще в пути
Стучала в сердце эта повесть,
Что я не вправе обойти.

Нет, обойти ее — не дело
И не резон душе моей:
Мне правда партии велела
Всегда во всем быть верным ей.

С той правдой малого разлада
Не понесет моя строка.
И мне свое исполнить надо,
Чтоб в даль глядеть наверняка.

ФРОНТ И ТЫЛ

Быть может, этот спор дорожный.
Порой почти пустопорожний,
Но жаркий — грудь на грудь, в упор —
В вагоне шел бы до сих пор,
Не встрянь с улыбкой осторожной
И легким вздохом мой майор.

А может, перед вспышкой новой
Он сам собою поостыл,
Всегда, везде зайти готовый
Тот спор на тему:
Фронт и *тыл...*

Давно война отгрохотала,
Давно в страде иной страна,
По данным выхода с гектара
В пудах и центнерах зерна
И данным — на душу — металла,
Свои убытки наверстала, —
Душа, казалось бы, полна.

Однако, — нужды нет лукавить, —
Душа, минуя давность лет,
Той горькой памяти оставить
Еще не может и — нет-нет —
В тот самый заступает след.

И неизмеренное море
Печали, тяжких мук и горя
И славы — тот душевный пыл,
Что вновь и вновь родится в споре
На эту тему: фронт и тыл.

Он возникает не по знаку
Организованных начал,
А сам собой и тоже всяко:
То днем, а то и по ночам.

В пути, в гостинице, в больнице,
На переправе затяжной,
В районе, в области, в столице,
В гостях и дома, — хоть с женой.

В бараке, в клубе и сторожке,
В тайге, в степи, на целине,
«На кукурузе», «на картошке», —
Как говорят еще в стране.

На даче, на горячем пляже,
В Крыму и в заполярной тьме,
Во льдах торосистых и даже
Не диво, если и в тюрьме...

Но время лучшее для спора,
Когда Москва — его исток,
А устье — где-то там, не скоро,
В конце, вдали — Владивосток.

Итак, в дороге три-четыре,
А то и пять, пожалуй, дней
Шел спор о фронте и о тыле, —
Не что важней,
А где трудней.

Спор в постановке чисто русской:
Где круче в смысле всех страстей —
Обычной на душу нагрузки,
Жары,
        морозов
                и харчей.

Горячность пылкая без меры
Со стороны фронтовика,
Минувшей службы офицера,
Рвалася вон из пиджака.

Казалось, был он кровный, личный,
Извечный враг тыловиков,
Да и оратор был каков! —
Куда там — наш трибун столичный,
Любимец публики Сурков.

Казалось так в разгаре спора,
Что он, случись в иную пору,
Отцу б родному не простил,
Когда бы с цехом иль конторой
Старик нестойкий убыл в тыл
И под огнем на фронте не был,
Не отступал за Днепр и Дон...

Должно быть, там с овчинку небо
Однажды сам увидел он.

И это тяжкое виденье
Он нес теперь сквозь жизнь свою,
Крутого полон озлобленья
На всех, кто не был в том бою...

Зато его противник в споре
Прощал охотно старика.
И о своей тех лет конторе
Он дал понять издалека.

На пафос тот, отчасти зверский,
Он отвечал — уму учил —
С улыбкой мягко-министерской
Больших секретарей-мужчин,
Что лишены обычной страсти
И с правом входа на доклад
Располагают большей властью,
Чем тот, при коем состоят...

Сперва с усталостью заметной
Он пояснил, что не секрет,
В наш век — век атомно-ракетный —
Былых понятий фронта нет,
Как нет былых понятий тыла.
Но с точки зренья прежних дней
Понятно, где труднее было:
В тылу у нас — куда трудней.

Он так сказал: ходить в атаки
И умирать, коль выпал час,
Есть тот гражданский долг, что всякий
Обязан выполнить из нас.

Он к месту вспомнил утвержденья
Самих прославленных вояк,
Что нет героев от рожденья, —
Они рождаются в боях.

И возразить, казалось, нечем,
Когда вздохнул он тихо:
— Но... —
В тылу, мол, дело обеспечить
Уже не всякому дано.

И в правоте неоспоримой
Подвел черту, как говорят:
Тыл фронту, верно, брат родимый,
Но он сказал бы:
Старший брат.

Сказал — гляди, куда как метче —
И с новым вздохом повторил:
Тыл — старший брат, за все ответчик
И потому избрал он тыл.

Ему в годину испытаний
Крепить его велел закон.
С ним разговаривать не стали,
Когда на фронт просился он...

И, дескать, несколько неловкий,
По меньшей мере, этот спор,
При современной обстановке
Он лишь несет в ряды раздор...

И тут как раз вздохнул майор.

Майор, молчун тяжеловатый,
Что был курить да спать здоров,
Сказал с улыбкой виноватой:

— Скажу сперва насчет рядов...
Зачем же вдруг!.. Ряды — рядами.
И от беседы нет беды,
Поскольку мы же с вами
Сами
И есть те самые ряды...

Теперь насчет меньшого брата,
Скажу, не хвастаясь отнюдь,
Что от солдата
До комбата
Я сам прошел когда-то путь.

И что, причастный с ополченья
К боям, походам и котлу,
Я вправе сделать заключенье:
На фронте — легче, чем в тылу.

Я поясню, — сказал он, видя
Смущенье спорящих сторон, —
Не к чьей-нибудь из вас обиде
И чистой правде не в урон.

Как говорил один нестарый
Мой из запаса рядовой,
Знаток и той, что он оставил,
И этой жизни, фронтовой:
«Воюй — и все твое с тобой».

Мол, все по форме и по норме:
О чем заботиться тебе?
Случись, что если не накормлен, —
Так это есть уже ЧП.

В твое траншейное жилище,
У самой смерти на глазах,
К тебе ползут с горячей пищей
И даже с чаем в термосах.

Твой килограмм, с надбавкой, хлеба,
Твой спецпаек
И доптабак
Тебе должны доставить с неба,
Раз по земле нельзя никак.

С жилищем — тоже много проще:
Дворец ли, погреб — все твой дом.
Ни доставать прописку теще,
Ни уплотнять ее судом.

Что в жизни нужно — все бесплатно.
За все ответчица — казна.
Убьют иль ранят?
Фронт.
Понятно.
И не твоя уже вина.

В той жизни — долгой иль короткой —
Уж там добро иль недобро, —
Тебя согреть спешат и водкой,
И сводкой
Совинформбюро.

В недальнем следуя обозе,
А то в бою — тебе хвалу
Вовсю поют в стихах и прозе
Твои певцы.
А что в тылу!

В тылу совсем не та картина,
Хотя все то же существо.
Во-первых, если ты мужчина,
То вроде как-то не того...

Опять же кухня полевая
Тебе не придана в тылу.
Посеял карточки в трамвае, —
Садись к заочному столу.

И та опаска всем знакома:
В тылу проштрафился чуть-чуть,
Глядишь, привет от военкома:
Прошу зайти.
И — в добрый путь.

На фронте нет того в заводе,
Чтоб опасаться: вдруг да в тыл.
Ошибся в роте,

Так во взводе
Исправишь все, что допустил.

И даже, если ты там штуку
Уже подсудную удрал,
То ни к чему тебя в науку
Возить куда-то на Урал,
Писать от фронта открепленье,
Давать в дорогу аттестат.
Нет, где вина — там искупленье, —
Всегда поблизости штрафбат.

На месте весь тебе зачтется
Тот срок к недальнему числу
Без упущенья в производстве,
Как это водится в тылу.

С пристрастьем слушали майора
Два главных спорщика в купе.
Но самый след крутого спора
Уже по новой шел тропе.

Все ближе, ближе постепенно
К сужденьям тем склоняли слух
И наш профессор, и военный
Моряк, и врач, и все вокруг...

И в орденах старик кудрявый
Не усидел в своем углу,
Тряхнул своей безвестной славой:
— Нет, легче все-таки в тылу.
Как ни хотите — легче трошки... —
Успех майора он учел. —
Уже одно, что нет бомбежки,
А есть — так в шахте нипочем.

— Смотря какая бомба-дура, —
Поправил кто-то старика.
Но тот сказал:
— Нет, жизнь горька,
Как под землей без перекура,
А наверху — без табака...

— Ах, в табаке ли только дело, —
Включился вздох со стороны. —
В одном равны душа и тело,
Что легче — вовсе без войны...

Тот вывод с благостной печалью
Кивком почтенной головы
Одобрил попик наш с медалью
Восьмисотлетия Москвы.

Но означал его уместный
Простой кивок-полупоклон,
Что, может, волею чудесной
И сверх того, что всем известно,
Он кое в чем осведомлен...

А мой майор невозмутимый,
Со слов солдата выдав речь,
На весь вагон добавил дыма
И вновь намерен был залечь...

Солдатской притчи юмор грубый
Улыбкой лица подсветил,
И сам собой пошел на убыль
Тот спор на тему: фронт и тыл.

За новой далью скрылся город,
Пошли иные берега,
Тоннели, каменные горы,
Вверху — над окнами — тайга.

По кругу шли обрывы, пади,
Кремнистой выемки откос.
И те, что в душу мне вступали,
Слова горели жаром слез.

И не хотел иных искать я,
Затем, что не новы они.
Да, тыл и фронт — родные братья,
И крепче в мире нет родни.

Богатыри годины давней
И в славе равные бойцы.

Кто младший там, кто старший —
главный, —
Неважно:
Братья-близнецы.

И пе гадали — кто, который,
Кому по службе подчинен,
Оставив эти счеты-споры
Для мирных нынешних времен...

Но не иссякнуть этой теме,
Покамест есть еще в живых
И те, что сами знали бремя
Часов и суток фронтовых;

И те, кому в завидных далях,
В раю глубоком тыловом
У их станков и наковален
Был без отрыва стол и дом.

И после них не канут в нетях
Та боль, и мужество, и честь.
Но перейдет в сердца их детям
И внукам памятная песнь.

О том, как шли во имя жизни
В страде — два брата, два бойца.
Великой верные Отчизне
Тогда.
И впредь.
И до конца.

МОСКВА В ПУТИ

Вагонный быт в дороге дальней,
Как отмечалось до меня,
Под стать квартире коммунальной,
Где все жильцы — почти родня.

Родня, как есть она в природе:
И та, с которой век бы жил,
И та, с которой в обиходе
Столкнешься утром —
День постыл.

И есть всегда в случайном сборе
Соседей — злостный тот сосед,
Что любит в общем коридоре
Торчать, как пень, и застить свет.

И тот, что спать ложится рано,
И тот бессонный здоровяк,
Что из вагона-ресторана
Приходит в полночь «на бровях».

И тот, что пьет всех больше чая,
Притом ворчит,
Что чай испит,
И, ближних в храпе обличая,
Сам, как зарезанный, храпит.

И тот, что радио не любит,
И тот, что слушать дай да дай,
И тот, и всякий...
Словом, люди,
В какую их ни кинуть даль.

И на путях большого мира
Мне дорог, мил
И этот мир...

Съезжает вдруг жилец с квартиры,
Вдруг сходит спутник-пассажир...

И пусть с тобой он даже спички
Не разделил за этот срок,
Но вот уже свои вещички
Он выдвигает за порог.

Вот сел у двери отрешенно —
Уже на убыль стук колес, —
Вот встал и вышел из вагона,
И жизни часть твоей унес...

Но это что. Иное дело,
Когда, как водится в пути,
Знакомство первое успело
До дружбы, что ли, дорасти.

Читатель, может быть, припомнит
Молодоженов-москвичей,
Что в стороне держались скромно,
Дорогой заняты своей,
Своей безмолвною беседой
Про тот, наверно, край земли,
Куда они впервые едут
В составе собственной семьи.

Когда пошли уже к Уралу
Холмы — заставы главных гор, —
Супруги юные помалу
Втянулись в общий разговор.

Должно быть, так, что с непривычки
Взгрустнулось, — критик, погоди:
Не версты дачной электрички,
А вся Европа позади.

И, отдаваясь этой дали,
Что открывалась душам их,

Они с отрадой обретали
Опору в спутниках своих.

И постигали въявь при свете
Дневном на этом рубеже,
Что — да, они уже — не дети,
И счет пошел иной уже...

Расспросы, толки, тары-бары...
Уже, проход загородив,
Вокруг и возле этой пары
Вагонный сладился актив.

На всех пахнуло в самом деле
Как будто временем иным,
И все по-своему хотели
Не сплоховать при встрече с ним;
Не оттолкнуть почтенной спесью:
Мол, то ли дело в наши дни;
Не затянуть унылой песни
Во вкусе матушки-родни —
Той, чьи советы, поученья
И справки — в горле у детей:
Насчет превратностей снабженья
И климатических страстей.

Но все ж избыточное время
В пути заставило и нас
Отдать свой долг обычной теме,
Что все имеют про запас.

Мол, край земли — оно понятно,
И в шалаше с любимым — рай.
Но на Арбат попасть обратно
Сложнее, чем на этот край.

Да, да. Не всем в аспирантуру, —
Нет, нужно в жизнь пойти сперва.
Но взять Калинин либо Тулу:
И жизнь, и в трех часах Москва.

Беда, что все до меду падки, —
Себе не враг никто живой:

Тот строит город на Камчатке,
А дачу лепит под Москвой.

Тот редкой верностью Сибири
Уже повсюду знаменит,
А там, в столице, на квартире
Жена за сторожа сидит...

И, кстати, речь зашла о женах,
Особо любящих Москву,
Что хоть в каких ютятся зонах,
Лишь ею грезят наяву.

Хоть где-то, где-то, чуть маяча,
Томит им души до беды
Москва — мечта,
Москва — задача,
Москва — награда за труды.

А впрочем, если виновата
Она — Москва — какой виной,
Так разве той, что маловато
На всех про всех ее одной.
И хоть бы втрое растянулась,
Так не вместиться всем в одну...

Но не твое ли время, юность,
Нести ее на всю страну?
В леса и степи до предела
Идти со связью от нее.
То не твое ли нынче дело,
Друг верный — молодость?..

Твое!
Твое по праву и по нраву.
Твое по счету голосов.
Несет тебе и честь и славу
Земли родимой этот зов.

Не для того тебя растили
И сберегали, как могли,
Чтоб ты в поре своей и силе
Чуралась матери-земли.

Земли нетоптаной, нерытой,
Таящей зря свои дары,
Необжитой, недомовитой
И небом крытой
До поры.

Тебе сродни тех далей ветер.
Ты знаешь: очередь твоя —
Самой в особом быть ответе
За все передние края.

За всю громоздкую природу,
Что в дело нам отведена,
За хлеб и свет, тепло и воду,
За все, чем в мире жизнь красна...

Прошу учесть, читатель строгий,
Что у стиха свои права:
Пусть были сказаны в дороге
Не эти именно слова.
И за отсутствием трибуны
Шла речь обыденней вдвойне...

Но вот супруг, наш спутник юный,
Вдруг поднял руку:
— Дайте мне.

Он старшим был в их славной паре
И, видно, парень с головой,
Из тех, что в каждом семинаре
Резон отстаивают свой.

— Позвольте мне, — сказал он тихо. —
Мы сами вызвались сюда.
Хоть знаем все, почем там лихо,
Но сами... Просто — от стыда.

Да! Что же: речи, песни, письма,
А как до дела — так меня
Авось хоть в ту же Тулу втиснет
Руководящая родня...

И нужды нет притом лукавить,
Что мне Москва не хороша,

И что не жаль ее оставить,
И не лежала к ней душа.

Зачем выдумывать пустое, —
Вдали она еще милей.
Еще теплей.
Но разве стоят
Те блага — совести моей!

Бочком ходить, светить глазами —
Была бы нам судьба тошна.
Иную мы избрали сами,
Я правду говорю, жена?

Мы с ним в купе сидели рядом,
И та из своего угла
Его влюбленным, долгим взглядом,
Не отрываясь, берегла.

И не впервые вслух, должно быть,
Она сказала те слова,
Что про себя имели оба:
— Где мы с тобой, там и Москва...

И даже чуть плечом пожала —
Мол, знаешь сам: ответ готов.
И все признали, что, пожалуй,
Не скажешь лучше этих слов.

Пусть жизнь своею жесткой меркой
Измерит емкость их потом,
Когда любовь пройдет проверку
И обживет свой новый дом.

Но это доброе присловье —
Залог и дружбы и семьи.
И с ним полезен для здоровья
Любой на свете край земли...

Тот край, тот мир иной — до срока
Он не вступал еще в права.
И от Москвы, как ни далеко,
То все еще была Москва.

Москва, что дали рассекала
Своей стальною колеей,
Тайга ли, степи, или скалы, —
Все это было за стеной,
Все за окном неслось вагонным.

А тут, внутри, была она
С ее уютом, протяженным
До крайней шпалы полотна.

Тут из конца в конец державы,
Защищена от непогод,
Она тепло свое держала
И свой столичный обиход.

И если поезд передышку
Себе в работе позволял,
Там был хоть малый городишко —
Москвы образчик, хоть вокзал;
Хоть водокачка — знак приметный
Культуры с дедовских времен;
Хоть «Пиво — воды», хоть газетный
Киоск, закрытый на ремонт...

Так час за часом вдаль столица
Свою разматывает нить,
Пока не время с ней проститься,
С ее подножки соступить
И очутиться вдруг в Сибири,
В полубезвестной точке той,
Что для тебя в подлунном мире —
Отныне дом и адрес твой,
Где жить и быть, располагаться,
Топтать земли тот самый край,
Брать в оборот его богатства.
И вот когда, Москва, прощай!

Она помедлит там учтиво,
Но тихо тронется состав,
И канет в далях это диво...

Ты не случайно ли отстал?
Не побежишь за этим спальным

Цепляться, виснуть как-нибудь?
Нет? Все в порядке, все нормально?
Тогда живи и счастлив будь.

И мы своим молодоженам,
Когда настала их пора,
На остановке всем вагоном
Желали всякого добра.

Как будто мы уже имели
На них особые права.
Как будто мы их к этой цели
И подготовили сперва.

Как будто наша в том заслуга,
Что старше мы друзей своих.
Как будто мы их друг для друга
Нашли и поженили их...

И вот они на том вокзале,
Уже в толпе других людей...

И мы глядим на них глазами
Минувшей юности своей,
Глазами памяти суровой
И светлой — тех ушедших лет,
Когда по зову жизни новой
Мы брали дальний свой билет...

Все та же даль.
Но годы — те ли!
Мы юным сменщикам своим
Сказать, быть может, не хотели,
Как мы завидовали им.

Полна, красна земля родная
Людьми надежных душ и рук.

Всё та же, та же, да иная
И даль,
и жизнь,
и всё вокруг...

НА АНГАРЕ

В крутые памятные сроки
Я побывал на Ангаре,
Когда особая для стройки
Была задача на поре.

Она была для многих внове,
Видавших всякие жары,
Все, словом, было наготове
Для перекрытья Ангары.

Все начеку, чтоб разом прянуть
На приступ: люди — до души,
Борта машин, и стрелы кранов,
И экскаваторов ковши...

А между тем река играла,
Крошила берег насыпной,
Всю прибыль мощных вод Байкала
В резерве чуя за собой.

Играла беглыми цветами
И, вся прозрачная до дна,
Свиваясь длинными жгутами,
Неслась, дика и холодна.

Крутой отсвечивая гладью,
Гнала волну волне вослед,
Как будто ей и толку нет,
Что люди вправду пядь за пядью
К ней подбирались столько лет;

Что не на шутку шли подкопом
В пластах породы и песков,

Призвав сюда немалый опыт
С иных далеких берегов;

Что эта сила,
С флангов, с тыла
Пододвигаясь день за днем,
На клетки плес разгородила,
Прошла по дну и подо дном;

Вдавила вглубь рубеж бетонный,
Стальной решеткой проплетенный,
Недвижно вечный, как скала,
И, выбрав наверх гравий донный,
Громаду-насыпь возвела.

И в ней из хитрого расчета,
Убавив исподволь простор,
Реке оставила ворота,
Чтоб взять их завтра на запор.

Уже был связан мост понтонный
На быстрине — звено в звено, —
Откуда груз тысячетонный
В свой час низринется на дно.

Тот час уже в окно стучался
Не без торжественных затей:
Съезжались гости и начальство
Различных рангов и статей;

Корреспондентов специальных
Нетерпеливая орда —
Одной и вместе с тем «Центральной»
В те дни гостиницы страда.

Сбивалось множество народу,
Толпясь, глядеть на эту воду
И переглядываться:
— Д-да...

Предположенья, слухи, толки,
Сужденья вольных знатоков
О недостатках подготовки,

О риске и перестраховке
И установке
От верхов.

Но и о том, как эти воды,
Подобно волжским и иным,
Уже не дар, а дань природы —
Войдут в назначенный режим;

Подтянут к центрам захолустья,
Дадут запев Сибири всей.
А там еще и Братск, и Устье,
А там и братец Енисей,
А там...

Жестокий в Приангарье —
Под стать зиме — держался зной,
Уже сдавалось — пахнет гарью,
Бедой извечною лесной;

Что со ствола на ствол смолистый
Бежит, как белка, налегке
И в трубку скручивает листья
Зловещим жаром вдалеке;

И сна лишает край таежный,
И расставляет в цепь войска,
И самолетов гул тревожный
Заводит в небе...

А река —
Шурша, жгуты свои свивала,
И от лихой жары тех дней
Вода студеная с Байкала
Еще казалась холодней;

Неслась, красуясь мощью дикой,
Шипучей пеной на груди...

Всё наготове. А поди-ка,
Встань поперек.
Загороди!..

С утра, с утра
В тот день вокресный,
Во что горазд принаряжен,
И городской народ и местный,
И свой на стройке и безвестный,
Забрав подруг своих и жен
С детьми, — на праздник необычный
Теснился, точно в ГУМ столичный,
Ломился грудью, чтоб места
Занять поближе у моста.

И в самый полдень, как ни жарок,
Не убывал людской напор.
И пестр, и ярмарочно ярок,
И вместе строг был этот сбор.

Один глазел —
Врожденный зритель,
Любитель истый — стар ли, мал;
Другой как раз был сам водитель,
Но в эту смену не попал.

А та пришла, чтоб видеть сына
Иль мужа в самый этот час,
Когда к воде его машина
Пойдет под тысячами глаз.

А кто-то дочку
По платочку,
А кто подружку — на посту
Среди построенных в цепочку
Регулировщиц на мосту —
Распознавал.

Но в этом сборе
Невольно каждый брал в расчет,
Что тут народ —
Не на футболе,
Что праздник — праздник, да не тот,
И речь не та, и смех, и шутки...
А там, у самой Ангары,

Собрался штаб в тесовой будке,
Как улей душной от жары.

Все службы стройки там сидели —
Воды, земли, колес, дорог.
Но всем уже речам о деле,
Как перед боем, срок истек.

Последним кругом для порядка
Поверка старших обошла,
И, на часы взглянув украдкой,
Начальник встал из-за стола.

С последней доброю затяжкой
Вздохнул — как будто с плеч гора.
И виды видевшей фуражкой
Стол обмахнул.
— Ну что ж, пора...

— Пора!

И враз моторы взвыли,
Секунд своих не упустив,
И самосвалы в клубах пыли
Взошли на пляшущий настил
И развернулись по теченью
Реки — во всю длину моста,
И строем — в ряд, как на ученье,
Над кромкой вздыбили борта.

Рванулся вниз флажок сигнальный,
И точно вдруг издалека
Громовый взрыв породы скальной
Толкнулся в эти берега.

Так первый сброс кубов бетонных,
Тех сундуков десятитонных,
Раздавшись, приняла река...

Она грядой взметнулась пенной,
Сверкнула радугой мгновенной
И, скинув рваную волну,
Сомкнулась вновь.

И видно было,
Как этот груз она катила,
Гнала по каменному дну.

И над ее волной верченой,
Бренча оснасткою стальной,
Мост всколыхнулся, облегченный,
И, вновь подняв заезд груженый,
Прогнулся вровень с той волной.

И снова — в очередь машины,
Под грузом тужась тяжело,
На цель с боков и середины
Зашли.
И так оно пошло.

С погрузки нá мост, с моста в гору —
Заезд в заезд смыкался круг.
И был любой шофер шоферу
Как будто кровный брат и друг.

В таком взаимном береженье,
Блюдя черту —
Бортом к борту, —
Кругообразное движенье
Не прерывалось на мосту.

Еще тревожная задача
Наружный сдерживала пыл,
Как бой, что был красиво начат,
Но только-только начат был.

И был труднее с каждым часом
В разгаре памятного дня:
Не подоспей боеприпасы —
Бой захлебнется без огня.

Машины шли, теснясь и пятясь,
Держась на той струне тугой:
Не сплоховать,
Не сбавить натиск,
Не проморгать беды лихой...

То был порыв души артельной,
Самозабвенный, нераздельный, —
В нем все слилось — ни дать, ни взять:
И удаль русская мирская,
И с ней повадка заводская,
И строя воинского стать;
И глазомер, и счет бесспорный,
И сметка делу наперед.

Сибиряки!
Молва не врет, —
Хоть с бору, с сосенки народ,
Хоть сборный он, зато отборный,
Орел-народ!
Как в свой черед
Плечом надежным подопрет, —
Не подведет!

Сибиряками
Охотно все они звались,
Хоть различались языками,
Разрезом глаз и складом лиц.

Но цвет был общего закала:
Сибири выслуженный дар —
Под слоем летнего загара
Еще там зимний был загар.

Тут были: дальний украинец
И житель ближних мест — бурят,
Казах, латыш и кабардинец,
И гуще прочих — *старший брат*.

И те, кого сюда чин чином
Везли с путевкой поезда,
И те, что по иным причинам
Однажды прибыли сюда;

В труде отбыв глухие сроки,
Перемогли урок жестокий, —
Всего видали до поры,
Бывали дальше Ангары...

Но все теперь как будто дивом,
Своею нынешней судьбой,
Одним охвачены порывом,
В семье сравнялись трудовой,
В сыновней службе не лукавой,
Огнем ученые бойцы.

Деньга — деньгою, слава — славой,
Но сверх всего еще по нраву
Класс показать.
Самим по праву
Сказать:
«А что — не молодцы?»

Как дорог мне в родном народе
Тот молодеческий резон,
Что звал всегда его к свободе,
К мечте, живущей испокон.

Как дорог мне и люб до гроба
Тот дух, тот вызов удалой
В труде,
В страде,
В беде любой, —
Тот горделивый жар особый,
Что — бить, — так бей,
А петь, — так пой!..

Гори вовеки негасимо
Тот добрый жар у нас в груди —
И все нам впору, все по силам,
Все по плечу, что впереди.

Немало жито-пережито,
Что хочешь будь и впредь со мной, —
Ты здесь — венец красы земной,
Моя опора и защита
И песнь моя —
Народ родной!

День отпылал над сталью плеса
И долгий зной увел в закат.
Все так же по мосту колеса
Держали свой тяжелый лад.

Свергали в воду самосвалы
Свой груз, — казалось, там — гора.
Как в прорву все. Как не бывало!
И Ангара —
Как Ангара.

Лишь под не виданным вовеки
Огнем прожекторных лучей
Играла, — все на свете реки
Могли завидовать бы ей.

В лучах играла вся окрестность, —
Сверкала, что дворцовый бал.
И неохотно люд воскресный
Домой с площадки убывал.

Работам ночь не помешала,
Забыто было есть и пить,
И смена смене не желала
Добром штурвалы уступить.

И ночь прошла.
И новый полный
День на дежурство заступил.
И все вились жгутами волны,
Все тот же был
Байкальский тыл.

И только в полдень, в лад со сроком,
Что был назначен неспроста,
Как над невидимым порогом,
Вода забилась у моста.

И крупной пеной богатея,
Пошла в десяток рукавов,
Когда означились над нею
Углы бетонных сундуков.

Ярясь, грозясь, кипела пуще,
Гремел с бортов за сбросом сброс,
Над быстриной, ревмя ревущей,
Ходил гармонью зыбкий мост.

За сбросом сброс гремел в придачу,
Росла бетонная гряда,
Но не хотела стать стоячей
Весь век бежавшая вода,
Не собиралась кончить миром...

Я помню миг, как тень беды
Прошла по лицам командиров,
Не отходивших от воды.

Ей зоркий глаз людской не верил...
Чуть стихла, силы притаив,
И вдруг, обрушив левый берег,
В тот узкий кинулась прорыв...

Слова команды прозвучали,
Один короткий взмах флажка —
И, точно танки РГК,
Двадцатитонные «минчане»,
Качнув бортами, как плечами,
С исходной, с грузом — на врага.

И ни мгновенья передышки —
За самосвалом — самосвал,
Чтоб в точку!
В душу!
Наповал!

Так путь воде закрыл завал.
И оператор с киновышки
Хватился поздно —
Кадр пропал.

И знать, для сходного конфуза,
На верхотуре выбрав пост,
Отваги полный, член Союза
Художников сидел, как дрозд.

Высоким долгом, не корыстью,
Он в эти движим был часы —
У Ангары своею кистью
Перехватить ее красы.

Но жалок был набросок смутный,
Не поспевала кисть вослед
Реке, менявшей поминутно
Своей волны летучий цвет...

И я над кипенью студеной,
В числе растроганных зевак,
Стоял, глазел, как пригвожденный...

Начальник подошел.
— Ну, как?
Поэма будет? Чем не тема! —
И я, понятно, не простак,
Ответил:
— Вот она, поэма! —
Он усмехнулся:
— Так-то так...

Под нами шла река, стихая.
Мы понимали — он и я:
Поэма, верно, неплохая,
Да жаль: покамест — не твоя...

Тем часом мост махал флажками,
Не остывая, длился бой.
Вслед за кубами-сундуками
Пошел в отгрузку дикий камень,
Бетонный лом, кирпичный бой..

Уже бульдозеры, направив
На перемычку лемеха,
Пошли пахать песок и гравий,
На ней сближая берега.

Уже слабел напор в запруде.
Но день тревожен был и труден,
Дождем грозился тяжкий зной.
Как на лугу, спешили люди,
С последней справиться копной.

Курил начальник, глядя в воду,
Предвестьем скрытно удручен.

Он знал, что не бюро погоды,
Нет, и за дождь ответит он.

Седой крепыш, майор запаса,
По мерке выверенной сшит,
Он груз и нынешнего часа
Нес, как солдату надлежит.

Мол, тяжелей — как без привычки,
А наше дело — не впервой.

И в гром работ на перемычке
Ворвался праздный, гулевой
Гром сверху.

Капли забренчали
По опорожненным бортам...
— Ну, хлопцы, не было печали.
Держись!.. —
И все держались там.

Закиселилась, как трясина,
На съезде глинистая грязь...

Свалив свой груз, одна машина
Вдруг задом, задом подалась
К воде.
Мотор завыл натужно...

— Ребята! — вскрикнул бригадир.
Вцепились. —
Ра́з-два!
Взяли!
Дружно! —
В боях испытанный буксир.

Вздохнули все, расправив спины.
Не веря сам, что он живой,
Водитель вылез из кабины,
Как из-под крышки гробовой,
И огляделся виновато.

Тут смех и ругань:
— Эх, тулуп! —

И вывод, может, грубоватый:
— Механизация, ребята,
Проходит тоже через пуп...

И все веселыми глазами —
И пожилые и юнцы —
Блестели, хоть и не сказали
Тех слов:
«А что — не молодцы?»

Короткой сверзившись напастью,
Дождь оторвался от земли.
И в вечер сумерки ненастья
И в ночь без грани перешли...

Победа шла с рассветом ранним,
Облитым с ночи тем дождем.
Река еще текла в проране,
Но тихо было под мостом.

Теперь она была похожа
На мелкий в каменистом ложе
Разгон теряющий поток.
Потом —
На горный ручеек,
Что мог перешагнуть прохожий,
Не замочив, пожалуй, ног.

Осталось двум бульдозеристам
Завалом влажным и зернистым
Угомонить и тот ручей,
Что был меж них чертой ничьей.

Лицом к лицу — попеременно —
То задний ход,
То вновь вперед...
На них двоих уже вся смена
Глядела — кто же перейдет.

Сближая гравий планировки,
Вели тот спор между собой
Один — в заношенной спецовке,
Другой — в тельняшке голубой.

Ждала, глядела, замирая,
Вся смена, сбившись на мосту,
Тому и этому желая
Скорее выйти за черту.

Был налицо их пыл горячий:
Кому открыть по гребле путь.
Но с виду — словно той задачей
Не озабочены ничуть.

Пошел, пошел по самой бровке
Тот, что в тельняшке. Заспешил.
Затор!
И первенство — спецовке.
И оба спрыгнули с машин.

Да, это видеть было надо,
Как руку встретила рука.

Как будто, смяв войска блокады,
Встречались братские войска.
Двух встречных армий
Два солдата —
Друг другу руки жмут ребята.

Аплодисментов дробный град
Затихнул.
Щелкнул аппарат...

Что дальше делать — вот задача.
Вдруг кто-то в голос —
сверху —
вниз:
— Целуйтесь, черти! —
Чуть не плача,
Вскричал.
И хлопцы обнялись.

Минула памятная веха,
Оставлен сзади перевал.
И тут уже пошла потеха, —
Я сам кого-то обнимал...

Со всех бессонье и усталость —
Долой.
Одна под смех кругом
Девчонка слабо отбивалась
От парня свернутым флажком...

Тот час рассветный, небывалый,
Тот праздник подлинный труда
Я не забуду никогда...

Как мне тебя недоставало,
Мой друг, ушедший навсегда!..

Кто так, как ты, еще на свете
До слез порадоваться мог
Речам, глазам и людям этим!
Зачем же голос твой умолк?..

Все выше, словно по ступеням,
Шел торжества отрадный час.
Спецзавтрак был объявлен смене
И краткий праздничный приказ.

Уже народ подался с моста,
Гадая в простоте сердец,
По полтораста или пó сто
На брата выйдет этот «спец»...

Шутила зрелость, пела юность.
И, чистым пламенем горя,
С востока тихо развернулась
В треть неба дымная заря.

Над лесом кранов, эстакадой,
Над главной насыпью-горой,
Над юным городом по скату,
Над Ангарой,
Над Ангарой —
Заря,
Заря прошла, сгорая
При свете утренней поры,
И следом солнце красным краем —
Большое — вышло из горы.

Блестела светом залитая,
Дождем обмытая трава...

Ах, как горька и не права
Твоя седая, молодая,
Крутой посадки голова!..

На стройке день вставал обычный,
Своих исполненный забот.
И отбывал уже столичный
И прочий гостевой народ.

Уже смекал я, беспокоясь,
Какой за этот жаркий срок
Ушел по счету дальний поезд
На Дальний, собственно, Восток,
В твой край отцовский, изначальный,
Тобой прославленный.

Прости,
Но только памятью печальной
Одной не мог я жить в пути.

Моя заветная дорога,
Хоть и была со мной печаль,
Звала меня иной тревогой
И далью, что сменяет даль.

И память ныне одоленной,
Крутой ангарской быстрины,
Как будто замысел бессонный,
Я увозил на край страны.

К КОНЦУ ДОРОГИ

Сто раз тебе мое спасибо,
Судьба,
что изо всех дорог
Мне подсказала верный выбор
Дороги этой на восток.

И транссибирской магистралью,
Кратчайшим, может быть, путем
Связала с нашей главной далью
Мой трудный день
И легкий дом.

Судьба, понятно, не причина,
Но эта даль всего верней
Сибирь с Москвой сличать учила,
Москву с Сибирью наших дней.

И эти два большие слова,
Чей смысл поистине велик,
На гребне возраста иного,
На рубеже эпохи новой,
Я как бы наново постиг.

Москва. Сибирь.
Два эти слова
Звучали именем страны,
В значенье дикости суровой
Для мира чуждого равны.

Теперь и в том надменном мире —
Все те ж слова: Сибирь — Москва,
Да на ином уже помине
Пошла разучивать молва.

Добро!
Но мы не позабыли,
Какою притчей той молвы
Мы столько лет на свете были
И как нас чествовали вы.

Почти полвека на бумаге
Строчили вы, добра полны,
О том, что босы мы и наги,
И неумелы, и темны.

Что не осилить нам разрухи,
Не утеплить своей зимы.
Что родом тюхи да матюхи,
Да простаки, да ваньки мы.

И на бумаге и в эфире
Вещали вы, что нам едва ль
Удастся выучить в Сибири
Своих медведей
Делать сталь.

Что в нашей бедности безбрежной —
Не смех ли курам наш почин,
Когда в новинку скрип тележный,
Не то что музыка машин.

И что у нас безвестно слово
Наук, доступных вам давно.
Что нам опричь сосны еловой
Постичь иного не дано.
Что мы — Сибирь.

А мы тем часом
Свою в виду держали даль.
И прогремела грозным гласом
В годину битвы наша сталь.

Она, рожденная в Сибири,
Несла на собственной волне,
Как миру весть о жданном мире,
Победу нашу в той войне.

И каждой каплей нашей крови,
Так щедро пролитой на ней,
И каждым вздохом скорби вдовьей
И горя наших матерей, —
Жестокой памяти страницей —
На том безжалостном торгу —
Она оплачена сторицей,
И мы у мира не в долгу...

Я повторю, хотя вначале
О том велась как будто речь,
Что в жизни много всяких далей, —
Сумей одной не пренебречь.

Такая даль — твое заданье,
Твоя надежда или цель.
И нужды нет всегда за далью
Скакать за тридевять земель.

Они при нас и в нас до гроба —
Ее заветные края.
Хотя со мной вопрос особый,
Как выше высказался я.

С моим заданьем в эти сроки
Я свой в пути копил запас,
И возвращался с полдороги,
И повторял ее не раз.

Нехитрым замыслом влекомый,
Я продвигался тем путем,
И хоть в дороге был, хоть дома —
Я жил в пути и пел о нем.

И пусть до времени безвестно
Мелькнул какой-то и прошел
По краю выемки отвесной
Тайги неровный гребешок;

Какой-то мост пропел мгновенно
На басовой тугой струне,
Какой-то, может, день бесценный
Остался где-то в стороне.

Ничто душой не позабыто
И не завянет на корню,
Чему она была открыта,
Как первой молодости дню.

Хоть критик мой, вполне возможно,
Уже решил, пожав плечом,
Что транспорт железнодорожный
Я неудачно предпочел.

Мол, этот способ допотопный
В наш век, что в скоростях, не тот,
Он от задач своих, подобно
Литературе, отстает.

Я утверждаю: всякий способ,
Какой для дела изберешь,
Не только поезд,
Но и посох,
Смотря кому,
А то — хорош
И впору высшим интересам,
Что зазывают в мир дорог.

А впрочем, авиаэкспрессом
Я и теперь не пренебрег.

Мне этим летом было надо
Застать в разгаре жданный день,
Когда Ангарского каскада
Приспела новая ступень.

И стрелкам времени навстречу
Я устремился к Ангаре,
В Москве оставив поздний вечер
И Братск увидев па заре.

И под крутой скалой Пурсеем,
Как у Иркутска на посту,
В числе почетных ротозеев
В тот день маячил на мосту.

Смотрел, как там, на перемычке,
Другой могучий гидрострой

В июльский день в короткой стычке
Справлялся с нижней Ангарой...

И, отдавая дань просторным
Краям, что прочила Сибирь,
В наш век нимало не зазорным
Я находил автомобиль.

Так, при оказии попутной,
Я даром дня не потерял,
А завернул в дали иркутской
В тот Александровский централ,
Что в песнях каторги прославлен
И на иной совсем поре,
В известном смысле, был поставлен
Едва ль бедней, чем при царе...

Своей оградой капитальной
В глуши таежной обнесен,
Стоял он, памятник печальный
Крутых по-разному времен.

И вот в июльский полдень сонный,
В недвижной тягостной тиши,
Я обошел тот дом казенный,
Не услыхав живой души.

И только в каменной пустыне,
Под низким небом потолков,
Гремели камеры пустые
Безлюдным отзвуком шагов...

Уже указом упраздненный,
Он ждал, казенный этот дом,
Какой-то миссии ученой,
И только сторож был при нем.

Он рад был мне, в глуши тоскуя,
Водил, показывал тюрьму
И вслух высчитывал, какую
Назначить пенсию ему...

Свое угрюмое наследство
Так хоронила ты, Сибирь.

И вспомнил я тебя, друг детства,
И тех годов глухую быль...

Но — дальше.
Слава — самолету,
И вездеходу — мой поклон.
Однако мне еще в охоту
И ты, мой старый друг, вагон.

Без той оснастки идеальной
Я обойтись уже не мог,
Когда махнул в дороге дальней
На Дальний, собственно, Восток.

Мне край земли, где сроду не был,
Лишь знал по книгам, толку нет
Впервые в жизни видеть с неба,
Как будто местности макет.

Нет, мы у столика под тенью,
Что за окном бежит своя,
Поставим с толком наблюденье
За вами, новые края!

Привычным опытом займемся
В другом купе на четверых,
Давно попутчики-знакомцы
Сошли на станциях своих.

Да и вагон другой. Ну что же:
В пути, как в жизни, всякий раз
Есть пассажиры помоложе,
И впору нам, и старше нас...

Душа полна, как ветром парус,
Какая даль распочата!
Еще туда-сюда — Чита,
А завалился за Хабаровск —
Как вдруг земля уже не та.

Другие краски на поверке,
И белый свет уже не тот.

Таежный гребень островерхий
Уже по сердцу не скребнет.

Другая песня —
Краснолесье, —
Не то леса, не то сады.
Поля, просторы — хоть залейся,
Покосы буйны — до беды.

В новинку мне и так-то любы
По заливным долинам рек,
Там-сям в хлебах деревьев купы,
Что здесь не тронул дровосек...

Но край, таким богатством чудный,
Что за окном, красуясь, тек,
Лесной, земельный, горнорудный,
Простертый вдоль и поперек,
И он таил в себе подспудный
Уже знакомый мне упрек.

Смотри, читалось в том упреке,
Как изобилен и широк
Не просто край иной, далекий,
А Дальний, именно, Восток, —
Ты обозрел его с дороги
Всего на двадцать, может, строк.

Слуга балованный народа,
Давно не юноша, поэт,
Из фонда богом данных лет
Ты краю этому и года
Не уделил.
И верно — нет.

А не в ущерб ли звонкой славе
Такой существенный пробел?
Что, скажешь: пропасть всяких дел?..

Нет, но какой мне край не вправе
Пенять, что я его не пел!

Начну считать — собьюсь со счета:
Какими ты наделена,

Моя великая страна,
Краями!
То-то и оно-то,
Что жизнь, по странности, одна...

И не тому ли я упреку
Всем сердцем внял моим, когда
Я в эту бросился дорогу
В послевоенные года.

И пусть виски мои седые
При встрече видит этот край,
Куда добрался я впервые,
Но вы глядите, молодые,
Не прогадайте невзначай
Свой край, далекий или близкий,
Свое призванье, свой успех —
Из-за московской ли прописки
Или иных каких помех...

Не отблеск, отблеском рожденный, —
Ты по себе свой край оставь,
Твоею песней утвержденный, —
Вот славы подлинной устав!

Как этот, в пору новоселья,
Нам край открыли золотой
Ученый друг его Арсеньев
И наш Фадеев молодой.

Заветный край особой славы,
В чьи заповедные места
Из-под Орла, из-под Полтавы
Влеклась народная мечта.

Пусть не мое, а чье-то детство
И чья-то юность в давний срок
Теряли вдруг в порту Одессы
Родную землю из-под ног,

Чтоб в чуждом море пост жестокий
Переселенческий отбыть

И где-то, где-то на востоке
На твёрдый берег соступить.

Нет, мне не только что из чтенья,
Хоть книг довольно под рукой,
Мне эти памятны виденья
Какой-то памятью другой...

Безвестный край. Пожитков груда,
Ночлег бездомный. Плач ребят.
И даль Сибири, что отсюда
Лежит с восхода на закат...

И я, с заката прибывая,
Ее отсюда вижу вдруг.
Ага! Ты вот еще какая!
И торопливей сердца стук...

Огни. Гудки.
По пояс в гору,
Как крепость, врезанный вокзал.
И наш над ним приморский город,
Что Ленин *нашенским* назвал...

Такие разные — и все же,
Как младший брат
И старший брат.
Большим и кровным сходством схожи
Владивосток и Ленинград.

Той службе преданные свято,
Что им досталась на века,
На двух краях материка
Стоят два труженика-брата,
Два наших славных моряка —
Два зримых миру маяка...

Владивосток!
Наверх, на выход.
И — берег! Шляпу с головы
У океана.
— Здравствуй, Тихий,
Поклон от матушки-Москвы;

От Волги-матушки — немалой
И по твоим статям реки;
Поклон от батюшки-Урала —
Первейшей мастера руки;
Еще, понятно, от Байкала,
Чьи воды древнего провала
По-океански глубоки;

От Ангары и всей Сибири,
Чей на земле в расцвете век, —
От этой дали, этой шири,
Что я недаром пересек.

Она не просто сотня станций,
Что в строчку тянутся на ней,
Она отсюда и в пространстве
И в нашем времени видней.

На ней огнем горят отметки,
Что поколенью моему
Светили с первой пятилетки,
Учили смолоду уму...

Все дни и дали в грудь вбирая,
Страна родная, полон я
Тем, что от края и до края
Ты вся — моя,
моя,
моя!

На все, что внове
И не внове,
Навек прочны мои права.
И все смелее, наготове
Из сердца верного слова.

ТАК ЭТО БЫЛО

...Когда кремлевскими стенами
Живой от жизни огражден,
Как грозный дух он был над нами, —
Иных не знали мы имен.

Гадали, как еще восславить
Его в столице и селе.
Тут ни убавить,
Ни прибавить, —
Так это было на земле...

Мой друг пастушеского детства
И трудных юношеских дней,
Нам никуда с тобой не деться
От зрелой памяти своей.

Да нам оно и не пристало —
Надеждой тешиться: авось
Уйдет, умрет — как не бывало
Того, что жизнь прошло насквозь.

Нет, мы с тобой другой породы, —
Минувший день не стал чужим.
Мы знаем те и эти годы
И равно им принадлежим...

Так это было: четверть века
Призывом к бою и труду
Звучало имя человека
Со словом Родина в ряду.

Оно не знало меньшей меры,
Уже вступая в те права,

Что у людей глубокой веры
Имеет имя божества.

И было попросту привычно,
Что он сквозь трубочный дымок
Все в мире видел самолично
И всем заведовал, как бог;

Что простирались эти руки
До всех на свете главных дел —
Всех производств,
Любой науки,
Морских глубин и звездных тел;

И всех свершений счет несметный
Был предуказан — что к чему;
И даже славою посмертной
Герой обязан был ему...

И те, что рядом шли вначале,
Подполье знали и тюрьму,
И брали власть, и воевали, —
Сходили в тень по одному;

Кто в тень, кто в сон — тот список
длинен, —
В разряд досрочных стариков.
Уже не баловал Калинин
Кремлевским чаем ходоков...

А те и вовсе под запретом,
А тех и нет уже давно.
И где каким висеть портретам —
Впредь на века заведено...

Так на земле он жил и правил,
Держа бразды крутой рукой.
И кто при нем его не славил,
Не возносил —
Найдись такой!

Не зря, должно быть, сын востока,
Он до конца являл черты

Своей крутой, своей жестокой
Неправоты.
И правоты.

Но кто из нас годится в судьи —
Решать, кто прав, кто виноват?
О людях речь идет, а люди
Богов не сами ли творят?

Не мы ль, певцы почетной темы,
Мир извещавшие спроста,
Что и о нем самом поэмы
Нам лично он вложил в уста?

Не те ли все, что в чинном зале,
И рта открыть ему не дав,
Уже, вставая, восклицали:
«Ура! Он снова будет прав...»?

Что ж, если опыт вышел боком,
Кому пенять, что он таков?
Великий Ленин не был богом
И не учил творить богов.

Кому пенять! Страна, держава
В суровых буднях трудовых
Ту славу имени держала
На вышках строек мировых.

И русских воинов отвага
Ее от волжских берегов
Несла до черных стен рейхстага
На жарком темени стволов...

Мой сверстник, друг и однокашник,
Что был мальчонкой в Октябре,
Товарищ юности не зряшной,
С кем рядом шли в одной поре, —
Не мы ль, сыны, на подвиг дерзкий,
На жертвы призванной земли,
То имя-знамя в нашем сердце
По пятилеткам пронесли?

И знали мы в трудах похода,
Что были знамени верны
Не мы одни,
Но цвет народа,
Но честь и разум всей страны.

Мы звали — станем ли лукавить? —
Его отцом в стране-семье.
Тут ни убавить,
Ни прибавить, —
Так это было на земле.

То был отец, чье только слово,
Чьей только брови малый знак —
Закон.
Исполни долг суровый —
И что не так,
Скажи, что так...

О том не пели наши оды,
Что в час лихой, закон презрев,
Он мог на целые народы
Обрушить свой верховный гнев...

А что́ подчас такие бури
Судьбе одной могли послать,
Во всей доподлинной натуре —
Тебе об этом лучше знать.

Но в испытаньях нашей доли
Была, однако, дорога
Та непреклонность отчей воли,
С какою мы на ратном поле
В час горький встретили врага...

И под Москвой, и на Урале —
В труде, лишеньях и борьбе —
Мы этой воле доверяли
Никак не меньше, чем себе.

Мы с нею шли, чтоб мир избавить,
Чтоб жизнь от смерти отстоять.
Тут ни убавить,

Ни прибавить, —
Ты помнишь все, отчизна-мать.

Ему, кто все, казалось, ведал,
Наметив курс грядущим дням,
Мы все обязаны победой,
Как ею он обязан нам...

На торжестве о том ли толки,
Во что нам стала та страда,
Когда мы сами вплоть до Волги
Сдавали чохом города.

О том ли речь, страна родная,
Каких и скольких сыновей
Не досчиталась ты, рыдая
Под гром победных батарей...

Салют!
И снова пятилетка.
И все тесней лучам в венце.
Уже и сам себя нередко
Он в третьем называл лице.

Уже и в келье той кремлевской,
И в новом блеске древних зал
Он сам от плоти стариковской
Себя отдельно созерцал.

Уже в веках свое величье,
Что весь наш хор сулил ему,
Меж прочих дел, хотелось лично
При жизни видеть самому.

Спешил.
И все, казалось, мало.
Уже сомкнулся с Волгой Дон.
Канала
Только не хватало,
Чтоб с Марса был бы виден он!..

И за наметкой той вселенской
Уже как хочешь поспевай —

Не в дальних далях, — наш смоленский,
Забытый им и богом,
Женский,
Послевоенный вдовий край.

Где занесло следы поземкой
И в селах душам куцый счет,
А мать-кормилица с котомкой
В Москву за песнями бредет...

И я за дальней звонкой далью,
Наедине с самим собой,
Я всюду видел тетку Дарью
На нашей родине с тобой;

С ее терпеньем безнадежным,
С ее избою без сеней,
И трудоднем пустопорожним,
И трудоночью — не полней;

С ее дурным озимым клином
На этих сотках под окном;
И на печи ее овином,
И середи избы гумном;

И ступой — мельницей домашней —
Никак, из древности седой;
Со всей бедой —
Войной вчерашней
И тяжкой нынешней бедой.

Но и у самого предела
Тоски, не высказанной вслух,
Сама с собой — и то не смела
Душа ступить за некий круг.

То был рубеж запретной зоны,
Куда для смертных вход закрыт,
Где стража зоркости бессонной
У проходных вросла в гранит...

И, видя жизни этой вечер,
Помыслить даже кто бы смог,

Что и в Кремле никто не вечен
И что всему выходит срок...

Но не ударила царь-пушка,
Не взвыл царь-колокол в ночи,
Как в час урочный та *Старушка*
Подобрала свои ключи —
Ко всем дверям, замкам, запорам,
Не зацепив лихих звонков,
И по кремлевским коридорам
Прошла к нему без пропусков.

Вступила в комнату без стука,
Едва заметный знак дала —
И удалилась прочь наука,
Старушке этой сдав дела...

Сломилась ночь, в окне синея
Из-под задернутых гардин.
И он один остался с нею,
Один —
Со смертью — на один...

Вот так, а может, как иначе —
Для нас, для мира не простой,
Тот день настал,
Черту означил,
И мы давно за той чертой...

Как говорят, отца родного
Не проводил в последний путь,
Еще ты вроде молодого,
Хоть борода ползи на грудь.

Еще в виду отцовский разум,
И власть, и опыт многих лет...
Но вот уйдет отец — и разом
Твоей той молодости нет...

Так мы не в присказке, на деле,
Когда судьба тряхнула нас,

Мы все как будто постарели —
Нет, повзрослели — в этот час.

Безмолвным строем в день утраты
Вступали мы в Колонный зал,
Тот самый зал, где он когда-то
У гроба Ленина стоял.

Стоял поникший и спокойный
С рукою правой на груди.
А эти годы, стройки, войны —
Все это было впереди;

Все эти даты, вехи, сроки,
Что нашу метили судьбу,
И этот день, такой далекий,
Как видеть нам его в гробу.

В минуты памятные эти —
На тризне грозного отца —
Мы стали полностью в ответе
За все на свете —
До конца.

И не сробели на дороге,
Минуя трудный поворот.
Что ж, сами люди, а не боги
Смотреть обязаны вперед.

Там — хороши они иль плохи —
Покажет дело впереди,
А ей, на всем ходу, эпохе,
Уже не скажешь: «Погоди!»

Не вступишь с нею в словопренья,
Когда гремит путем своим...
Не останавливалось время,
Лишь становилося иным.

Земля живая зеленела,
Все в рост гнала, чему расти.
Творил свое большое дело
Народ на избранном пути.

Страну от края и до края,
Судьбу свою, судьбу детей
Не божеству уже вверяя,
А только собственной своей
Хозяйской мудрости.

Должно быть,
В дела по-новому вступил
Его, народа, зрелый опыт
И вместе юношеский пыл.

Они как будто из-под спуда
Возникли — новый брать редут...
И что же — чудо иль не чудо, —
Дела идут не так уж худо —
И друг и недруг признают.

А если кто какой деталью
Смущен, так правде не во вред
Давайте спросим тетку Дарью —
Всего ценней ее ответ...

Но молвить к слову: на Днепре ли,
На Ангаре ль — в любых местах —
Я отмечал: народ добрее,
С самим собою мягче стал...

Я рад бывал, как доброй вести,
Как знаку жданных перемен,
И шутке нынешней и песне,
Что дням минувшим не в пример.

Ах, песня в поле, — в самом деле
Ее не слышал я давно,
Уже казалось мне, что пели
Ее лишь где-нибудь в кино, —

Как вдруг он с дальнего покоса
Возник в тиши вечеровой,
Воскресшей песни отголосок,
На нашей родине с тобой.

И на дороге, в темном поле,
Внезапно за душу схватив,

Мне грудь стеснил до сладкой боли
Тот грустный будто бы мотив...

Я эти малые приметы
Сравнил бы смело с целиной
И дерзким росчерком ракеты,
Что побывала за Луной...

За годом — год, за вехой — веха.
За полосою — полоса.
Нелегок путь.
Но ветер века —
Он в наши дует паруса.

Вступает правды власть святая
В свои могучие права,
Живет на свете, облетая
Материки и острова.

Она все подлинней и шире
В чреде земных надежд и гроз.
Мы — это мы сегодня в мире,
И в мире с нас
Не меньший спрос!

И высших нет для нас велений —
Одно начертано огнем:
В большом и малом быть, как Ленин,
Свой ясный разум видеть в нем

С ним сердцу нечего страшиться,
И в нашей книге золотой
Нет ни одной такой страницы,
Ни строчки, даже запятой,
Чтоб нашу славу притемнила,
Чтоб заслонила нашу честь.

Да, все, что с нами было, —
Было!
А то, что есть, —
То с нами здесь!

И все от корки и до корки,
Что в книгу вписано вчера,

Все с нами — в силу поговорки
Насчет пера
И топора...

И правда дел — она на страже,
Ее никак не обойдешь,
Все налицо при ней — и даже
Когда молчанье — тоже ложь...

Кому другому, но поэту
Молчать потомки не дадут,
Его к суровому ответу
Особый вытребует суд.

Я не страшусь суда такого
И, может, жду его давно,
Пускай не мне еще то слово,
Что ёмче всех, сказать дано.

Мое — от сердца — не на ветер,
Оно в готовности любой:
Я жил, я был — за все на свете
Я отвечаю головой.

Нет выше долга, жарче страсти
Стоять на том
В труде любом!

Спасибо, Родина, за счастье
С тобою быть в пути твоем.
За новым трудным перевалом —
Вздохнуть
С тобою заодно.
И дальше в путь —
Большим иль малым,
Ах, самым малым —
Все равно!

Она моя — твоя победа,
Она моя — твоя печаль,
Как твой призыв:
Со мною следуй,
И обретай в пути,
И ведай
За далью — даль.
За далью — даль!

ДО НОВОЙ ДАЛИ

Пора!
Я словом этим начал
Мою дорожную тетрадь.
Теперь оно звучит иначе:
Пора и честь, пожалуй, знать.

Ах, эти длительные дали,
Дались они тебе спроста.
Читали — да. Но ждать устали:
Когда ж последняя верста.

А сколько дел, событий, судеб,
Людских печалей и побед
Вместилось в эти десять суток,
Что обратились в десять лет!

Все верно: в сроках не потрафил,
Но я прошу высокий суд
Учесть, что мне особый график
Составлен был на весь маршрут.

И что касается охвата
Всего, что в памяти любой, —
Суди по правде, как солдата,
Что честно долг исполнил свой

Он воевал не славы ради.
Рубеж не взял? И сам живой?
Не представляй его к награде,
Но знай — ему и завтра в бой.

А что в пути минули сроки —
И в том вины особой нет.

Мои герои все в дороге,
Да ты и сам не домосед.

Ты сам, читатель, эти дали
В пути проверил и постиг.
В своем бывалом чемодане
Держа порой и мой дневник.

Душа моя принять готова
Другой взыскательный упрек,
Что ткань бедна: редка основа,
Неровен бедный мой уток;

Что, может быть, не ярки краски
И не заманчив общий тон;
Что ни завязки,
Ни развязки —
Ни по началу, ни потом...

Ах, сам любитель я, не скрою,
Чтоб с места ясен был вопрос —
С приезда главного героя
На новостройку иль в колхоз,
Где непорядков тьма и бездна,
Но прибыл с ним переворот,
И героиня в час приезда
Стоит случайно у ворот.

Он холост, или же в разводе,
Или с войны еще вдовец,
Или от злой жены беглец,
Иль академик-молодец,
И все, что надо, — на подходе,
Хоть не заглядывай в конец.

Но сам лишен я этой хватки:
И совесть есть, и лень, прости,
В таком развернутом порядке
Плетень художества плести.

А потому и в книге этой —
Признаться, правды не тая, —
Того-другого — званья нету,

Всего героев —
ты да я,
Да мы с тобой.

Так песня спелась.
Но, может, в ней отозвались
Хоть как-нибудь наш труд и мысль,
И наша молодость и зрелость,
И эта даль,
И эта близь?

Что горько мне, что тяжко было
И что внушало прибыль сил,
С чем жизнь справляться торопила, —
Я все сюда и заносил.

И неизменно в эту пору,
При всех изгибах бытия,
Я находил в тебе опору,
Мой друг и высший судия.

Я так обязан той подмоге
Великой — что там ни толкуй, —
Но и тебя не прочу в боги,
Лепить не буду новый культ.

Читатель, снизу или сверху
Ты за моей следишь строкой,
Ты тоже — всякий на поверку,
Бываешь — мало ли какой.

Да, ты и лучший друг надежный,
Наставник строгий и отец.
Но ты и льстец неосторожный,
И вредный, к случаю, квасец.

И крайним слабостям потатчик,
И на расправу больно скор.
И сам начетчик
И цитатчик,
И не судья,
А прокурор.

Беда бедой твой пыл бессонный,
Когда вдобавок ко всему
Еще и книжкой пенсионной
Ты обладаешь на дому.

Не одному бюро погоды
Спешишь ты всыпать поскорей,
Хоть на почтовые расходы
Идет полпенсии твоей.

Добра желаючи поэту,
Наставить пробуя меня,
Ты пишешь письма в «Литгазету»,
Для «Правды» копии храня...

И то не все. Замечу кстати:
Опасней нет болезни той,
Когда, по скромности, читатель,
Ты про себя, в душе, — писатель,
Безвестный миру Лев Толстой.

Ох, вы, мол, тоже мне, писаки,
Вот недосуг за стол засесть...

Да, и такой ты есть и всякий,
Но счастлив я, что ты, брат, есть!

Не запропал, не стал дитятей,
Что наша маменька-печать
Ласкает, тешась:
— Ах, читатель,
Ах, как ты вырос — не достать!

Сама пасет тебя тревожно
(И уморить могла б, любя):
— Ах, то-то нужно, то-то можно,
А то-то вредно для тебя...

Ты жив-здоров — и слава богу,
И уговор не на словах:
В любую дальнюю дорогу
На равных следовать правах...

Ты помнишь, я свой план невинный
Представил с первого столбца:
Прочти хотя б до половины,
Авось — прочтешь и до конца.

Прочел по совести. И что же:
Ты книгу медленно закрыл,
Вздохнул, задумался, похоже.
Ну вот. А что я говорил?

Прости, что шутка на помине,
Когда всерьез не передать,
Как нелегко и эту ныне
Мне покидать свою тетрадь...

Не то чтоб жаль, но как-то дико.
Хоть этот миг —
Желанный миг:
Была тетрадь — и стала книга
И унеслась дорогой книг.

Уже не кинешься вдогонку
За ней во все ее края...
Так дочка дома — все девчонка,
Вдруг — дочь. Твоя и не твоя.

Скорбеть о том не много проку,
Что низок детям отчий кров.
Иное дело, с чем в дорогу
Ты проводил родную кровь.

И мне уже не возвратиться
Назад, в покинутый предел.
К моей строке или странице,
Что лучше б мог, как говорится,
Да не сумел.
Иль не посмел.

Тем преимуществом особым
При жизни автор наделен:
Все слышит сам, но, как за гробом,
Уже сказать не может он,
Какой бы ни был суд нелестный...

Но если вправду он живой,
Он в новый замысел безвестный
Уже уходит с головой.

И, распростившись с этой далью,
Что подружила нас в пути,
По счастью, к новому свиданью
Уже готовлюсь я. Учти!

Конца пути мы вместе ждали.
Но прохлаждаться недосуг.
Итак, прощай.
До новой дали.
До скорой встречи,
Старый друг!

1950—1960

ТЕРКИН НА ТОМ СВЕТЕ

Тридцати неполных лет —
Любо ли не любо —
Прибыл Теркин
На тот свет,
А на этом
Убыл.

Убыл-прибыл в поздний час
Ночи новогодней.
Осмотрелся в первый раз
Теркин в преисподней...

Так пойдет — строка в строку —
Вразворот картина.

Но читатель начеку:
— Что за чертовщина!

— В век космических ракет,
Мировых открытий —
Странный, знаете, сюжет.
— Да, не говорите!..

— Ни в какие ворота.
— Тут не без расчета...
— Подоплека не проста.
— То-то и оно-то...

*

И держись: наставник строг —
Проницает с первых строк...

Ах, мой друг, читатель-дока,
Окажи такую честь:

Накажи меня жестоко,
Но изволь сперва прочесть.

Не спеши с догадкой плоской,
Точно критик-грамотей,
Всюду слышать отголоски
Недозволенных идей.

И с его лихой ухваткой
Подводить издалека —
От ущерба и упадка
Прямо к мельнице врага.

И вздувать такие страсти
Из запаса бабьих снов,
Что грозят Советской власти
Потрясением основ.

Не ищи везде подвоха,
Не пугай из-за куста.
Отвыкай. Не та эпоха —
Хочешь, нет ли, а не та!

И доверься мне по старой
Доброй дружбе грозных лет:
Я зазря тебе не стану
Байки баять про тот свет.

Суть не в том, что рай ли с адом,
Черт ли, дьявол — все равно:
Пушки к бою едут задом, —
Это сказано давно...

Вот и все, чем автор вкратце
Упреждает свой рассказ,
Необычный, может статься,
Странный, может быть, подчас.

Но — вперед.
Перо запело.
Что к чему —
Покажет дело.

*

Повторим: в расцвете лет,
В самой доброй силе
Ненароком на тот свет
Прибыл наш Василий.

Поглядит — светло, тепло,
Ходы-переходы —
Вроде станции метро,
Чуть пониже своды.

Перекрытье — не чета
Двум иль трем накатам.
Вот где бомба ни черта
Не проймет —
Куда там!

(Бомба! Глядя в потолок
И о ней смекая,
Теркин знать еще не мог,
Что —смотря какая.

Что от нынешней — случись
По научной смете —
Так, пожалуй, не спастись
Даже на том свете.)

И еще — что явь, что сон —
Теркин не уверен,
Видит, валенками он
Наследил у двери.

А порядок, чистота —
Не приткнуть окурок.
Оробел солдат спроста
И вздохнул:
— Культура...

Вот такие бы везде
Зимние квартиры.
Поглядим — какие где
Тут ориентиры.

Стрелка «Вход».
А «Выход»?
Нет.
Ясно и понятно:
Значит, пламенный привет, —
Путь закрыт обратный.

Значит, так тому и быть,
Хоть и без привычки.
Вот бы только нам попить
Где-нибудь водички.

От неведомой жары
В горле зачерствело.
Да потерпим до поры,
Не в новинку дело.

Видит Теркин, как туда,
К станции конечной,
Прибывают поезда
Изо мглы предвечной.

И выходит к поездам,
Важный и спокойный,
Того света комендант —
Генерал-покойник.

Не один — по сторонам
Начеку охрана.
Для чего — судить не нам,
Хоть оно и странно:

Раз уж списан ты сюда,
Кто б ты ни был чином,
Впредь до Страшного суда
Трусить нет причины.

По уставу, сделав шаг,
Теркин доложился:
Мол, такой-то, так и так,
На тот свет
Явился.

Генерал, угрюм на вид,
Голосом усталым:
— А с которым, — говорит, —
Прибыл ты составом?

Теркин — в струнку, как стоял,
Тем же самым родом:
— Я, товарищ генерал,
Лично, пешим ходом.

— Как так пешим?
— Виноват.
(Строги коменданты!)
— Говори, отстал, солдат,
От своей команды?

Так ли, нет ли — все равно
Спорить не годится.
— Ясно! Будет учтено.
И не повторится.

— Да уж тут что нет, то нет,
Это, брат, бесспорно,
Потому как на тот свет
Не придешь повторно.

Усмехнулся генерал:
— Ладно. Оформляйся.
Есть порядок — чтоб ты знал —
Тоже, брат, хозяйство.

Всех прими да всех устрой —
По заслугам место.
Кто же трус, а кто герой —
Не всегда известно.

Дисциплина быть должна
Четкая до точки:
Не такая, брат, война,
Чтоб поодиночке...

Проходи давай вперед —
Прямо по платформе.

— Есть идти! —
И поворот
Теркин дал по форме.

И едва за стрелкой он
Повернул направо —
Меж приземистых колонн —
Первая застава

Тотчас все на карандаш:
Имя, номер, дату.
— Аттестат в каптерку сдашь, —
Говорят солдату.

Удивлен весьма солдат:
— Ведь само собою —
Не положен аттестат
Нам на поле боя.

Раз уж я отдал концы —
Не моя забота.
— Все мы, братец, мертвецы,
А порядок — вот он.

Для того ведем дела
Строго — номер в номер, —
Чтобы ясность тут была,
Правильно ли помер.

Ведь случалось иногда —
Рана несмертельна,
А его зашлют сюда,
С ним возись отдельно.

Помещай его сперва
В залу ожиданья...

(Теркин мельком те слова
Принял во вниманье.)

— Ты, понятно, новичок,
Вот тебе и дико.
А без формы на учет
Встань у нас поди-ка.

Но смекнул уже солдат:
Нет беды великой.
То ли, се ли, а назад
Вороти поди-ка.

Осмелел, воды спросил:
Нет ли из-под крана?
На него, глаза скосив,
Посмотрели странно.

Да вдобавок говорят,
Усмехаясь криво:
— Ты еще спросил бы, брат,
На том свете пива...

И довольны все кругом
Шуткой той злорадной.

Повернул солдат кру-гом:
— Будьте вы неладны...

Позади Учетный стол,
Дальше — влево стрелки.
Повернул налево — стоп,
Смотрит:
Стол проверки.

И над тем уже Столом —
Своды много ниже,
Свету меньше, а кругом —
Полки,
Сейфы,
Ниши;

Да шкафы,
Да вертлюги
Сзади, как в аптеке;
Книг толстенных корешки,
Папки,
Картотеки.

И решеткой обнесен
Этот Стол кромешный

И кромешный телефон
(Внутренний, конечно).

И доносится в тиши
Точно вздох загробный:
— Авто-био опиши
Кратко и подробно...

Поначалу на рожон
Теркин лезть намерен:
Мол, в печати отражен,
Стало быть, проверен.

— Знаем: «Книга про бойца».
— Ну так в чем же дело?
— «Без начала, без конца» —
Не годится в «Дело».

— Но поскольку я мертвец...
— Это толку мало.
— ...то не ясен ли конец?
— Освети начало.

Уклоняется солдат:
— Вот еще обуза:
Там же в рифму все подряд,
Автор — член союза...

— Это — мало ли чего,
Той ли меркой мерим.
Погоди, и самого
Автора проверим...

Видит Теркин, что уж тут
И беда, пожалуй:
Не напишешь, так пришьют
От себя начало.

Нет уж, лучше, если сам.
И у спецконторки
Примостившись, написал
Авто-био Теркин.

*

По графам: вопрос — ответ.
Начал с предков —
Кто был дед.

«Дед мой сеял рожь, пшеницу,
Обрабатывал надел.
Он не ездил за границу,
Связей также не имел.

Пить — пивал. Порой без шапки
Приходил, в сенях шумел.
Но, помимо как от бабки,
Он взысканий не имел.

Не представлен был к награде,
Не был дед передовой.
И отмечу правды ради —
Не работал над собой.

Уклонялся.
И постольку
Близ восьмидесяти лет
Он не рос уже нисколько,
Укорачивался дед...»

*

Так и далее — родных
Отразил и близких,
Всех, что числились в живых
И посмертных списках.

Стол проверки бросил взгляд
На его работу:
— Расписался?
То-то, брат.
Следующий — кто там?

Впрочем, стой. —
Перелистал,
Нет ли где помарок.

— Фотокарточки представь
В должных экземплярах...

Докажи тому Столу:
Что ж, как не запасся,
Как за всю войну в тылу
Не был ты ни часа.

— До поры была со мной
Карточка из дома —
Уступить пришлось одной,
Скажем так,
Знакомой...

Но суров закон Стола,
Голос тот усопший:
— Это личные дела,
А порядок общий.

И такого никогда
Не знавал при жизни —
Слышит:
— Палец дай сюда,
Обмакни да тисни.

Передернуло всего,
Но махнул рукою,
— Палец?
Нате вам его.
Что еще другое?..

Вышел Теркин на простор
Из-за той решетки.
Шаг, другой —
И вот он, Стол
Медсанобработки.

Подошел — не миновать
Предрешенной встречи.
И, конечно же, опять
Не был обеспечен.

Не подумал, сгоряча
Протянувши ноги,

Что без подписи врача
В вечность нет дороги;

Что и там они, врачи,
Всюду наготове
Относительно мочи
И солдатской крови.

Ахнул Теркин:
— Что за черт,
Что за постановка:
Ну как будто на курорт
Мне нужна путевка!
Столько всяческой возни
В их научном мире.

Вдруг велят:
— А ну, дыхни,
Рот разинь пошире.
Принимал?
— Наоборот. —
И со вздохом горьким:
— Непонятный вы народ, —
Усмехнулся Теркин.

— Кабы мне глоток-другой
При моем раненье,
Я бы, может, ни ногой
В ваше заведенье...

*

Но солдат — везде солдат:
То ли, се ли — виноват.

Виноват, что в этой фляге
Не нашлось ни капли влаги, —
Старшина был скуповат,
Не уважил — виноват.

Виноват, что холод жуткий
Жег тебя вторые сутки,
Что вблизи упал снаряд,
Разорвался — виноват,

Виноват, что на том свете
За живых мертвец в ответе...

Но молчи, поскольку — тлен,
И терпи волынку.
Пропустили сквозь рентген
Всю его начинку.

Не забыли ничего
И науки ради
Исписали на него
Толстых три тетради.

Молоточком — тук да тук,
Хоть оно не больно,
Обстучали все вокруг —
Чем-то недовольны.

Рассуждают — не таков
Запах. Вот забота:
Пахнет парень табаком
И солдатским потом.

Мол, покойник со свежá
Входит в норму еле,
Словно там еще душа
Притаилась в теле.

Но и полных данных нет,
Снимок, что ль, нечеткий.
— Приготовься на предмет
Общей обработки.

— Баня?
С радостью туда,
Баня — это значит
Перво-наперво — вода.
— Нет воды горячей.

— Ясно! Тот и этот свет
В данном пункте сходны.
И холодной тоже нет?
— Нету. Душ безводный.

— Вот уж это никуда! —
Возмутился Теркин.
— Здесь лишь мертвая вода.
— Ну, давайте мертвой.

— Это — если б сверху к нам, —
Поясняет некто, —
Ты явился по частям,
То есть некомплектно.

Мы бы той тебя водой
Малость покропили,
Все детали меж собой
В точности скрепили.

И готов — хоть на парад —
Ты во всей натуре...
Приступай давай, солдат,
К общей процедуре.

Снявши голову, кудрей
Не жалеть, известно.

— Ах, валяйте, да скорей,
Мне бы хоть до места...

Раз уж так пошли дела,
Не по доброй воле,
Теркин ищет хоть угла
В мрачной той юдоли.

С недосыпу на земле,
Хоть как есть, в одеже,
Отоспаться бы в тепле —
Ведь покой положен.

Вечный, сказано, покой —
Те слова не шутки.
Ну, а нам бы хоть какой,
Нам бы хоть на сутки.

Впереди уходят вдаль,
В вечность коридоры —

Того света магистраль, —
Кверху семафоры.

И видны за полверсты,
Чтоб тебе не сбиться,
Указателей персты,
Надписи, таблицы...

Строгий свет от фонарей,
Сухость в атмосфере.
А дверей — не счесть дверей,
И какие двери!

Все плотны, заглушены
Способом особым,
Выступают из стены
Вертикальным гробом.

И какую ни открой —
Ударяет сильный,
Вместе пыльный и сырой,
Запах замогильный.

И у тех, что там сидят,
С виду как бы люди,
Означает важный взгляд:
«Нету. И не будет».

Теркин мыслит: как же быть,
Где искать начало?

«Не мешай руководить!» —
Надпись подсказала.

Что тут делать?
Наконец
Набрался отваги —
Шасть к прилавку, где мертвец
Подшивал бумаги.

Мол, приписан к вам в запас
Вечный — и поскольку

Нахожусь теперь у вас,
Мне бы, значит, койку...

Взглядом сонным и чужим
Тот солдата смерил,
Пальцем — зá ухо — большим
Указал на двери
В глубине.

Солдат — туда,
Потянул за ручку.
Слышит сзади:
— Ах, беда
С этою текучкой...

Там за дверью первый стол, —
Без задержки следуй —
Тем же, зá ухо, перстом
Переслал к соседу.

И вели за шагом шаг
Эти знаки всуе,
Без отрыва от бумаг
Дальше указуя.

Но в конце концов ответ
Был членораздельный:
— Коек нет. Постели нет.
Есть приклад постельный.

— Что приклад?
На кой он ляд?
Как же в этом разе?
— Вам же ясно говорят:
Коек нет на базе.

Вам же русским языком...
Простыни в просушке.
Можем выдать целиком
Стружки.
Для подушки.

Соответственны слова
Древней волоките:

Мол, не сразу и Москва,
Что же вы хотите?

Распишитесь тут и там,
Пропуск ваш отмечен.
Остальное — по частям.
— Тьфу ты! — плюнуть нечем

Смех и грех:
Навек почить,
Так и то на деле
Было б легче получить
Площадь в жилотделе.

Да притом, когда б живой
Слышал речь такую,
Я б ему с его «Москвой»
Показал другую.

Я б его за те слова
Спосылал на базу.
Сразу ль, нет ли та «Москва»,
Он бы понял сразу!

Я б ему еще вкатил
По гвардейской норме,
Что такое фронт и тыл —
Разъяснил бы в корне...

И уже хотел уйти,
Вспомнил, что, пожалуй,
Не мешало б занести
Вывод в книгу жалоб.

Но отчетлив был ответ
На вопрос крамольный:
— На том свете жалоб нет,
Все у нас довольны.
Книги незачем держать, —
Ясность ледяная.

— Так, допустим.
А печать —
Ну хотя б стенная?

— Как же, есть.
Пройти пустяк —
За угол направо.
Без печати — как же так,
Только это зря вы...

Ладно.
Смотрит — за углом —
Орган того света.
Над редакторским столом —
Надпись:
«Гробгазета».

За столом — не сам, так зам, —
Нам не все равно ли, —
— Я вас слушаю, — сказал,
Морщась, как от боли.

Полон доблестных забот,
Перебил солдата:
— Не пойдет.
Разрез не тот.
В мелком плане взято.

Авторучкой повертел.
— Да и места нету.
Впрочем, разве что в Отдел
Писем без ответа...

И в бессонный поиск свой
Вникнул снова с головой.

Весь в поту, статейки правит,
Водит носом взад-вперед:
То убавит,
То прибавит,
То свое словечко вставит,
То чужое зачеркнет.

То его отметит птичкой,
Сам себе и Глав и Лит,
То возьмет его в кавычки,
То опять же оголит.

Знать, в живых сидел в газете,
Дорожил большим постом.
Как привык на этом свете,
Так и мучится на том.

Вот притих, уставясь тупо,
Рот разинут, взгляд потух.
Вдруг навел на строчки лупу,
Избоченясь, как петух.

И последнюю проверку
Применяя, тот же лист
Он читает
Снизу кверху,
А не только
Сверху вниз.

Верен памятной науке,
В скорбной думе морщит лоб...

Попадись такому в руки
Эта сказка —
Тут и гроб!

Он отечески согретым
Увещаньем изведет.
Прах от праха того света,
Скажет:
Что еще за *тот?*

Что за происк иль попытка
Воскресить вчерашний день,
Неизжиток
Пережитка
Или тень
На наш плетень?

Впрочем, скажет, и не диво,
Что избрал ты зыбкий путь.
Потому — от коллектива
Оторвался —
Вот в чем суть.

Задурил, кичась талантом, —
Да всему же есть предел, —
Новым, видите ли, Дантом
Объявиться захотел.

Как же было не в догадку —
Просто вызвать на бюро
Да призвать тебя к порядку,
Чтобы выправил перо.

Чтобы попусту бумагу
На авось не тратил впредь:
Не писал бы этак с маху —
Дал бы планчик просмотреть.

И без лишних притязаний
Приступал тогда к труду,
Да последних указаний
Дух всегда имел в виду.

Дух тот брал бы за основу
И не ведал бы прорух...

Тут, конечно, автор снова
Возразил бы:
— Дух-то дух.
Мол, и я не против духа,
В духе смолоду учен.
И по части духа —
Слуха,
Да и нюха —
Не лишен.

Но притом вопрос не праздный
Возникает сам собой:
Ведь и дух бывает разный —
То ли мертвый,
То ль живой.

За свои слова в ответе
Я недаром на посту:
Мертвый дух на этом свете
Различаю за версту.

И не той ли метой мечен
Мертвых слов твоих набор.
Что ж с тобой вести мне речи —
Есть с живыми разговор!

Проходите без опаски
За порог открытой сказки
Вслед за Теркиным моим —
Что там дальше —
Поглядим.

Помещенья вроде ГУМа —
Ходишь, бродишь, как дурной.
Только нет людского шума —
Всюду вечный выходной.

Сбился с ног, в костях ломота,
Где-нибудь пристать охота.

*

Галереи — красота,
Помещений бездна,
Кабинетов до черта,
А солдат без места.

Знать не знает, где привал
Маеты бессонной,
Как тот воин, что отстал
От своей колонны.

Догони — и с плеч гора,
Море по колено.
Да не те все номера,
Знаки и эмблемы.

Неизвестных столько лиц,
Все свои, все дома.
А солдату — попадись
Хоть бы кто знакомый.

Всем по службе недосуг,
Смотрят, не вникая...

И не ждал, не думал — вдруг
Встреча.
Да какая!

*

В двух шагах перед тобой
Друг-товарищ фронтовой.

Тот, кого уже и встретить
Ты не мог бы в жизни сей.
Но и там — и на том свете —
Тоже худо без друзей...

Повстречал солдат солдата,
Друга памятных дорог,
С кем от Бреста брел когда-то,
Пробираясь на восток.

С кем расстался он, как с другом
Расстается друг-солдат,
Второпях — за недосугом
Совершить над ним обряд.

Не посетуй, что причалишь
К месту сам, а мне — вперед.
Не прогневайся, товарищ.
И не гневается тот.

Только, может, в миг прощальный,
Про себя, живой солдат
Тот безропотно-печальный
И уже нездешний, дальний,
Протяженный в вечность взгляд
Навсегда в душе отметит,
Хоть уже дороги врозь...

— Друг-товарищ, на том свете —
Вот где встретиться пришлось...

Вот он — в блеклой гимнастерке
Без погон —
Из тех времен.

«Значит, все, — подумал Теркин, —
Я — где он.
И все — не сон».

— Так-то брат... —
Слова излишни.
Поздоровались. Стоят.
Видит Теркин: друг давнишний
Встрече как бы и не рад.

По какой такой причине —
На том свете ли обвык
Или, может, старше в чине
Он теперь, чем был в живых?

— Так-то, Теркин...
— Так, примерно:
Не понять — где фронт, где тыл.
В окруженье — в сорок первом —
Хоть какой, но выход был.

Был хоть суткам счет надежный,
Был хоть запад и восток,
Хоть в пути паек подножный,
Хоть воды, воды глоток!

Отоспись в чащобе за день,
Ночью двигайся. А тут?
Дай хоть где-нибудь присядем —
Ноги в валенках поют...

Повернули с тротуара
В глубь задворков за углом,
Где гробы порожней тарой
Были свалены на слом.

Размещайся хоть на дневку,
А не то что на привал.

— Доложи-ка обстановку,
Как сказал бы генерал.

Где тут линия позиций, —
Жаль, что карты нет со мной, —

Ну, хотя б — в каких границах
Расположен мир иной?..

— Генерал ты больно скорый,
Уточнился бы сперва:
Мир иной — смотря который, —
Как-никак их тоже два.

И от ног своих разутых,
От портянок отвлечен,
Теркин — тихо:
— Нет, без шуток?.. —
Тот едва пожал плечом.

— Ты-то мог не знать — заглазно.
Есть тот свет,
Где мы с тобой,
И, конечно, буржуазный
Тоже есть, само собой.

Всяк свои имеет стены
При совместном потолке,
Два тех света,
Две системы,
И граница на замке.

Тут и там свои уставы
И, как водится оно, —
Все иное — быт и нравы...

— Да не все ли здесь равно?

— Нет, брат, — все тому подобно,
Как и в жизни — тут и там.
— Но позволь: в тиши загробной
Тоже — труд, и капитал,
И борьба, и все такое?..

— Нет, зачем. Какой же труд,
Если вечного покоя
Обстановка там и тут.

— Значит, как бы в обороне
Загорают — тут и там?

— Да. И, ясно, прежней роли
Не играет капитал.

Никакой ему лазейки,
Вечность вечностью течет.
Денег нету ни копейки,
Капиталу только счет.

Ну, а в части распорядка —
Наш подъем — для них отбой,
И поверка и зарядка
В разный срок, само собой.

Вот и все тебе известно,
Что у нас и что у них.

— Очень, очень интересно... —
Теркин в горести поник.

— Кто в иную пору прибыл,
Тот как хочешь, а по мне —
Был бы только этот выбор, —
Я б остался на войне.

На войне о чем хлопочешь?
Ждешь скорей ее конца.
Что там слава или почесть
Без победы для бойца.

Лучше нет — ее, победу,
Для живых в бою добыть.
И давай за ней по следу,
Как в жару к воде — попить.

Не о смертном думай часе —
В нем ли главный интерес:
Смерть —
Она всегда в запасе,
Жизнь —
Она всегда в обрез.

— Так ли, друг?
— Молчи, вояка,

Время жизни истекло.
— Нет, скажи: и так, и всяко,
Только нам не повезло.

Не по мне лежать здесь лежнем,
Да уж выписан билет.
Ладно, шут с ним, с зарубежным,
Говори про наш тот свет.

— Что ж, вопрос весьма обширен.
Вот что главное усвой:
Наш тот свет в загробном мире —
Лучший и передовой.

И поскольку уготован
Всем нам этак или так,
Он научно обоснован, —
Не на трех стоит китах.

Где тут пекло, дым иль копоть
И тому подобный бред?
— Все же, знаешь, сильно топят, —
Вставил Теркин, — мочи нет.

— Да не топят, зря не сетуй,
Так сдается иногда,
Кто по-зимнему одетый
Транспортирован сюда.

Здесь ни холодно, ни жарко —
Ни полена дров, учти.
Точно так же — райских парков
Даже званья не найти.

С басней старой все несходно —
Где тут кущи и сады?
— А нельзя ль простой, природной
Где-нибудь глотнуть воды?

— Забываешь, Теркин, где ты,
Попадаешь в ложный след:
Потому воды и нету,
Что, понятно, спросу нет.

Недалек тот свет соседний,
Там, у них, на старый лад —
Все пустые эти бредни:
Свежесть струй и адский чад.

И запомни, повторяю:
Наш тот свет в натуре дан:
Тут ни ада нет, ни рая,
Тут — наука,
Там — дурман...

Там у них устои шатки,
Здесь фундамент нерушим.
Есть, конечно, недостатки, —
Но зато тебе — режим.

Там, во-первых, дисциплина
Против нашенской слаба.
И, пожалуйста, картина:
Тут — колонна,
Там — толпа.

Наш тот свет организован
С полной четкостью во всем:
Распланирован по зонам,
По отделам разнесен.

Упорядочен отменно —
Из конца пройди в конец.
Посмотри:
Отдел военный,
Он, понятно, образец.

Врать привычки не имею,
Ну а ежели соврал,
Так на местности виднее, —
Поднимайся, генерал...

И в своем строю лежачем
Им предстал сплошной грядой
Тот Отдел, что обозначен
Был армейскою звездой.

Лица воинов спокойны,
Точно видят в вечном сне,
Что, какие были войны,
Все вместились в их войне.

Отгремел их край передний,
Мнится им в безгласной мгле,
Что была она последней,
Эта битва на земле;

Что иные поколенья
Всех пребудущих годов
Не пойдут на пополненье
Скорбной славы их рядов...

— Четкость линий и дистанций,
Интервалов чистота...
А возьми
Отдел гражданский —
Нет уж, выправка не та.

Разнобой не скрыть известный —
Тот иль этот пост и вес:
Кто с каким сюда оркестром
Был направлен или без...

Кто с профкомовской путевкой,
Кто при свечке и кресте.
Строевая подготовка
Не на той уж высоте...

Теркин будто бы рассеян, —
Он еще и до войны
Дань свою отдал музеям
Под командой старшины.

Там соха иль самопрялка,
Шлемы, кости, древний кнут, —
Выходного было жалко,
Но иное дело тут.

Тут уж верно — случай редкий
Все увидеть самому.

Жаль, что данные разведки
Не доложишь никому.

Так, дивясь иль брови хмуря,
Любознательный солдат
Созерцал во всей натуре
Тот порядок и уклад.

Ни покоя, мыслит Теркин,
Ни веселья не дано.
Разобрались на четверки
И гоняют в домино.

Вот где самая отрада —
Уж за стол как сел, так сел,
Разговаривать не надо,
Думать незачем совсем.

Разгоняют скукой скуку —
Но таков уже тот свет:
Как ни бьют —
Не слышно стуку,
Как ни курят —
Дыму нет.

Ах, друзья мои и братья,
Кто в живых до сей поры,
Дорогих часов не тратьте
Для загробной той игры.

Ради жизни скоротечной
Отложите тот «забой»:
Для него нам отпуск вечный
Обеспечен сам собой...

Миновал костяшки эти,
Рядом — тоже не добро:
Заседает на том свете
Преисподнее бюро.

Здесь уж те сошлись, должно быть,
Что не в силах побороть
Заседаний вкус особый,
Им в живых изъевший плоть.

Им ни отдыха, ни хлеба, —
Как усядутся рядком,
Ни к чему земля и небо —
Дайте стены с потолком.

Им что вёдро, что ненастье,
Отмеряй за часом час.
Целиком под стать их страсти
Вечный времени запас.

Вот с величьем натуральным
Над бумагами склонясь,
Видно, делом персональным
Занялися — то-то сласть.

Тут ни шутки, ни улыбки —
Мнимой скорби общий тон.
Признает мертвец ошибки
И, конечно, врет при том.

Врет не просто скуки ради,
Ходит краем, зная край.
Как послушаешь — к награде
Прямо с ходу представляй.

Но позволь, позволь, голубчик,
Так уж дело повелось,
Дай копнуть тебя поглубже,
Просветить тебя насквозь.

Не мозги, так грыжу вправить,
Чтобы взмокнул от жары,
И в конце на вид поставить
По условиям игры...

Стой-постой!
Видать персону.
Необычный индивид
Сам себе по телефону
На два голоса звонит.

Перед мнимой секретаршей
Тем усердней мечет лесть,

Что его начальник старший —
Это лично он и есть.

И упившись этим тоном,
Вдруг он, голос изменив,
Сам с собою — подчиненным —
Наставительно учтив.

Полон власти несравнимой,
Обращенной вниз, к нулю,
И от той игры любимой
Мякнет он, как во хмелю...

Отвернувшись от болвана
С гордой истовостью лиц,
Обсудить проект романа
Члены некие сошлись.

Этим членам все известно,
Что́ в романе быть должно
И чему какое место
Наперед отведено.

Изложив свои наметки,
Утверждают по томам.
Нет — чтоб сразу выпить водки,
Закусить —
И по домам.

Дальше — в жесткой обороне
Очертил запретный круг
Кандидат потусторонних
Или доктор прахнаук.

В предуказанном порядке
Книжки в дело введены,
В них закладками цитатки
Для него застолблены.

Вперемежку их из книжек
На живую нитку нижет,
И с нее свисают вниз
Мертвых тысячи страниц...

За картиною картина,
Хлопцы дальше держат путь.

Что-то вслух бубнит мужчина,
Стоя в ящике по грудь.

В некий текст глаза упрятал,
Не поднимет от листа.
Надпись:
«Пламенный оратор» —
И мочалка изо рта.

Не любил и в жизни бренной
Мой герой таких речей.
Будь ты штатский иль военный,
Дай тому, кто побойчей.

Нет, такого нет порядка,
Речь он держит лично сам.
А случись, пройдет не гладко,
Так не он ее писал.

Все же там, в краю забвенья,
Свой особый есть резон:
Эти длительные чтенья
Укрепляют вечный сон...

Вечный сон.
Закон природы.
Видя это все вокруг,
Своего экскурсовода
Теркин спрашивает вдруг:

— А какая здесь работа,
Чем он занят, наш тот свет?
То ли, се ли — должен кто-то
Делать что-то?
— То-то — нет.

В том-то вся и закавыка
И особый наш уклад,
Что от мала до велика
Все у нас
Руководят.

— Как же так — без производства, —
Возражает новичок, —
Чтобы только руководство?
— Нет, не только.
И учет.

В том-то, брат, и суть вопроса,
Что темна для простаков:
Тут ни пашни, ни покоса,
Ни заводов, ни станков.

Нам бы это все мешало —
Уголь, сталь, зерно, стада...

— Ах, вот так! Тогда, пожалуй,
Ничего. А то беда.

Это вроде как машина
Скорой помощи идет:
Сама режет, сама давит,
Сама помощь подает.

— Ты, однако, шутки эти
Про себя, солдат, оставь.
— Шутки!
Сутки на том свете —
Даже к месту не пристал.

Никому бы не мешая,
Без бомбежки да в тепле
Мне поспать нужда большая
С недосыпу на земле.

— Вот чудак, ужели трудно
Уяснить простой закон:
Так ли, сяк ли — беспробудный
Ты уже вкушаешь сон.
Что тебе привычки тела?
Что там койка и постель?..

— Но зачем тогда отделы,
И начальства корпус целый,
И другая канитель?

Тот взглянул на друга хмуро,
Головой повел:
— Нельзя.
— Почему?
— Номенклатура. —
И примолкнули друзья.

Теркин сбился, огорошен
Точно словом нехорошим.

*

Все же дальше тянет нить,
Развивая тему:

— Ну, хотя бы сократить
Данную Систему?
Поубавить бы чуток,
Без беды при этом...

— Ничего нельзя, дружок.
Пробовали.
Где там!

Кадры наши, не забудь,
Хоть они лишь тени,
Кадры заняты отнюдь
Не в одной Системе.

Тут к вопросу подойти —
Штука не простая:
Кто в Системе,
Кто в Сети —
Тоже Сеть густая.

Да помимо той Сети,
В целом необъятной,
Сколько в Органах — сочти!
— В Органах — понятно.

— Да по всяческим Столам
Список бесконечный,

В Комитете по делам
Перестройки Вечной...

Ну-ка, вдумайся, солдат,
Да прикинь, попробуй:
Чтоб убавить этот штат —
Нужен штат особый.

Невозможно упредить,
Где начет, где вычет.
Словом, чтобы сократить,
Нужно увеличить...

Теркин по́д локоть дружка
Тронул осторожно:
— А какая все тоска,
Просто невозможно.

Ни заботы, ни труда,
А тоска — нет мочи.
Ночь-то — да. А день куда?
— Тут ни дня, ни ночи.

Позабудь, само собой,
О зиме и лете.
— Так, похоже, мы с тобой
На другой планете?

— Нет, брат. Видишь ли, тот свет —
Данный мир забвенный,
Расположен вне планет
И самой Вселенной.

Дислокации иной —
Ясно?
— Как не ясно:
То ли дело под луной
Даже полк запа́сный.

Там — хоть норма голодна́
И гоняют лихо,
Но покамест есть война —
Виды есть на выход.

— Пообвыкнешь, новичок,
Будет все терпимо:
Как-никак — оклад, паек
И табак без дыма...

Теркин слышит, не поймет —
Вроде, значит, кормят?
— А паек загробный тот
По какой же норме?

— По особой.
Поясню
Постановку эту:
Обозначено в меню,
А в натуре нету.

— Ах, вот так... —
Глядит солдат,
Не в догадку словно.
— Ну, еще точней, оклад
И паек условный.

На тебя и на меня
Числятся в расходе.
— Вроде, значит, трудодня?
— В некотором роде...

Все по форме: распишись —
И порядок полный.
— Ну, брат, это же — не жизнь!
— Вон о чем ты вспомнил.

Жизнь!
И слушать-то чудно:
Ведь в загробном мире
Жизни быть и не должно, —
Дважды два — четыре...

*

И на Теркина солдат
Как-то сбоку бросил взгляд.

Так-то близко, далеко ли
Новый видится квартал.

Кто же там во власть покоя
Перед вечностью предстал?

— Любопытствуешь?
— Еще бы.
Постигаю мир иной.
— Там отдел у нас Особый,
Так что — лучше стороной...

— Посмотреть бы тоже ценно.
— Да нельзя, поскольку он
Ни гражданским ни военным
Здесь властям не подчинен.

— Что ж, Особый есть Особый. —
И вздохнув примолкли оба.

*

...Там — рядами по годам
Шли в строю незримом
Колыма и Магадан,
Воркута с Нарымом.

За черту из-за черты,
С разницею малой,
Область вечной мерзлоты
В вечность их списала.

Из-за проволоки той
Белой-поседелой —
С их особою статьей,
Приобщенной к делу...

Кто, за что, по воле чьей —
Разберись, наука.
Ни оркестров, ни речей,
Вот уж где — ни звука...

Память, как ты ни горька,
Будь зарубкой на века!

. . . .

— Кто же все-таки за гробом
Управляет тем Особым?

— Тот, кто в этот комбинат
Нас послал с тобою.
С чьим ты именем, солдат,
Пал на поле боя.

Сам не помнишь? Так печать
Донесет до внуков,
Что ты должен был кричать,
Встав с гранатой. Ну-ка?

— Без печати нам с тобой
Знато-перезнато,
Что в бою — на то он бой —
Лишних слов не надо;

Что вступают там в права
И бывают кстати
Больше прочих те слова,
Что не для печати...

Так идут друзья рядком.
Вволю места думам
И под этим потолком,
Сводчатым, угрюмым.

Теркин вовсе помрачнел.
— Невдомек мне словно,
Что Особый ваш отдел
За самим Верховным.

— Все за ним, само собой,
Выше нету власти.
— Да, но сам-то он живой?
— И живой.
Отчасти.

Для живых родной отец,
И закон, и знамя,
Он и с нами, как мертвец, —
С ними он
И с нами.

Устроитель всех судеб,
Тою же порою
Он в Кремле при жизни склеп
Сам себе устроил.

Невдомек еще тебе,
Что живыми правит,
Но давно уж сам себе
Памятники ставит...

Теркин шапкой вытер лоб —
Сильно топят все же, —
Но от слов таких озноб
Пробежал по коже.

И смекает голова,
Как ей быть в ответе,
Что слыхала те слова,
Хоть и на том свете.

Да и мы о том, былом,
Речь замнем покамест,
Чтоб не быть иным числом,
Задним, — смельчаками...

Слишком памятны черты
Власти той безмерной...

— Теркин, знаешь ли, что ты
Награжден посмертно?

Ты — сюда с передовой,
Орден следом за тобой.

К нам приписанный навеки,
Ты не знал наверняка,
Как о мертвом человеке
Здесь забота велика.

Доложился — и порядок,
Получай, задержек нет.

— Лучше все-таки награда
Без доставки на тот свет.

Лучше быть бы ей в запасе
Для иных желанных дней:
Я бы даже был согласен
И в Москву скатать за ней.

Так и быть уже. Да что там!
Сколько есть того пути
По снегам, пескам, болотам
С полной выкладкой пройти.

То ли дело мимоходом
Повстречаться с той Москвой,
Погулять с живым народом,
Да притом, что сам живой.

Ждать хоть год, хоть десять кряду,
Я б живой не счел за труд.
И пускай мне там награду
Вдвое меньшую дадут.

Или вовсе скажут: рано,
Не видать еще заслуг.
Я оспаривать не стану.
Я — такой. Ты знаешь, друг.

Я до почестей не жадный,
Хоть и чести не лишен...

— Ну, расчувствовался. Ладно.
Без тебя вопрос решен.
Как ни что, а все же лестно
Нацепить ее на грудь.

— Но сперва бы мне до места
Притулиться где-нибудь.

— Ах, какое нетерпенье,
Да пойми — велик заезд:

Там, на фронте, наступленье,
Здесь нехватка спальных мест.

Ты, однако, не печалься,
Я порядок наведу,
У загробного начальства
Я тут все же на виду.

Словом, где-нибудь приткнемся.
Что смеешься?
— Ничего.
На том свете без знакомства
Тоже, значит, не того?

Отмахнулся друг бывалый:
Мол, с бедой ведем борьбу.

— А еще тебе, пожалуй,
Поглядеть бы не мешало
В нашу стереотрубу.

— Это что же ты за диво
На утеху мне сыскал?
— Только — для загробактива,
По особым пропускам...

Нет, совсем не край передний,
Не в дыму разрывов бой, —
Целиком тот свет соседний
За стеклом перед тобой.

В четкой форме отраженья
На вопрос прямой ответ —
До какого разложенья
Докатился их тот свет.

Вот уж точно, как в музее —
Что к чему и что почем.
И такие, брат, мамзели,
То есть — просто нагишом...

Теркин слышит хладнокровно,
Даже глазом не повел.

— Да. Но тоже ведь условный
Этот самый женский пол?..

И опять тревожным взглядом
Тот взглянул, шагая рядом.

*

— Что условный — это да,
Кто же спорит с этим.
Но позволь и мне тогда
Кое-что заметить.

Я подумал уж не раз,
Да смолчал, покаюсь:
Не условный ли меж нас
Ты мертвец покамест?

Посмотрю — ни дать ни взять,
Все тебе охота,
Как в живых, то пить, то спать,
То еще чего-то...

— Покурить! —
И за кисет
Ухватился Теркин:
Не занес ли на тот свет
Чуточку махорки?

По карманным уголкам
Да из-за подкладки —
С хлебной крошкой пополам —
Выгреб все остатки.

Затянулся, как живой,
Той наземной, фронтовой,
Той надежной, неизменной,
Той одной в страде военной,
В час грозы и тишины —
Вроде старой злой жены,
Что иных тебе дороже —
Пусть красивей, пусть моложе
(Да от них и самый вред,
Как от легких сигарет).

Угощаются взаимно
Разным куревом дружки.
Оба — дымный
И бездымный —
Проверяют табаки.

Теркин — строгий дегустатор,
Полной мерой раз и два
Потянул, вернул остаток
И рукой махнул:
— Трава.
На-ко нашего затяжку.

Друг закашлялся:
— Отвык.
Видно, вправду мертвым тяжко,
Что годится для живых...

— Нет, а я оттуда выбыл,
Но и здесь, в загробном сне, —
То, чего не съел, не выпил, —
Не дает покоя мне.

Не добрал, такая жалость,
Там стаканчик, там другой.
А закуски той осталось —
Ах ты, сколько — да какой!

За рекой Угрой в землянке —
Только сел, а тут «в ружье!» —
Не доел консервов банки,
Так и помню про нее.

У хозяйки белорусской
Не доел кулеш свиной.
Правда, прочие нагрузки,
Может быть, тому виной.

А вернее — сам повинен:
Нет — чтоб время не терять —
И того не споловинил,
Что до крошки мог прибрать.

Поддержать в пути здоровье,
Как тот путь бывал ни крут,
Зная доброе присловье:
На том свете не дадут...

Тут, встревожен не на шутку,
Друг прервал его:
— Минутку!..

*

Докатился некий гул,
Задрожали стены.
На том свете свет мигнул,
Залились сирены.

Прокатился долгий вой
Над глухим покоем...

Дали вскорости отбой.
— Что у вас такое?

— Так и быть — скажу тебе,
Но держи в секрете:
Это значит, что ЧП
Нынче на том свете.

По тревоге розыск свой
Подняла Проверка:
Есть опасность, что живой
Просочился сверху.

Чтобы дело упредить,
Срочное заданье:
Ну... изъять и поместить
В зале ожиданья.

Запереть двойным замком,
Подержать негласно,
Полноценным мертвяком
Чтобы вышел.
— Ясно.

— И по-дружески, любя,
Теркин, будь уверен —
Я дурного для тебя
Делать не намерен.

Но о том, что хочешь жить,
Дружба, знаешь, дружбой,
Я обязан доложить...
— Ясно...
— ...куда нужно.

Чуть ли что — меня под суд.
С места же сегодня...
— Так. Боишься, что пошлют
Дальше преисподней?

— Все ты шутки шутишь, брат,
По своей ухватке.
Фронта нет, да есть штрафбат,
Органы в порядке.

Словом, горе мне с тобой, —
Ну какого черта
Бродишь тут, как чумовой,
Беспокоишь мертвых.

Нет — чтоб вечности служить
С нами в тесной смычке, —
Все в живых охота жить.
— Дело, брат, в привычке.

— От привычек отвыкай,
Опыт расширяя.
У живых там, скажешь, — рай?
— Далеко до рая.

— То-то!
— То-то, да не то ж.
— До чего упрямый.
Может, все-таки дойдешь
В зале в этой самой?

— Не хочу.
— Хотеть — забудь.

Да и толку мало:
Все равно обратный путь
Повторять сначала.

— До поры зато в строю —
Хоть на марше, хоть в бою.

Срок придет, и мне травою
Где-то в мире прорасти.
Но живому — про живое,
Друг бывалый, ты прости.

Если он не даром прожит,
Тыловой ли, фронтовой —
День мой вечности дороже,
Бесконечности любой.

А еще, сознаться можно,
Потому спешу домой,
Чтоб задачей неотложной
Загорелся автор мой.

Пусть со слов моих подробно
Отразит он мир загробный,
Все по правде.
А приврет —
Для наглядности подсобной —
Не беда. Наоборот.

С доброй выдумкою рядом
Правда в целости жива.
Пушки к бою едут задом, —
Это верные слова...

Так что, брат, с меня довольно
До пребудущих времен.
— Посмотрю — умен ты больно!
— А скажи, что не умен?

Прибедняться нет причины:
Власть Советская сама
С малых лет уму учила —
Где тут будешь без ума!

На ходу снимала пробу,
Как усвоил курс наук.
Не любила ждать особо,
Если понял что не вдруг.

Заложила впредь задатки
Дело видеть без очков.
В умных нынче нет нехватки,
Поищи-ка дураков.

— Что искать — у нас избыток
Дураков — хоть пруд пруди,
Да каких еще набитых —
Что в Системе, что в Сети...

— А куда же их, примерно,
При излишестве таком?
— С дураками планомерно
Мы работу здесь ведем.

Изучаем досконально
Их природу, нравы, быт,
Этим делом специальный
Главк у нас руководит.

Дуракам перетасовку
Учиняет на постах.
Посылает на низовку,
Выявляет на местах.

Тех туда, а тех туда-то —
Четкий график наперед.
— Ну, и как же результаты?
— Да ведь разный есть народ.

От иных запросишь чуру —
И в отставку не хотят.
Тех, как водится, в цензуру —
На повышенный оклад.

А уж с этой работенки
Дальше некуда спешить...
Все же — как решаешь, Теркин?
— Да как есть: решаю жить.

— Только лишняя тревога.
Видел, что за поезда
Неизменною дорогой
Направляются сюда?

Все сюда, а ты обратно,
Да смекни — на чем и как?
— Поезда сюда, понятно,
Но отсюда — порожняк?

— Ни билетов, ни посадки
Нет отсюда «на-гора».
— Тормозные есть площадки,
Есть подножки, буфера...

Или память отказала,
Позабыл в загробном сне,
Как в атаку нам, бывало,
Доводилось на броне?

— Трудно, Теркин, на границе,
Много легче путь сюда...
— Без труда, как говорится,
Даже рыбку из пруда...

А к живым из края мертвых —
На площадке тормозной —
Это чтó — езда с комфортом, —
Жаль, не можешь ты со мной
Бросить эту всю халтуру
И домой — в родную часть.

— Да, но там в номенклатуру
Мог бы я и не попасть.

Занимая в преисподней
На сегодня видный пост,
Там-то чтó я на сегодня?
Стаж и опыт — псу под хвост?..

Вместе без году неделя,
Врозь на вечные века...

И внезапно из тоннеля —
Вдруг — состав порожняка.

Вмиг от грохота и гула
Онемело все вокруг...

Ах, как поручни рвануло
Из живых солдатских рук;
Как хватало мертвой хваткой
Изо всех загробных сил!
Но с подножки на площадку
Теркин все-таки вступил.

Долей малой перевесил
Груз, тянувший за шинель.
И куда как бодр и весел,
Пролетает сквозь тоннель.

Комендант иного мира
За охраной суетной
Не заметил пассажира
На площадке тормозной.

Да ему и толку мало:
Порожняк и порожняк.
И прощальный генералу
Теркин
        ручкой
                сделал знак.

Дескать, что кому пригóдней.
На себя ответ беру,
Рад весьма, что в преисподней
Не пришелся ко двору.

И как будто к нужной цели
Прямиком на белый свет,
Вверх и вверх пошли тоннели
В гору, в гору.
Только — нет!

Чуть смежил глаза устало,
И не стало в тот же миг
Ни подножки, ни состава —
На своих опять двоих.

Вот что значит без билета,
Невеселые дела.

А дорога с того света
Далека еще была.

Поискал во тьме руками,
Чтоб на ощупь по стене...
И пошло все то круга́ми,
От чего кричат во сне...

Там в страде невыразимой,
В темноте — хоть глаз коли —
Всей войны крутые зимы
И жары ее прошли.

Там руин горячий щебень
Бомбы рушили на грудь,
И огни толклися в небе,
Заслоняя Млечный Путь.

Там валы, завалы, кручи
Громоздились поперек.
И песок сухой, сыпучий
Из-под ног бессильных тек.

И мороз по голой коже
Драл ножовкой ледяной.
А глоток воды дороже
Жизни, может, был самой.

И до робкого сознанья,
Что забрезжило в пути, —
То не Теркин был — дыханье
Одинокое в груди.

Боль была без утоленья
С темной тяжкою тоской.
Неисходное томленье,
Что звало принять покой...

Но вела, вела солдата
Сила жизни — наш ходатай

И заступник всех верней, —
Жизни бренной, небогатой
Золотым запасом дней.

Как там смерть ни билась круто,
Переменчива борьба,
Час настал из долгих суток,
И настала та минута —
Дотащился до столба.

До границы.
Вот — застава,
Поперек дороги жердь.
И дышать полегче стало,
И уже сама устала
И на шаг отстала
Смерть.

Вот уж дома — только б ноги
Перекинуть через край.
Но не в силах без подмоги,
Пал солдат в конце дороги.
Точка, Теркин.
Помирай.

А уж то-то неохота,
Никакого нет расчета,
Коль от смерти ты утек.
И всего-то нужен кто-то,
Кто бы капельку помог.

Так бывает и в обычной
Нашей сутолоке здесь:
Вот уж все, что мог ты лично,
Одолел, да вышел весь.

Даром все — легко ль смириться —
Годы мук, надежд, труда...
Был бы бог, так помолиться.
А как нету — что тогда?

Что тогда — в тот час недобрый,
Испытанья горький час?
Человек, не чин загробный,

Человек, тебе подобный, —
Вот кто нужен, кто бы спас...

Смерть придвинулась украдкой,
Не проси — скупа, стара...

И за той минутой шаткой
Нам из сказки в быль пора.

В этот мир живых, где ныне
Нашу службу мы несем...

— Редкий случай в медицине, —
Слышит Теркин, как сквозь сон.

Проморгался в теплой хате,
Простыня — не белый снег,
И стоит над ним в халате
Не покойник — человек.

И хотя вздохнуть свободно
В полный вздох еще не мог,
Чует — жив!
Тропой обходной
Из жары, из тьмы безводной
Душу с телом доволок;
Словно той живой, природной,
Дорогой воды холодной
Выпил целый котелок...

Поздравляют с Новым годом.
— Ах, так вон что — Новый год!
И своим обычным ходом
За стеной война идет.

Отдохнуть в тепле не штука.
Дай-ка, думает, вздремну.

И дивится вслух наука:
— Ай да Теркин! Ну и ну!
Воротился с того света,
Прибыл вновь на белый свет.
Тут уж верная примета:
Жить ему еще сто лет!

* * *

— Точка?
— Вывернулся ловко
Из-под крышки гробовой
Теркин твой.
— Лиха концовка.
— Точка все же с запятой...

— Как же: Теркин на том свете!
— Озорство и произвол:
Из живых и сущих в нети
Автор вдруг его увел,
В мир загробный.

— А постольку
Сам собой встает вопрос:
Почему же не на стройку?
— Не в колхоз?
— И не в совхоз?
— Почему не в цех к мотору?
— Не к мартену?
— Не в забой?
— Даже, скажем, не в контору? —
Годен к должности любой.

— Молодца такой закваски —
В кабинеты — не расчет.
— Хоть в ансамбль грузинской пляски,
Так и там не подведет.

— Прозевал товарищ автор,
Не потрафил в первый ряд —
Двинуть парня в космонавты.
— В космонавты — староват.

— Впору был бы по отваге
И развитию ума.
— В космонавты?
— Нет, в завмаги!
— Ох, запутают.
— Тюрьма...

— Укрепить бы сеть Нарпита.
— Да не худо бы Жилстрой...

— А милиция забыта?
— А пожарник — не герой?..

Ах, читатель, в этом смысле
Одного ты не учел:
Всех тех мест не перечислить,
Где бы Теркин подошел.

Спор о том, чьим быть герою
При наличье стольких свойств,
Возникал еще порою
Меж родами наших войск.

Теркин — тем ли, этим боком —
В жизни воинской своей
Близок был в раскате дней
И с войны могучим богом,
И гремел по тем дорогам
С маршем танковых частей,
И везде имел друзей,
Оставаясь в смысле строгом
За царицею полей.

Потому в солдатском толке,
По достоинствам своим,
Признан был героем Теркин
Как бы общевойсковым...

И совсем не по закону
Был бы он приписан мной —
Вдруг — по ведомству какому
Или отрасли одной.

На него уже управа
Недействительна моя:
Где по нраву —
Там по праву
Выбирает он края.

И не важно, в самом деле,
На каком теперь посту —
В министерстве иль артели
Занимает высоту.

Там, где жизнь,
Ему привольно,

Там, где радость,
Он и рад,
Там, где боль,
Ему и больно,
Там, где битва,
Он — солдат.

Хоть иные батареи
И калибры встали в строй,
И всему иной покрой...
Автор — пусть его стареет,
Пусть не старится герой!

И такой сюжет для сказки
Я избрал не потому,
Чтобы только без подсказки
Сладить с делом самому.

Я в свою ходил атаку,
Мысль одна владела мной:
Слажу с этой, так со всякой
Сказкой слажу я иной.

И в надежде, что задача
Мне пришлася по плечу,
Я — с чего я книжку начал,
Тем ее и заключу.

Я просил тебя покорно
Прочитать ее сперва.
И теперь твои бесспорны,
А мои — ничто — права.

Не держи теперь в секрете
Ту ли, эту к делу речь.
Мы с тобой на этом свете:
Хлеб-соль ешь,
А правду режь.

Я тебе задачу задал,
Суд любой в расчет беря.
Пушки к бою едут задом, —
Было сказано не зря.

1954—1963

ПРИМЕЧАНИЯ

Третий том включает стихотворения и поэмы, написанные Твардовским после Великой Отечественной войны (за исключением завершенного в это время «Дома у дороги», вошедшего в предыдущий том).

Этот период творчества поэта, обнимающий собою четверть века, приходится на годы, чрезвычайно насыщенные в истории нашей страны разнообразными событиями и глубинными жизненными процессами. Война принесла советскому народу не только всемирную славу победы над фашизмом, но и огромные, трудно исчислимые во всем своем реальном объеме утраты и потери. Страна столкнулась с необходимостью не только возможно быстрее восстановить разрушенное хозяйство, но одновременно, в силу возникновения «холодной войны», вынуждена была повышать свою обороноспособность и, разумеется, не отставать от резко убыстрившегося во всем мире в послевоенную пору научно-технического прогресса.

Все эти сложные проблемы и поиски их наилучшего решения потребовали от партии и народа не просто максимума усилий и энергии, но и существенно нового подхода к изменившейся действительности, смелой переоценки некоторых устаревших взглядов, большей гибкости и реализма, устранения допущенных ранее просчетов.

Лучшие произведения советской литературы, созданные в этот период, в частности — принадлежащие и Твардовскому, явились одним из немаловажных слагаемых этого процесса, способствуя активизации народного самосознания.

К сожалению, написанное Твардовским в послевоенный период лишено того драгоценнейшего авторского комментария, каким, применительно к произведениям военных лет, являются «Ответ читателям» «Василия Теркина», а также, в значительной степени, дневниковые записи «С Карельского перешейка» и многие страницы «Родины и чужбины». Некоторым исключением в этом смысле является стихотворение «Я убит подо Ржевом»,

истории создания которого автор посвятил небольшую заметку (пятитомник, т. 5, с. 199—201, и т. 5 наст. собр. соч.).

О формировании послевоенного мироощущения поэта и замыслов его новых произведений покамест приходится судить на основании весьма отрывочных данных, содержащихся в выступлениях, статьях и очерках Твардовского, а также в некоторых письмах, опубликованных уже после смерти автора.

«Вот закрылись двери одного исторического периода, и открылись двери в иной исторический период, период мирного развития», — говорил Твардовский спустя десять дней после Победы, 19 мая 1945 года, в выступлении на X пленуме Правления Союза писателей СССР (А. Твардовский. О литературе. М., «Современник», 1973, с. 247), — выступлении, которое при всей своей деловитости заметно перекликается с заключительной главой «Василия Теркина», писавшейся примерно в эти же дни.

Отчетливо сознавая, что прежняя, сложившаяся в годы самой войны «песня, стало быть, допета», автор «Книги про бойца» уже тогда ощущал неизбывную власть над собой пережитого на войне: «...для меня этот период представляется таким, о котором всю жизнь хватит думать» (там же, с. 246).

Примечательно, что в названном выступлении в известной мере уже как бы заключена «программа» той последующей лирики поэта, которая связана с войной, так сказать, впрямую: «...надо... показать, что великая радость победы, эта действительно ни с чем не соизмеримая радость, она, может быть, потому и дорога, что за ней страшно много и тяжелого, и невозвратимого, и непоправимого, и крови, и слез, и мучений» (там же, с. 249).

Эти слова объясняют причины, побудившие Твардовского, с одной стороны, вновь вернуться к поэме «Дом у дороги» и вскорости завершить ее, а с другой, — воспользоваться в победный год одними «из самых удручающих и горьких до физической боли в сердце» впечатлений за всю войну — от поездки осенью 1942 года подо Ржев, бывший местом затяжных, кровопролитных и малорезультативных боев.

В грандиозных масштабах всей войны бои за Ржев, можно сказать, мало отличались по своей значимости от описанного в «Василии Теркине» многодневного сражения «за тот, забытый ныне, населенный пункт Борки». Кстати, глава «Бой в болоте» появилась в печати в апреле 1943 года и, возможно, в какой-то мере вобрала в себя драматические впечатления ржевской поездки.

...День придет — еще повстанут
Люди в памяти живой.

И в одной бессмертной книге
Будут все навек равны...
. . . .
И Россия — мать родная —
Почесть всем отдаст сполна.

Так заключал Твардовский названную главу «Василия Теркина». И теперь захотел и сам воздать эту «почесть всем... сполна».

Замысел стихотворения «Я убит подо Ржевом» в некоторой степени связан с мечтой, высказанной Теркиным в главе «Смерть и воин»: если уж ему придется погибнуть, то хотя бы «услыхать салют победный, //Что раздастся над Москвой...».

Убитый под Ржевом боец почти повторяет это пожелание, но в его устах оно обретает новый смысл:

О, товарищи верные,
Лишь тогда б на войне
Ваше счастье безмерное
Вы постигли вполне.

«Стихи эти, — писал Твардовский, уже много лет спустя, — продиктованы мыслью и чувством, которые на протяжении всей войны *и в послевоенные годы более всего заполняли душу* (подчеркнуто мной. — *А. Т — в.*). Навечное обязательство живых перед павшими за общее дело, невозможность забвенья, неизбывное ощущение как бы себя в них, а их в себе, — так приблизительно можно определить эту мысль и чувство» (пятитомник, т. 5, с. 201, и т. 5 наст. собр. соч.).

Тут необходимо добавить, что эти мысль и чувство постоянно обогащались у поэта новыми оттенками, обнаруживая все более глубокое содержание и самые неожиданные возможности для его художественного воплощения.

Читая «Я убит подо Ржевом», испытываешь даже чувство, что стихотворение в какой-то мере перенасыщено. Проникновенный лирический зачин, разнообразные драматические ракурсы темы соседствуют с немногими, по счастью, строфами сравнительно обнаженно моралистического звучания, где автор как будто выразил волновавшую его идею во всей публицистической прямоте первого высказывания.

В упомянутом выступлении 19 мая 1945 года, конкретизируя мысль о цене завоеванной победы, Твардовский говорил о своем непосредственном ощущении этого: «Я пришел с войны живой и здоровый. Но скольких я недосчитываюсь, — недосчитываюсь не в смысле родства и знакомства, а в том смысле, что сколько

бы людей успели меня прочитать и, может быть, полюбить, а их нет в живых. Это была часть меня. Поэта на свете нет без того, что есть какие-то сердца, в которых он отзывается. И это невозвратимо, потому что сколько-то тысяч людей, знавших и читавших наши книги, не вернутся. И я с ними что-то навсегда утерял» («О литературе», с. 249).

Здесь не просто повторяются и отзываются мысли, волновавшие Твардовского в пору завершения «Книги про бойца» и выраженные в ее последней главе: «Скольким душам был я нужен,// Без которых нет меня.// Скольких их на свете нету,// Что прочли тебя, поэт...» Перед нами — их дальнейшее развитие, в чем-то уже предвещающее последующую лирику поэта.

В первоначальном варианте стихотворения «В тот день, когда окончилась война», вошедшем в журнальную публикацию очерков «Родина и чужбина» («Знамя», 1947, № 12), еще преобладала острая боль утраты и вечной разлуки. Но в окончательной редакции этого, тоже ставшего знаменитым, стихотворения естественно возникает и новый мотив — неизбывной, «даже смерти... неподсудной», «связи обоюдной» живых и павших, а в частности — самого поэта и его былых читателей:

К вам, павшие в той битве мировой
За наше счастье на земле суровой,
К вам, наравне с живыми, голос свой
Я обращаю в каждой песне новой.

Вам не услышать их и не прочесть.
Строка в строку они лежат немыми.
Но вы — мои, вы были с нами здесь,
Вы слышали меня и знали имя.

В безгласный край, в глухой покой земли,
Откуда нет пришедших из разведки,
Вы часть меня с собою унесли
С листка армейской маленькой газетки.

Я ваш, друзья, — и я у вас в долгу,
Как у живых, — я так же вам обязан.

И в этом отрывке, и в последующих строках («И если я по слабости, солгу...// Я ваш укор услышу бессловесный») ясно различимы и давнее «зерно» владевшей автором мысли-эмоции, и ее дальнейшее развитие, видоизменение, обогащение, породившее один из шедевров русской лирики.

Высокий гуманизм, дань «их памяти», как будет позже названо одно из стихотворений, вновь посвященных «мертвым, безгласным», словно уравновешивает, умеряет торжественно-патети-

ческие, почти одические ноты, вызванные естественной радостью и гордостью победы, придавая стихам Твардовского благородную сдержанность, будто во исполнение завета его героя — «ликовать — не хвастливо...» («Я убит подо Ржевом»).

Величие народного подвига, творящейся у нас на глазах истории ощущались поэтом во всей масштабности и силе («Кремль зимней ночью», «Москва») и вместе с тем, чем дальше, тем больше, во всей живой героической и драматической одновременно диалектике совершившегося и совершающегося («Новая земля»), в сложной соотнесенности с непреходящей ценностью каждой отдельной человеческой жизни, что было глубоко и проникновенно осознано в пору войны, а затем во время завершения работы над «Домом у дороги».

Здесь лежат истоки и книги «За далью — даль», и послевоенной лирики Твардовского во всей ее многотемности и многообразии.

Целый ряд стихов, писавшихся в 1949—1960 годы, находится в очевидной связи с замыслом поэмы «За далью — даль». Некоторые из них впоследствии даже были включены в ее состав («Нет, жизнь меня не обделила...» и «Сибирская земля», первоначально называвшаяся «Сибирь»). Но это те, что создавались уже в самый разгар работы над книгой, когда в ней, по словам поэта, уже «взялся огонь». Сложнее соотносятся с поэмой «За далью — даль» стихи, написанные в 1949—1950 годах, когда Твардовский еще лишь приступал к книге («Лиха беда — пути начало,// Запев дается тяжело...» — говорится во второй главе ее).

В отличие от некоторых других стихов этой поры, близких будущей книге по ритму и интонации («В защиту мира», «9 мая», «Мост»), стихотворение «Свет — всему свету» написано другим размером. Однако уже сам описанный здесь эпизод народной стройки где-то «в лесном Предуралье» — как будто преддверие грандиозной панорамы перекрытия Ангары, развернутой в одной из глав «За далью — даль». Любопытно также, что уже здесь, хотя еще мимолетно, возникает и столь важный для будущей книги и для ее автора вообще мотив взаимоотношения искусства и жизни:

Вот и пишите,
Как мы копаем,
Лес прорубаем,
Свет добываем.

Все чтобы точно.
А мы почитаем,
Как мы копаем,
Свет добываем.

Главное же — в финале стихотворения сравнительно скромный труд строителей небольшой, видимо, электростанции предстает уже в ином своем, всемирно-историческом значении, как бы символизируя великий труд всего народа:

Слово звучит
Над разбуженным краем:
— Свет добываем!
— Свет добываем!

Селам, и школам,
И сельсовету.
И всему свету!
И всему свету!

В напечатанном за год до появления в периодике первых глав поэмы «За далью — даль» стихотворении «Мост» поэтическая концепция будущей книги, можно сказать (разумеется, с сегодняшней точки зрения), проступает уже довольно ясно. «Экспресс, с великой справившийся далью», «озноб торжественной минуты», когда, «казалось, в этот мост певучий //Вмещал свой голос весь Урал,// Нет, весь металл страны могучей...», — все это органически, ненавязчиво, ассоциируется и с триумфом недавней победы, и с горделивым ощущением проделанного народом исторического пути и открывающихся перед ним впереди новых просторов.

В книге же символическое «восхождение» от сменяющих друг друга в путешествии через всю страну далей и вполне конкретных эпизодов «дорожного, многодневного, простого и в меру быстрого быта» к историческому бытию народа проступает еще явственнее.

Подзаголовок «Из путевого дневника», первоначально данный Твардовским своей поэме, в сущности совершенно точен, если только трактовать его не как летопись некой одной конкретной поездки. Ведь в книге и впрямь запечатлелись разнообразные, зачастую разительно претворенные фантазией художника впечатления, почерпнутые им на своем *жизненном пути.*

Уже в годы Великой Отечественной войны опыт «Василия Теркина» утвердил Твардовского в мысли о возможности и плодотворности решительного отказа от общепринятых литературно-повествовательных канонов. И в своих записях тех лет он нащупывает принцип новой формы, относившийся первоначально к одному прозаическому замыслу: «...повесть не повесть, дневник не дневник, а нечто такое, в чем явятся три-четыре слоя разнообразных впечатлений... Предчувствуется большая емкость такого рода прозы. Чего-чего не вспомнить, не скрестить и не увязать при

таком плане! Дело только в том, чтоб, говоря как будто про себя, говорить очень не «про себя», а про самое главное» («Родина и чужбина», глава «Супчику хочется», пятитомник, т. 4, с. 226—227, и т. 4 наст. собр. соч.).

Характерно, что и много лет спустя, в статье об И. Г. Эренбурге, Твардовский с особенной похвалой упомянул о том, что в своей последней книге «Люди, годы, жизнь» писатель «смело вышел из-за укрытия беллетристических условностей, натяжек и допущений, присущих общепринятой литературной форме, и обрел... высоко ценимую читателем непринужденность изложения и емкость содержания» (пятитомник, т. 5, с. 378, и т. 5 наст. собр. соч.).

В приведенной выше записи военных лет были уже угаданы возможности и сам жанр лирической прозы, получившей впоследствии, начиная с «Дневных звезд» Ольги Берггольц, довольно широкое распространение в нашей литературе. «Я продолжаю свои записки по-прежнему, — писала Берггольц в этой книге, — не связывая себя более тесной формой, чем открытый дневник, в котором смешается прошлое, настоящее и будущее, память жизни и предвосхищение ее...» (Л., «Советский писатель», 1960, с. 110).

Твардовский применил этот же принцип в поэзии, результатом чего и явилась книга «За далью — даль», «открытый» лирический дневник писателя.

В некоторых случаях «дневниковое» происхождение книги обнаруживается самым непосредственным образом. Так, в прозаических «Письмах с Урала» (1948), особенно во втором из них — «О столице и «провинции» (см.: Александр Твардовский. Проза. Статьи. Письма. М., Изд-во «Известия», 1974, с. 416—432) различимы не только некоторые черточки будущего описания этого «опорного края державы» в главе «Две кузницы», но и пафос, которым будет пронизана глава «Москва в пути». Герои ее, молодожены (как и называлась глава вначале), едущие на работу в далекие необжитые края, как бы противопоставлены с неприязнью изображенному в очерке расчетливому юному «ответственному съемщику» столичной квартиры (и не по тому ли поразившему Твардовского резкому контрасту со «съемщиком» возникло, применительно к молодоженам, деловитое и патетическое одновременно определение: «юные *сменщики*» старшего поколения?) (курсив мой. — *А. Т — в.*).

Выступая в 1951 году на II Всесоюзном совещании молодых писателей, Твардовский говорил о тревоживших его в литературе тех лет явлениях: «Все — правда, все — хорошо: дед (его оратор

ядовито охарактеризовал ранее как «надоевший нашей литературе персонаж... которому делать нечего, но он все ходит, расспрашивает, через сколько лет будет коммунизм и дождется ли он...». — *А. Т — в.*) есть, парторг есть, любовь есть, но почему же меня это не волнует, почему я испытываю скуку, равнодушие к рукописи? И почему я должен быть «волевым» читателем, чтобы преодолевать скуку...» («О литературе», с. 266).

Все порицаемое тут Твардовским очень, порой текстуально, близко к сказанному в главах «Литературный разговор» («Глядишь, роман, и все в порядке...» и т. д.) и «Две дали» («Я не о том совсем мечтаю, //Чтоб был читатель волевой...» и т. д.).

Наконец, за два с лишним года до появления завершающих книгу глав Твардовский писал автору настоящих строк: «Все равно я за всякой иной «далью» вижу тетку Дарью на приусадебном участке, на прополке кукурузы и т. д.» (из письма от 5 февраля 1958 г.; ср. в главе «Так это было»: «И я за дальней звонкой далью,// Наедине с самим собой,// Я всюду видел тетку Дарью// На нашей родине с тобой...» и последующие строфы).

«Путевой дневник» поэта все больше приобретал характер своеобразной «исповеди сына века», и этот лирико-публицистический характер книги и в самом деле позволил автору «чего-чего не вспомнить, не скрестить и не увязать»! Тут и воспоминания-размышления о «начале всех... начал» как самого поэта, так и множества его ровесников и современников, — о деревенском детстве, о богатстве впечатлений, почерпнутых из этого внешне скромного мира и быта и заложивших основу будущей человеческой личности, и картины гигантских современных строек, и напряженное осмысление драматических перипетий истории советской страны, трудного и героического становления Советского государства.

Если снова вспомнить прозаический замысел Твардовского, можно было бы сказать, что все это «очень не «про себя», а про самое главное», — однако подобное четкое размежевание вряд ли законно в искусстве вообще, в частности же применительно к избранной Твардовским форме, как то было ясно уже в случае с «Василием Теркиным» («Что ж, а я не человек?» — насмешливо и задорно вопрошал там автор). И помимо тех забот, тревог, горестей и радостей, которые Твардовский переживал как гражданин, как рядовой современник читателей, автор поэмы «За далью — даль» с подкупающей искренностью поверяет страницам своей книги всю сложность и ответственность своего художнического долга:

Что горько мне, что тяжко было
И что внушало прибыль сил,
С чем жизнь справляться торопила, —
Я все сюда и заносил.

(Глава «До новой дали»)

Острополемические суждения Твардовского об искусстве, гротесково-фантастическая фигура «внутреннего» редактора во многом перекликаются с сатирической поэмой-сказкой «Теркин на том свете», где, по словам самого автора, подвергнуты сатирическому осмеянию «те черты нашей действительности — косность, бюрократизм, формализм, — которые мешают нашему продвижению вперед...» (См.: А. Твардовский. По поводу «Теркина на том свете». Содержание мнимое и действительное. — «Правда», 1965, 1 августа, пятитомник, т. 3, с. 326, и т. 5 наст. собр. соч.).

В военные годы первенство в творчестве поэта явно принадлежало «крупнокалиберному» произведению — «Василию Теркину» — и писавшемуся тогда же «Дому у̍ дороги». Далеко не все стихи этих лет могли соперничать с ними по драматической выразительности и художественной силе.

В послевоенный период, при всей неоспоримой ценности новых крупных эпических произведений Твардовского, значимость его лирики, ее доля в его поэзии (речь, разумеется, идет не о формальном объеме, исчисляемом в строках) резко возрастает. Присуждение в 1971 году книге «Из лирики этих лет» Государственной премии СССР объективно зафиксировало высокое общественное признание лирики Твардовского, как бы поставило ее в один ряд с его поэмами, почти каждая из которых была в свое время отмечена сходным образом.

Уже стихотворения «Я убит подо Ржевом» и «В тот день, когда окончилась война» заняли при своем появлении совершенно особое место и в творчестве поэта, и в читательском восприятии.

Новой вехой, отметившей заметное усиление лирической струи в поэзии Твардовского, была публикация ряда его стихов в 1951 году в сентябрьской книжке журнала «Новый мир», положившая начало и последующим появившимся в печати такого же рода своеобразным циклам («Огонек», 1955, № 43; «Правда», 1958, 7 декабря; «Новый мир», 1965, № 9; 1966, № 12; 1968, № 4; 1969, № 1).

Подобные публикации, не имевшие никакой явной сюжетной организации и нередко обозначавшиеся автором как «Стихи из записной книжки» или просто «Из записной книжки», в то же время обладали бесспорной внутренней цельностью, выражая взгляд поэта на определенный круг явлений, его волновавших,

а порой были заметно сосредоточены на той или иной теме (так, в цикле 1951 года преобладала «жестокая память» о войне, а в «огоньковском» — мысли о месте, роли, ответственности художника).

Критика давно подметила склонность Твардовского к изображению «всей полноты жизни». В лирике послевоенных лет это характерное для его творчества свойство стало особенно заметным. Стихи этого времени отличаются изобилием разнородных впечатлений бытия, органичностью восприятия мира в целом, в его многообразных внутренних связях, противоречиях, конфликтах, а также все более оттачивающимся, все более совершенным поэтическим мастерством.

В статье, посвященной памяти Анны Ахматовой, Твардовский как на характернейшую черту ее поэзии указывал на «благородный лаконизм, немногословную емкость речи, когда за скупыми строчками стихотворения живет возможность многих тонких подробностей и оттенков» (пятитомник, т. 5, с. 369, и т. 5 наст. собр. соч.). Таков и его собственный идеал, ставший особенно очевидным в последнее десятилетие жизни поэта (см., например, в наст. томе стихотворение «Всему свой ряд, и лад, и срок...» с его заключительным наставлением самому себе: «Короче. Покороче»).

Развернуто-сюжетная «новелла», столь характерная для стихов предвоенных и военных лет, в позднем творчестве Твардовского почти исчезает, сменяясь либо зарисовкой, наброском (поистине «из записной книжки»), либо чисто лирической разработкой темы (например, «В краю, куда их вывезли гуртом...» и «— Ты откуда эту песню...» из цикла «Памяти матери»), точной фиксацией и тщательным, тончайшим исследованием различных движений и состояний человеческой души, ее сложнейших сопряжений с «большим» миром, либо даже философическим размышлением, не лишенным откровенной дидактики («Сыну погибшего воина», «Горные тропы»). Разумеется, конечно, что подобные разграничения весьма условны и отнюдь не означают некой исчерпывающей и «жесткой» классификации произведений поэта, подчас с легкостью «совмещающих» в себе живописнейшую зарисовку, точные психологические подробности и философские умозаключения («Признание», «Мне памятно, как умирал мой дед...» и др.).

«Жестокая память» о войне, о погибших, о цене достигнутой победы — все то, о чем настойчиво говорил в своих послевоенных стихах Твардовский и что в свое время крайне насторожило критику, оказалось не только необычайно граждански, гуманистически, этически значимым и для самого автора и для его читате-

лей, но и придало восприятию жизни поэтом особую проникновенность, взволнованность и чуткость, ту эстетическую «новизну», о которой как о желанном для всякого художника открытии писал он сам в стихотворении «Нет ничего, что раз и навсегда...» (1969).

Мысль о преемственности людских дел, о драгоценном наследстве, полученном нами от предшествующих поколений и не подлежащем забвению, которая начинала пробиваться еще в довоенных стихах Твардовского («Ивушка»), становится одним из главнейших «нервных центров» его позднего творчества. Чрезвычайно характерно для его жизнеощущения — в час первого в мире космического триумфа напомнить «разведчику мирозданья» о «новичках из пополненья», подымавшихся в небо навстречу врагу грозной осенью 1941 года:

Так сохранилась ясной и нетленной,
Так отразилась в доблести твоей
И доблесть тех, чей день погас бесценный
Во имя наших и грядущих дней.

(«Космонавту»)

В «Василии Теркине» говорилось:

От Ивана до Фомы,
Мертвые ль, живые,
Все мы вместе — это мы,
Тот народ, Россия.

(Глава «О войне»)

Можно сказать, что в послевоенном творчестве Твардовского эта искренняя и страстная декларация с полной очевидностью претворилась в художественную реальность его стихов, в постоянное утверждение неповторимой ценности, значительности, исторического смысла любой достойно прожитой человеческой жизни.

Перед нами некая лирическая летопись, запечатлевшая разнообразнейшие перипетии современного бытия — от признанно масштабных (например, сибирские стройки или освоение космоса) до относительно невеликих, вернее, «преломившихся» в событиях и эпизодах сравнительно частного характера. Однако, пожалуй, для позднего Твардовского особенно, принципиально важны как раз те стихи, где значительные общественные процессы и явления выверяются, уточняются по «скромному» масштабу конкретных человеческих судеб, ими затронутых («Новоселье», «Памяти матери», «На сеновале»).

Читая стихи о ночи, проведенной с другом перед отъездом из родного дома «жизнь тому назад», невольно вспоминаешь и предвоенную «Поездку в Загорье» (1939), и одно из лирических отступлений в «Василии Теркине»: «Я покинул дом когда-то,// Позвала дорога в даль». Но в тех случаях преобладал, так сказать, чистый лиризм, навеянный детскими и юношескими воспоминаниями (особенно понятный в «Книге про бойца», поскольку речь там шла о Смоленщине, находившейся тогда во власти врага). В «Поездке в Загорье» этот лиризм, однако, несколько осложнялся мотивом происшедших и происходящих в родных краях перемен, очерченных, правда, в еще довольно общей форме:

За недолгие сроки
Здесь прошли-пролегли
Все большие дороги,
Что лежали вдали.

Стихотворение «На сеновале» (1967) счастливо сочетает в себе непотускневшую, яркую конкретность той молодой незабываемой поры с мудрым переосмыслением чистых и наивных юношеских упований героев в ретроспективе всего пережитого и испытанного с тех пор:

Готовы были мы к походу.
Что проще может быть:
Не лгать,
Не трусить,
Верным быть народу,
Любить родную землю-мать...
. . . .
Что проще!
В целости оставим
Таким завет начальных дней.
Лишь от себя теперь добавим:
Что проще — да.
Но что сложней?

Это видоизменение, конкретизация первоначального «завета» в реальных и изменчивых, как все живое, исторических условиях — важнейшая доминанта миропонимания Твардовского поздней поры.

В стихотворении начала пятидесятых годов («О прописке», 1951) он с улыбкой назвал свою музу «уживчивой». Теперь в ней все больше проявляются черты повышенной взыскательности к претворению в жизнь исповедуемых нами идеалов, неуступчивой готовности к решительному отстаиванию выношенных и выстра-

данных убеждений и гневного неприятия всего мешающего общественному развитию.

«...В нашей действительности, — говорил Твардовский на XXII съезде КПСС, —есть еще проявления того, что противодействует нашему движению вперед и что наша литература должна обличать, как говорится в Программе. ...Не нужно думать, что с устранением социальных контрастов тотчас устраняются сами собой и человеческая глупость, и эгоизм, и мелкодушие, и чванство, и прямое наследие темного прошлого — бюрократизм в различных его формах и модификациях» (пятитомник, т. 5, с. 328—329, и т. 5 наст. собр. соч.). В полном соответствии с этими словами предметом особой заботы Твардовского становится литература в ее взаимоотношениях с жизнью, ее способность действовать как необходимейший и полезный «орган» народного существования. Тут поэт, пожалуй, с наибольшей остротой испытывал и постигал ту диалектику кажущейся «простоты» и подлинной сложности осуществления высившихся перед ним еще с юности идеалов, о которых говорится в стихотворении «На сеновале». Им последовательно отвергаются многочисленные соблазны — то профессиональной гладкописи («Не много надобно труда...»), то легкого и спокойного следования готовым рецептам и моделям изображения жизни («Моим критикам», «Вся суть в одном-единственном завете...»), примитивно истолкованного «отображения современной действительности».

«...Стыжусь торчать с дежурной одой //Перед твоим календарем», — говорится в стихотворении «Слово о словах» (1962). А в близком по времени создания стихотворении «Есть книги — волею приличий...» (1963) возникает иронически-гротескная картина:

...чредою многотомной
Труды новейшие, толпясь,
Стоят у времени в приемной,
Чтоб на глаза ему попасть;
Не опоздать к иной обедне...

Чувство, владеющее поэтом в подобных полемических высказываниях, пожалуй, вернее всего определить как оскорбленность подлинного мастера за дорогой ему и драгоценный «рабочий материал» — как словесный, так и собственно жизненный, когда «...до пошлой сказки //Низводят сказочную быль» («Слово о словах»).

Даже читая лирику Твардовского более интимного, что ли (разумеется, отнюдь не в расхожем смысле этого слова), свойства, ощущаешь, что многое и в ее тональности связано с теми грандиозными событиями общенародной жизни, свидетелем и

участником которых был сам поэт. Примечательно, например, что, страстно утверждая «кровную часть» погибших защитников нашей страны в ее сегодняшних и завтрашних делах, он попутно нашел и мужественное решение тех своих собственных счетов со смертью, которые неминуемо встают перед каждым мыслящим человеком («Мне памятно, как умирал мой дед...», «Ты дура, смерть: грозишься людям...» и др.).

«...Ему до всего дело, у него есть желания безотносительные к своей личной судьбе, он глубоко озабочен, так сказать, нравственным тонусом своих современников, и опыт большой жизни дает ему право на добрые наставления — вкупе как бы строки завещания старшего друга перед близкой разлукой с более молодыми», — писал Твардовский о поздней лирике С. Я. Маршака (пятитомник, т. 5, с. 177, и т. 5 наст. собр. соч.), и эти слова в равной мере применимы к его собственным стихам последних лет.

В сборнике стихотворений и поэм, подготовленном Твардовским к печати незадолго до кончины (А. Твардовский. Стихотворения. Поэмы («Библиотека всемирной литературы»). М., «Художественная литература», 1971), раздел лирики завершается стихотворением «К обидам горьким собственной персоны...» (1968) — своего рода исповедью и заповедью, обращенной, как почти всегда бывало у поэта, прежде всего к самому себе:

С тропы своей ни в чем не сотупая,
Не отступая — быть самим собой.
Так со своей управиться судьбой,
Чтоб в ней себя нашла судьба любая
И чью-то душу отпустила боль.

Характерное для Твардовского сопряжение частного и общего: так «быть самим собой», так следовать своей тропой, чтобы в твоей судьбе «себя нашла судьба любая»!

Строки эти кажутся мне исчерпывающей характеристикой того, что счастливо удалось достигнуть их автору.

А. Турков

СТИХОТВОРЕНИЯ

О родине (стр. 7). — Впервые — в газете Московского военного округа «Красный воин», 1945, 5 декабря, затем — в газете «Рабочий путь» (Смоленск), 1946, 1 января, и, под названием «Родина», — в журнале «Огонек», 1946, № 1, 6 января, с. 1.

В четырехтомнике (т. 3, с. 77) и в пятитомнике (т. 1, с. 423) датировка: «1946» проставлена автором, очевидно, по памяти. В тексте первой публикации после слов: «Что с палубы видишь вдали...» (конец 3-й строфы) была еще одна строфа, опущенная автором при включении стихотворения в пятитомник.

...*Что мельницу на два постава...* — постав — устройство для размола зерна, состоящее из двух жерновов, один из которых вращается, другой укреплен неподвижно.

Кремль зимней ночью (стр. 9). — Впервые — в газете «Правда», 1946, 1 января, и одновременно — в газете «Красный воин», 1946, 1 января.

Я убит подо Ржевом (стр. 11). — Впервые, под названием «Завещание воина», — в газете «Красный воин», 1946, 16 апреля, вариант — в журнале «Красноармеец», 1946, № 7—8, с. 19. Под названием «Я убит подо Ржевом» (в несколько измененном сравнительно с предшествующими публикациями виде) впервые — в журнале «Новый мир», 1946, № 6, с. 34—35. Окончательная редакция стихотворения впервые — в книге: А. Твардовский. Книга лирики. 1934—1949. М., «Советский писатель», 1949, с. 331—336, с авторской датировкой: «1945—1946».

...*Ни петлички, ни лычки...* — петлички — нашивки из цветной материи на форменной одежде военнослужащих, лычки — узкие поперечные нашивки на погонах младшего командного состава армии — старшин, сержантов, ефрейторов.

Послевоенная зима (стр. 16). — Впервые — в газете «Литература и жизнь», 1958, 6 апреля, в подборке «Лирика разных лет. 1939—1958». Авторская датировка: «1946».

«Я задумал написать...» (стр. 17). — Впервые — в журнале «Новый мир», 1958, № 7, с 34—35, в подборке «Из лирики разных лет. 1936—1958».

Москва (стр. 18). — Впервые — в газете «Известия», 1948, 9 мая. В тексте газетной публикации была еще одна, предпоследняя, строфа, опущенная автором при включении стихотворения в четырехтомник (т. 3, с. 86—90).

...*Ехал я из-под Гжатска...* — г. Гжатск (с 1968 г. переименован в г. Гагарин) — один из районных центров Смоленской области.

«В сторожке на даче...» (стр. 21). «Беда откроется не вдруг...» (стр. 22). — При жизни автора не публиковались. Посмертная публикация сделана вдовой поэта М. И. Твардовской в альманахе «День поэзии. 1972», М., 1972, с. 198. Текст обоих стихотворений печатается по рукописи, где первое из них датировано автором: «22.III — 1947», второе — «27.III — 1947».

Молодость (стр. 23). — Впервые, под названием «Молодость родины», — в газете «Известия», 1948, 7 ноября. В тексте газетной публикации не было теперешних 4-й и последней строф. Впервые они даны автором в книге: А. Твардовский. Стихотворения и поэмы в двух томах, т. 1. М., Гослитиздат, 1957, с. 347—348. Название «Молодость» впервые дано автором в четырехтомнике (т. 3, с. 91—92). Включая стихотворение в пятитомник, автор опустил одну строфу после слов: «Работник, не знающий устали» (конец 7-й строфы).

В тот день, когда окончилась война (стр. 25). — Впервые — в журнале «Знамя», 1947, № 12, с. 115—116, как XLI глава очерков «Родина и чужбина». Текст первой публикации заканчивался строкой: «В который раз листву свою сменили» (конец теперешней 14-й строфы) и значительно отличался от окончательного варианта стихотворения (нетронутыми остались лишь строфы 1-я, 3-я, 8-я, 10-я и 12-я), впервые напечатанном в книге: А. Твардовский. Книга лирики. 1934—1949. М., «Советский писатель», 1949, с. 344—347, с авторской датировкой: «1948».

Памяти Ленина (стр. 29). — Первое стихотворение («В глухую, безвестную волость...»), под названием «Памяти Ленина», впервые — в журнале «Новый мир», 1949, № 1, с. 57 (номер подписан в печать 22 декабря 1948 г.). В тексте журнальной публикации была еще одна, конечная, строфа, опущенная автором при включении стихотворения в пятитомник. Второе стихотворение (под названием «Память бессмертна о нем») впервые — в газете «Известия», 1949, 22 января. Текст первой публикации был подвергнут значительной авторской правке. Публикаций третьего стихотворения («Не тысяча лет миновала...») в периодике не установлено. Первая книжная публикация: А. Твардовский. Послевоенные стихи. 1945—1952. М., «Молодая гвардия», 1952, с. 36—38. Включая стихотворения в четырехтомник, автор объединил их под общим названием «Памяти Ленина». Окончательный вариант текста дан в пятитомнике.

...Была в это утро равна столицам деревня Загорье... — Деревня Загорье Починковского района Смоленской области — родина Твардовского.

Свет — всему свету (стр. 36). — Впервые — в газете «Известия», 1949, 3 апреля.

«Как только снег начнут буравить...» (стр. 40). На платформе поезда (стр. 41). — Впервые, под общим названием «Весенние записи», — в журнале «Огонек», 1950, № 17, 23 апреля, с. 6. Авторская датировка («1949») первого стихотво-

рения дана в книге: А. Твардовский. Послевоенные стихи. 1945—1952. М., 1952, с. 48—49, второго — в книге: А. Твардовский. Стихотворения и поэмы в двух томах. М., Гослитиздат, 1954, т. 1, с. 372—373.

9 мая (стр. 42). — Впервые — в газете «Известия», 1949, 8 мая. Окончательный вариант стихотворения, существенно видоизмененный и датированный автором: «1950», дан в пятитомнике.

Мост (стр. 44). — Впервые — в газете «Правда», 1950, 2 января.

22 июня 1941 года (стр. 46). — Впервые — в журнале «Новый мир», 1950, № 6, с. 3—4. В тексте первой публикации перед концовкой были еще две строфы, опущенные автором при включении стихотворения в пятитомник.

Их памяти (стр. 48). — Первое стихотворение («Живым — живое в этой жизни краткой...»), под названием «Их памяти», впервые — в журнале «Новый мир», 1951, № 9, с. 68, в подборке «Из лирики». Полностью все три стихотворения, объединенные общим названием, с авторской датировкой: «1949—1951» — в книге: А. Твардовский. Послевоенные стихи. 1945—1952. М., 1952, с. 66—67.

Сыну погибшего воина (стр. 50). — Впервые — в журнале «Новый мир», 1951, № 9, с. 68—69. В тексте журнальной публикации после слов: «Что всех живых зовет влекущим зовом...» (конец 2-й строфы), была еще одна строфа, опущенная автором при включении стихотворения в книгу: А. Твардовский. Послевоенные стихи. 1945—1952. М., 1952, с. 68. Там же проставлена авторская датировка: «1949—1951».

Новая земля (стр. 51). — Впервые — там же, где и предыдущее стихотворение, с. 67—68. В тексте первой публикации после слов: «И должно дедам в эту землю лечь...» (конец 2-й строфы), было еще четыре строки, опущенных автором при включении стихотворения в книгу: А. Твардовский. Послевоенные стихи. 1945—1952. М., 1952, с. 69—70. В текст внесена и другая авторская правка.

Жестокая память (стр. 52). — Впервые, под названием «Июнь», там же, где и предыдущее стихотворение, с. 69—70. В журнальной публикации после слов: «Я в жизни моей потерял...» (конец 11-й строфы), была еще одна строфа, опущенная автором при включении стихотворения в пятитомник. Название «Жестокая память» дано автором при включении стихотворения в книгу: А. Твардовский. Стихотворения и поэмы в двух томах. М., 1954, т. 1, с. 406—408.

...*Душистой, прохладной мездры...* — мездра (*здесь вм.* *мезга*) — внутренний влажный слой коры молодых деревьев.

В те дни за границей (стр. 54). — Впервые — там же, где и предыдущее стихотворение, с. 70—71. В тексте журнальной публикации стихотворение имело иную концовку.

...*к востоку от речки Шешупы.* — Река Шешупа, приток Немана, протекает по территории Литовской ССР. См. также очерк Твардовского «За рекой Шешупой» (пятитомник, т. 4, с. 314—319, и т. 4 наст. собр. соч.).

...*у какой-нибудь кирхи...* — кирха (от *нем.* die Kirche) — церковь.

За озером (стр. 56). Признание (стр. 57). — Впервые — там же, где и предыдущее стихотворение, с. 72—73.

«Весенний, утренний, тоненький...» (стр. 58). — Впервые, под названием «На улице», — там же, где и предыдущие стихотворения, с. 73. Заглавие снято автором при включении стихотворения в книгу: А. Твардовский. Послевоенные стихи. 1945—1952. М., 1952, с. 80—81.

О прописке (стр. 59). Перед дорогой (стр. 60). О юности (стр. 61). — Впервые — там же, где и предыдущее стихотворение, с. 74—76.

В Норвегии (стр. 63). — Впервые, под названием «Не глумитесь над прахом героев», — в газете «Правда», 1951, 29 октября. Тексту газетной публикации предпосланы следующие строки: «По распоряжению норвежских властей уничтожаются могилы советских солдат и офицеров, павших в боях за освобождение Норвегии (из газет)». Включая стихотворение в пятитомник, автор сократил его на шестнадцать строф и дал ему новое название.

Самому себе (стр. 65). — Публикаций в периодике не установлено. Первая книжная публикация (без названия) — А. Твардовский. Послевоенные стихи. 1945—1952. М., 1952, с. 79. Название «Самому себе» дано автором при включении стихотворения в книгу: А. Твардовский. Стихотворения и поэмы в двух томах, т. 1. М., 1954, с. 399.

«Мне памятно, как умирал мой дед...» (стр. 66). — Публикаций в периодике не установлено. Первая книжная публикация — А. Твардовский. Стихотворения и поэмы в двух томах, т. 1. М., 1954, с. 396—397.

В стихотворении речь идет о деде поэта по отцу — Гордее Васильевиче Твардовском.

Песнь о Москве (стр. 68). — Впервые — в газете «Изве-

стия», 1952, 1 мая. Включая стихотворение в пятитомник, автор сократил его на девять строф.

«В своей захолустной волости...» (стр. 72). — При жизни автора не печаталось. Посмертная публикация сделана М. И. Твардовской в журнале «Дружба народов», 1973, № 1, с. 74—75. Текст печатается по рукописи, где стихотворение датировано автором: «2. IV. — 1952».

«Есть что-то в долголетье необычном...» (стр. 73). — Публикаций в периодике не установлено. Первая книжная публикация — четырехтомник, т. 3, с. 177.

«Ветер какой — ты слышишь?..» (стр. 74). «В дружбе есть святая проба...» (стр. 75). — Публикаций в периодике не установлено. Первая книжная публикация обоих стихотворений — А. Твардовский. Книга лирики. Избранные стихотворения 1933—1961. М., «Советская Россия», 1962, с. 333, 334.

«Ни ночи нету мне, ни дня...» (стр. 76). «Час рассветный подъема...» (стр. 78). «Снега потемнеют синие...» (стр. 80). «Ты дура, смерть: грозишься людям...» (стр. 81). «Не много надобно труда...» (стр. 82). «Спасибо, моя родная...» (стр. 83). — Впервые — в журнале «Огонек», 1955, № 43, с. 7. В тексте журнальной публикации стихотворения «Ты дура, смерть: грозишься людям...» после слов: «И различаем голоса...», имелась еще одна строфа, опущенная автором при включении стихотворения в пятитомник.

«В свеченье славы самобытной...» (стр. 84). — Впервые — в журнале «Огонек», 1955, № 45, с. 2—3.

«У новоселов в Казахстане...» (стр. 85). — При жизни автора не печаталось. Посмертная публикация сделана М. И. Твардовской в альманахе «День поэзии. 1972». М., 1972, с. 207. Текст печатается по рукописи, где стихотворение датировано автором: «20. XI — 1955».

Моим критикам (стр. 86). — Впервые — в журнале «Новый мир», 1958, № 7, с. 36. Авторская датировка стихотворения: «1956» дана в четырехтомнике.

Порог Падун (стр. 87). — Впервые — в газете «Правда», 1957, 27 октября. В тексте газетной публикации после слов: «Тройным раскатом вторит ей» (конец 9-й строфы), было еще шесть строф, опущенных автором при включении стихотворения в книгу: А. Твардовский. Стихи о Сибири. М., «Правда», 1958, с. 20—21. В стихотворение, сравнительно с первой публикацией, автором внесена и другая правка.

...Порог Падун еще далек. — Порог Падун расположен в Падунском сужении среднего течения р. Ангары, недалеко от г. Братска.

Две Оки (стр. 89). — Впервые — в газете «Правда», 1957, 24 ноября.

У этой реки в глубине Сибири... — речь идет о реке Оке, левом притоке Ангары.

«Та кровь, что пролита недаром...» (стр. 91). — Впервые, под названием «Октябрьские строфы», — там же, где и предыдущее стихотворение. Заглавие снято автором при включении стихотворения в книгу: А. Твардовский. Стихи из записной книжки. 1936—1958. М., «Правда», 1959, с. 29.

...«Дело прочно, когда под ним струится кровь». — Строки из стихотворения Н. А. Некрасова «Поэт и гражданин».

«Не просто случай славы тленной...» (стр. 92). — Впервые — там же, где и предыдущее стихотворение. При включении в пятитомник из текста первой публикации автором были опущены четыре строки.

От Иркутска до Братска (стр. 93). — Впервые — в газете «Правда», 1958, 1 января. Тексту газетной публикации предпосланы строки: «Высоковольтная линия электропередачи Иркутск — Братск вступила в строй (из газет)».

...Будто влез на поло́к... — поло́к — помост в бане, на котором парятся.

«Я полон веры несомненной...» (стр. 96). — Впервые — в газете «Литература и жизнь», 1958, 6 апреля.

«Не знаю, как бы я любил...» (стр. 97). — Впервые — в журнале «Новый мир», 1958, № 7, с. 36—37.

«Вдоль новой в Москве магистрали...» (стр. 98). — Впервые, под названием «В канун годовщины», — в газете «Правда», 1958, 7 декабря. В стихотворении речь идет о посадке московскими комсомольцами лип вдоль Кутузовского проспекта в канун 40-летия Великой Октябрьской революции. Заглавие снято автором при включении стихотворения в четырехтомник (т. 3, с. 180).

Ты и я (стр. 99). О сущем (стр. 101). — Впервые — в газете «Правда», 1958, 7 декабря.

Разговор с Падуном (стр. 102). — Впервые — в газете «Правда», 1958, 19 января.

...Они пробили бечевник... — бечевник — полоса земли вдоль пологого берега судоходной реки (канала, озера).

...тяжкий бут... — бут — неотесанные камни, идущие на кладку фундамента, на засыпку русла рек при строительстве плотин.

Еще о Сибири (стр. 108). — Впервые — в газете «Правда», 1958, 9 февраля.

Старожил (стр. 110). — Впервые, с подзаголовком «Из сибирских стихов», — в газете «Правда», 1958, 13 апреля.

«Вся суть в одном-единственном завете...» (стр. 112). — Впервые — в журнале «Новый мир», 1958, № 7, с. 37 (номер подписан к печати 17 июля 1958 г.).

Усталость (стр. 113). Свидетельство (стр. 114), Собратьям по перу (стр. 115). — Впервые — в газете «Правда», 1958, 7 декабря.

Новоселье (стр. 116). — Впервые, под названием «На Смоленщине», с авторской датировкой: «июнь 1959 г.», — в газете «Правда», 1959, 21 июня. Название «Новоселье», с подзаголовком «На Смоленщине», дано в четырехтомнике (т. 3, с. 204—206). Там же проставлена двойная авторская датировка: «1955—1959». Подзаголовок снят автором при включении стихотворения в пятитомник.

Московское утро (стр. 118). — Впервые, с авторской датировкой «1957—1959», — в журнале «Новый мир», 1959, № 3, с. 111—116.

У Падуна (стр. 125). — Впервые, с указанием времени и места написания: «19 июня 1959 года. Братск», — в газете «Правда», 1959, 21 июня.

Байкал (стр. 126). — Впервые — в газете «Правда», 1959, 3 июля, с указанием места и времени написания: «Иркутск, июль, 1959 г.». В тексте газетной публикации был иной зачин 4-й строфы и отсутствовала строфа 6-я. Окончательный вариант дан автором в пятитомнике.

От скальных круч Хамар-Дабана... — Хамар-Дабан — горный хребет в Забайкалье на территории Бурятской АССР.

«Не хожен путь...» (стр. 128). «Жить бы мне век соловьем-одиночкой...» (стр. 129). — Впервые — в газете «Правда», 1959, 29 августа. В газетной публикации первое стихотворение было озаглавлено «Поэту», второе — «В тихом краю». Названия обоих стихотворений сняты автором при включении их в четырехтомник (т. 3, с. 228, 229).

Дорога дорог (стр. 130). — Впервые — в газете «Правда», 1959, 7 ноября.

В тайге Приморья (стр. 132). «Некогда мне над собой измываться...» (стр. 133). — Публикаций в периодике не установлено. Первая книжная публикация обоих стихотворений — четырехтомник (т. 3, с. 226 и 235).

Новогодняя басня (стр. 134). — Впервые — в газете «Правда», 1960, 1 января.

Горные тропы (стр. 138). — Публикаций в периодике не установлено. Первая книжная публикация — четырехтомник (т. 3, с. 239).

На подвиг века (стр. 140). — Впервые — в газете «Известия», 1961, 5 октября, и в журнале «Новый мир», 1961, № 10 [с. 3] (подписан к печати 30 сентября 1961 г.), где стихотворением Твардовского открывался этот номер, посвященный предстоящему XXII съезду КПСС. Стихотворение положено на музыку композитором Л. Шульгиным и, под названием «Во имя счастья», вместе с нотами опубликовано в журнале «Советский воин», 1964, № 7, с. 45.

Космонавту (стр. 141). — Впервые — в журнале «Новый мир», 1962, № 2, с. 3—4.

...Прости меня, разведчик мирозданья, чьим подвигом в веках отмечен век... — Имеется в виду Ю. А. Гагарин (1934—1968), совершивший первый в мире полет в космос на космическом корабле «Восток».

«Оркестры смолкли, отзвучали речи...» (стр. 143). — Впервые — в журнале «Новый мир», 1969, № 1, с. 45. Написано по поводу встречи после двадцатипятичасового космического полета (с 6 по 7 августа 1961 г.) второго советского космонавта Г. С. Титова — на космическом корабле «Восток-2». Время написания стихотворения: «1961», указано автором в книге: А. Твардовский. Стихотворения. Поэмы. М., «Художественная литература», 1971 («Библиотека всемирной литературы»), с. 197.

Слово о словах (стр. 144). — Впервые — в газете «Правда», 1962, 5 мая, и в журнале «Новый мир», 1962, № 5, с. 93—94 (номер подписан к печати 28 апреля 1962 г.).

...Чтоб не мешать зерна с половой... — полова *(обл.)*—то же, что и мякина, — отходы при обмолоте и очистке зерна хлебных злаков.

«На пенсию! — последняя мечта...» (стр. 146). — При жизни автора не печаталось. Посмертная публикация сделана М. И. Твардовской в газете «Комсомольская правда», 1972, 17 декабря, в подборке «Из неопубликованного». Текст печатается по рукописи, где стихотворение датировано автором: «3.VI.1962».

«Есть книги — волею приличий...» (стр. 147). «Дробится рваный цоколь монумента...» (стр. 149). — Впервые — в журнале «Новый мир», 1965, № 9, с. 3—4.

«Мне сладок был тот шум сонливый...» (стр. 150). — Впервые — там же, где и два предыдущие стихотворения, с. 10.

«Посаженные дедом деревца...» (стр. 151). «Все сроки кратки в этом мире...» (стр. 152). «На новостройках в эти годы...». (стр. 153). «А ты самих послушай хлеборобов...» (стр. 154). Памяти матери (цикл) (стр. 156—159) («Прощаемся мы с матерями...», «В краю, куда их вывезли гуртом...», «Как не спеша садовники орудуют...», «— Ты откуда эту песню...»). «Как неприютно этим соснам в парке...» (стр. 160). «Как глубоко ни вбиты сваи...» (стр. 161). «Изведав жар такой работы...» (стр. 162). — Впервые — там же, где и предыдущее стихотворение, с. 4—11.

Цикл «Памяти матери» посвящен матери поэта — Марии Митрофановне Твардовской (1888—1965).

В стихотворении «Как глубоко ни вбиты сваи...» Твардовский выражает мысль, которая была высказана им в очерке «Заметки с Ангары»: «Угроза со стороны реки, мирно и трудолюбиво несущей свою нагрузку, где-то там, вверху, вращающей турбины и подобные гигантским стволам мачтовых сосен турбинные валы, — угроза эта не прекращается ни на один час в течение всей жизни электростанции как сооружения...» (см. т. 4 пятитомника, с. 513, и т. 4 наст. собр. соч.).

Под греблей, сталью проплетенной... — гребля *(южн.)* — плотина, насыпь на топком месте.

«Чернил давнишних блеклый цвет...» (стр. 163). «Ночью все раны больнее болят...» (стр. 164). — Впервые — в журнале «Новый мир», 1966, № 12, с. 92, в подборке «Стихи из записной книжки» с общей авторской датировкой: «1964—1966».

«Не жди, когда полномочной...» (стр. 165). — При жизни автора не печаталось. Посмертная публикация сделана М. И. Твардовской в газете «Комсомольская правда», 1972, 17 декабря, в подборке «Из неопубликованного». Текст печатается по рукописи, где стихотворение датировано автором: «5.VII — 1965».

«День прошел, и в неполном покое...» (стр. 166). «Как после мартовских метелей...» (стр. 167). «...И жаворонок, сверлящий небо...» (стр. 168). «Погубленных березок вялый лист...» (стр. 169). «Газон с утра из-под машинки...» (стр. 170). «Июль — макушка лета...» (стр. 171). «Просыпаюсь по-летнему...» (стр. 172). «Есть имена и есть такие даты...» (стр. 173). «Листва отпылала...» (стр. 174). «Многоснежная зима...» (стр. 175). «Который год мне снится, повторяясь...» (стр. 176). «Я знаю, никакой моей вины...» (стр. 177). «Лежат они,

глухие и немые...» (стр. 178). «Стой, говорю: всему помеха...» (стр. 179). Береза (стр. 180). — Впервые — в журнале «Новый мир», 1966, № 12, с. 93—98, в подборке «Стихи из записной книжки», с общей авторской датировкой: «1964—1966».

«Такою отмечен я долей бедовой...» (стр. 182). «— В живых-то меня уже нету...» (стр. 183). «Я сам дознаюсь, доищусь...» (стр. 184). «Спасибо за утро такое...» (стр. 185). — Впервые в журнале «Юность», 1967, № 5, с. 53.

Перечисленные выше стихотворения — от «Чернил давнишних блеклый цвет...», кончая «Спасибо за утро такое...» (кроме публикуемого по рукописи «Не жди, когда полномочной...»), были помещены автором в 3-й том пятитомника под общим заглавием «Стихи из записной книжки» и с общей датировкой: «1964—1967». В настоящем томе датировки под отдельными стихотворениями, вошедшими в 3-й том пятитомника, даются по книге: А. Твардовский. Стихотворения. Поэмы. М., «Художественная литература», 1971 («Библиотека всемирной литературы»), которую готовил и корректуру которой еще держал автор; в нескольких случаях стихотворения датированы по рабочим тетрадям поэта. Исправлена также указанная в томе БВЛ датировка стихотворения: «Стой, говорю: всему помеха...» (1966 — вместо ошибочной 1967).

На сеновале (стр. 186). «Отыграли по дымным оврагам...» (стр. 190). «На дне моей жизни...» (стр. 191). «Огромный, грузный, многоместный...» (стр. 192). «Чуть зацветет иван-чай...» (стр. 193). «Там-сям дымок садового костра...» (стр. 194). «Полночь в мое городское окно...» (стр. 195). — Впервые — в журнале «Новый мир», 1969, № 1, с. 43—47, в подборке «Стихи из записной книжки», с общей авторской датировкой: «1967—1968».

...В междуречье Пахры и Десны. — Река Пахра — правый приток Москвы-реки; р. Десна — левый приток р. Пахры. В писательском дачном поселке на реке Пахре А. Т. Твардовский жил последние годы жизни.

Чуть зацветет иван-чай... — Иван-чай — народное название широко распространенной многолетней травы кипрея. Цветы иван-чая, розовые или пурпурные кисти, — один из лучших медоносов.

Памяти Гагарина (стр. 196). — Впервые — в журнале «Новый мир», 1968, № 4, с. 3—4. Стихотворение написано по поводу трагической гибели в авиационной катастрофе 27 марта 1968 г. первого советского космонавта Ю. А. Гагарина.

Ах, этот день двенадцатый апреля... — 12 апреля 1961 г. Юрий Гагарин совершил первый в мире полет в космос на космическом корабле «Восток».

...Когда безвестный сын земли смоленской... — Ю. А. Гагарин родился 9 марта 1934 г. в с. Клушино Гжатского района Смоленской обл.

Цветет ветла в кустах над речкой Гжатью... — р. Гжать, приток Вазузы (бассейн Волги), протекает через г. Гагарин (до 1968 г. — Гжатск).

«В чем хочешь человечество вини...» (стр. 198). «Допустим, ты свое уже оттопал...» (стр. 199). «Время, скорое на расправу...» (стр. 200). «К обидам горьким собственной персоны...» (стр. 201). — Впервые — в журнале «Новый мир», 1969, № 1, с. 47—49, в подборке «Стихи из записной книжки», с общей авторской датировкой: «1967—1968».

Перечисленные выше стихотворения — от «На сеновале», кончая «К обидам горьким собственной персоны...» — были помещены автором в 5-й том пятитомника в раздел «Из новых стихотворений» с общей датировкой: «1967—1968». В настоящем томе даты под отдельными стихотворениями, входившими в пятый том, даны по книге: А. Твардовский. Стихотворения. Поэмы. М., «Художественная литература», 1971 («Библиотека всемирной литературы»). Исправлена ошибочная (1967) датировки стихотворения «Памяти Гагарина».

«В случае главной утопии...» (стр. 202). — При жизни автора не печаталось. Посмертная публикация сделана М. И. Твардовской в журнале «Дружба народов», 1973, № 1, с. 75. Текст печатается по рукописи, где стихотворение датировано автором: «15. III — 1969».

«Когда обычный праздничный привет...» (стр. 203). «Не заслоняй святую боль...» (стр. 204). «Всему свой ряд, и лад, и срок...» (стр. 205). «Нет ничего, что раз и навсегда...» (стр. 206). — При жизни автора не печатались. Посмертно опубликованы М. И. Твардовской в газете «Комсомольская правда», 1972, 28 октября, в подборке «Из последних стихов». Публикации предпослана редакционная врезка: «Сегодня «Комсомольская правда» печатает последний цикл А. Т. Твардовского. Стихи, которые поэт готовил к печати и не успел опубликовать. Стихи эти предоставлены «Комсомольской правде» вдовой поэта М. И. Твардовской». Текст печатается по рукописи, подготовленной автором к публикации. Расположение и даты

написания под каждым стихотворением (1969) принадлежат Твардовскому.

«Что нужно, чтобы жить с умом...» (стр. 207). — При жизни автора не печаталось. Посмертно опубликовано М. И. Твардовской там же, где и четыре предыдущие стихотворения. Текст печатается по рукописи (дневниковой записи), не имеющей авторской датировки. Предположительная датировка 23 сентября 1969 г.: предшествующая ей запись датирована 22, а следующая за ней — 24 сентября 1969 г.

«Час мой утренний, час контрольный...» (стр. 208). — При жизни автора не печаталось. Посмертная публикация сделана М. И. Твардовской в газете «Комсомольская правда», 1972, 17 декабря, в подборке «Из неопубликованного». Текст печатается по рукописи, датированной автором: «6. VI — 1970».

ЗА ДАЛЬЮ — ДАЛЬ

(стр. 211)

Над поэмой «За далью — даль» Твардовский начал работать в 1949 году, свидетельство чему — авторская датировка публикации последней главы «До новой дали» (1949—1960) в газете «Правда», 1960, 1 мая. Главы поэмы по мере их написания печатались в газетах и журналах («Правда», «Известия», «Литературная газета», «Новый мир», «Огонек», «Звезда Востока» и др.), в некоторых коллективных сборниках («Литературная Москва»), а также в отдельных книгах поэта: А. Твардовский. Послевоенные стихи. 1945—1952. М., «Молодая гвардия», 1952; А. Твардовский. Стихотворения и поэмы. М., «Молодая гвардия», 1954; А. Твардовский. Стихотворения и поэмы в двух томах. М., Гослитиздат, 1954, т. 2; А. Твардовский. Огни Сибири. Из книги «За далью — даль». М., «Правда», 1956 (б-ка «Огонек», № 29); А. Твардовский. За далью — даль. 1955—1956. М., «Правда», 1956 (б-ка «Огонек», № 44) и др.

Полный текст поэмы вышел в свет в 1960 году (А. Твардовский. За далью — даль. М., Гослитиздат, 1960). Тексту поэмы предпослано авторское вступление: «Настоящее издание книги «За далью — даль» является первым, по завершению автором работы над ней, полным изданием. Публиковавшиеся в разное время по мере написания главы, ныне в отдельных случаях дополненные или переработанные, представлены здесь в последо-

вательности, обусловленной общим планом и содержанием книги в целом. Автор».

Однако в 1961 году почти одновременно в Гослитиздате и в издательстве «Советский писатель» вышло «наново выверенное и отчасти исправленное», по свидетельству автора, издание (см. А. Твардовский. О литературе. М., «Современник», 1973, с. 418, — письмо А. М. Р—ну от 29 мая 1961 г.): А. Твардовский. За далью — даль. Сибирские стихи. М., Гослитиздат, 1961. «Роман-газета» № 8 (подписано к печати 29 марта 1961 г.), и А. Твардовский. За далью — даль. М., «Советский писатель», 1961 (подписано к печати 3 мая 1961 г.). Обеим книгам предпослана следующая врезка: «Постановлением Комитета по Ленинским премиям в области литературы и искусства при Совете Министров СССР Твардовскому Александру Трифоновичу за поэму «За далью — даль» присуждена Ленинская премия 1961 года».

Но и после того, как поэма была отмечена Ленинской премией, автор не прекращал работы над ней: в некоторые главы вносились изменения, дополнения, весь текст поэмы подвергался авторской шлифовке (изменялись строфика, знаки препинания и пр.). Окончательный вариант дан автором лишь в третьем томе пятитомника.

За далью — даль (стр. 211). — Впервые, под тем же названием, с подзаголовком «Из путевого дневника», — в «Литературной газете», 1951, 21 июня. В дальнейшем текст газетной публикации был подвергнут кардинальной переработке: опущена одна строфа после слов: «И до Берлина провожали...» (конец 22-й строфы), строфы с 35-й по 49-ю, после значительной правки, перенесены в начало главы «Семь тысяч рек» (см. прим. к этой главе), опущено десять строф в конце главы. Взамен опущенных автор дополнил главу завершающей строкой: «На Спасской башне полночь бьет...» и двумя предшествующими ей строфами. Впервые окончательный вариант главы дан в книге: А. Твардовский. За далью — даль. Сибирские стихи. «Роман-газета», 1961, № 8.

...Страда защитников Кореи. — Имеется в виду освободительная война корейского народа в 1950—1953 гг. против империалистической агресссии.

И вы, что горе привезли на этот берег возрожденный... — Свыше половины вооруженных сил, участвовавших в корейской войне, были американскими.

...Заводы — беженцы войны... — Во время Великой Отечественной войны многие крупные заводы были эвакуированы в

восточные районы страны, главным образом в Сибирь и на Урал.

В дороге (стр. 216). — Впервые, без названия, — в журнале «Новый мир», 1953, № 6, с. 79—83, как последняя глава этой публикации. В сноске к публикации сказано: «Публикуемые главы являются частью большой работы, задуманной автором». Текст журнальной публикации начинался с теперешней 5-й строфы. Первые четыре строфы были перенесены автором из не вошедшей в канонический текст поэмы главы, впервые опубликованной в журнале «Новый мир», 1954, № 3. В тексте первой публикации по-иному читались строки 12-я и 13-я. Название «В дороге» впервые дано автором в книге: А. Твардовский. За далью — даль. М., «Правда», 1954 (б-ка «Огонек», № 8, с. 28—32). Окончательный вариант этой главы дан в книге: А. Твардовский. За далью — даль. М., Гослитиздат, 1960.

Не метусись, как критик вздорный... — метуситься (митуситься) — суетиться.

Семь тысяч рек (стр. 222). — Начало главы (с 1-й по 4-ю и с 6-й по 16-ю строфы) впервые — в «Литературной газете», 1951, 21 июня (см. прим. к главе «За далью — даль»). Строфы с 19-й по 26-ю, под названием «Семь тысяч рек», впервые — в газете «Правда», 1953, 19 февраля. В дальнейшем текст главы подвергался неоднократной авторской правке. Окончательный вариант дан в книге: А. Твардовский. За далью — даль. Сибирские стихи. «Роман-газета», 1961, № 8.

...Что от Валдая до Урала... — река Волга берет начало на Валдайской возвышенности.

Ее стремленью уступила водораздельная гора. — Волго-Донской судоходный канал проходит вдоль подножья Ергеней через водораздел между Волгой и Доном.

И стало явью то, что было мечтой еще царя Петра... — Проблема соединения рек Волги и Дона имеет многовековую историю. Еще в XVII в. царь Петр I предпринял попытку построить судоходный канал между Волгой и Доном, не увенчавшуюся, однако, успехом. Постройка нынешнего Волго-Донского судоходного канала была начата перед Великой Отечественной войной и возобновлена по ее окончании в 1948—1952 гг. Открытие Волго-Донского судоходного канала имени В. И. Ленина состоялось 27 июля 1952 г.

Две кузницы (стр. 227). — Впервые, под тем же названием, с подзаголовком «Из путевого дневника», — в газете «Известия», 1952, 23 сентября. В дальнейшем из текста газетной публикации автор опустил шесть строф: пять в конце и одну

после слов: «В работе видеть боевой» (конец 20-й строфы). Остальной текст был подвергнут некоторой авторской правке. Окончательный вариант главы дан в книге: А. Твардовский. За далью — даль. М., Гослитиздат, 1960.

...Стояла кузница в Загорье, и я при ней с рожденья рос. — А. Т. Твардовский родился в деревне Загорье Смоленского уезда Переснянской волости. Отец поэта Трифон Гордеевич Твардовский (1888—1949) был кузнецом.

...Да скрип мехов, да шум огня... — мех (мехи́) — специальное устройство для нагнетания воздуха и раздувания огня в кузнечном горне.

...Что без железной кочедыжки... — кочедык, кочедыжка *(обл.)* — инструмент для плетения лаптей.

И садкий бой кувалды древней... — кувалда — тяжелый ручной молот.

Я запах, издавна знакомый, огня с окалиной вдыхал... — окалина — окисел, образующийся на поверхности раскаленного металла при ковке или прокате.

Две дали (стр. 232). — Впервые, без названия, — в журнале «Новый мир», 1953, № 6, с. 69—73, как четвертая глава этой публикации. В тексте журнальной публикации не было строф с 24-й по 28-ю (со слов «Меня, опять же, не убудет...» до «В Союз писателей пойду...»), позднее перенесенных автором после некоторой правки из варианта главы «Огни Сибири», опубликованного в литературно-художественном сборнике московских писателей «Литературная Москва». М., Гослитиздат, 1956, с. 494—500 (подписан к печати 17 февраля 1956 г.). Название «Две дали» впервые дано автором в книге: А. Твардовский. За далью — даль. М., «Правда», 1954 (б-ка «Огонек», № 8, с. 16—20). Окончательный вариант главы впервые — в книге: А. Твардовский. За далью — даль. Сибирские стихи. «Роман-газета», 1961, № 8.

...Он был один, был просто город. — Твардовский имеет в виду Смоленск. «В раннем возрасте у человека есть только один город — город, в котором он родился, или город, ближайший к его местожительству. С детства, помню, у нас не говорили «Смоленск» — говорили «город»... Город Смоленск был у нас за все города» (см. пятитомник, т. 4, с. 305, и т. 4 наст. собр. соч.).

Тогда забьюсь в куток под лавкой... — куток *(обл.)* — отгороженное где-нибудь в помещении место, уголок.

— Какая станция? — Тайга. — Имеется в виду железнодорожная станция Тайга в Алтайском крае, к югу от Томска.

Литературный разговор (стр. 238). — Впервые, без

названия, — там же, где глава «Две дали», с. 74—79. В дальнейшем текст был подвергнут некоторой авторской доработке. Название «Литературный разговор» впервые дано автором в книге: А. Твардовский. За далью — даль. М., «Правда», 1954 (б-ка «Огонек», № 8, с. 20—27). Окончательный вариант — в книге: А. Твардовский. За далью — даль. М., Гослитиздат, 1960.

...поп с медалью восьмисотлетия Москвы... — Медаль «В память 800-летия Москвы» была учреждена 20 сентября 1947 г.

Ну, до какой-нибудь Могочи... — железнодорожная станция Могоча расположена при впадении реки Могочи в реку Амазар, левый приток Амура (Хабаровский край).

Вот в чем секрет, аника-воин... — Аника-воин *(фолькл.)* — герой древнерусского народного сказания, который, похваляясь своей непобедимостью, вызвал на поединок Смерть и погиб в борьбе с ней. Его имя стало нарицательным для обозначения задорного, хвастливого человека.

Огни Сибири (стр. 247). — Впервые, под тем же названием, с подзаголовком «Из книги «За далью — даль», — в газете «Правда», 1955, 16 октября. Текст газетной публикации начинался с теперешней 6-й строфы. В качестве зачина окончательного варианта главы автор использовал 4-ю строфу газетной публикации. Весь текст главы был подвергнут значительной переработке. Строфы с 8-й по 15-ю с некоторой правкой и купюрами перенесены автором из стихотворения «Тайга», впервые опубликованного в газете «Правда», 1957, 27 октября, и под названием «Сибирская земля» включенного в книгу: А. Твардовский. Стихи о Сибири. М., «Правда», 1958 (б-ка «Огонек», № 27). Окончательный вариант главы впервые — в книге: А. Твардовский. За далью — даль. Сибирские стихи. «Роман-газета», 1961, № 8.

...Твой Александровский централ и твой бродяга с Сахалина... — Имеются в виду русские народные песни «Александровский централ» («Далеко в стране Иркутской...») и «Глухой неведомой тайгою...».

...Звучит и в песнях, с бурей споря, о диком бреге Иртыша и о твоем священном море... — Имеются в виду ставшие народными песни «Смерть Ермака» на слова поэта-декабриста К. Ф. Рылеева (1795—1826) и «Славное море, священный Байкал» — несколько измененный вариант стихотворения сибирского учителя и поэта Д. П. Давыдова (1811—1888) «Думы беглеца на Байкале».

С самим собой (стр. 252). — Впервые — в журнале «Огонек», 1955, № 43, с. 6, как самостоятельное стихотворение «Нет,

жизнь меня не обделила...». Текст журнальной публикации начинался с теперешней 10-й строфы. Начало главы (с 1-й по 9-ю строфы) с некоторой правкой, перекомпоновкой и купюрами перенесено автором из значительно разнившегося от первой публикации варианта главы «Огни Сибири», опубликованного в литературно-художественном сборнике московских писателей «Литературная Москва». М., Гослитиздат, 1956. Название «С самим собой» впервые дано автором в книге: А. Твардовский. За далью — даль. М., Гослитиздат, 1960, с. 83—92. Окончательный вариант главы впервые — в пятитомнике.

Я не позволю на мякину тебя заманивать хитро. — Твардовский имеет в виду русскую народную пословицу: «Старого воробья на мякине не проведешь». *Мякина* — см. прим. к стихотворению «Слово о словах».

Друг детства (стр. 256). — Впервые — в литературно-художественном сборнике московских писателей «Литературная Москва», с. 500—505. Из текста первой публикации в дальнейшем автором была опущена одна строфа, следовавшая после слов: «Чтоб в поезд к другу пересесть...» (конец 32-й строфы), добавлена строфа 16-я. Окончательный вариант впервые — в книге: А. Твардовский. За далью — даль. М., Гослитиздат. 1960.

...Жена найдет себе другого, а мать... — Имеется в виду концовка русской народной песни «Глухой неведомой тайгою...»:

Жена найдет себе другого,
А мать сыночка никогда.

Фронт и тыл (стр. 263). — Впервые, с тем же названием и подзаголовком «Глава из книги «За далью — даль», — в газете «Правда», 1958, 23 февраля. В текст газетной публикации в дальнейшем внесена некоторая авторская правка. Окончательный вариант впервые — в книге: А. Твардовский. За далью — даль. М., 1960.

...Любимец публики Сурков. — Сурков А. А. (р. 1899) — русский советский поэт, автор многих популярных песен, в том числе написанных в годы Великой Отечественной войны: «Песня смелых», «Бьется в тесной печурке огонь...», «Песня защитников Москвы» и др.

Должно быть там с овчинку небо... — Имеется в виду устойчивый фразеологизм «Небо с овчинку показалось (покажется)», употребляющийся в случаях, когда речь идет об утрате способности что-либо видеть, воспринимать при сильном потрясении (страхе, боли).

Посеял карточки в трамвае... — Во время Великой Отечественной войны была введена карточная система на продукты питания и основные промышленные товары.

...Давать в дорогу аттестат. — Аттестат — документ, удостоверяющий право военнослужащего на пищевое, вещевое и денежное довольствие. Выдавался при переводе в другую часть, отъезде в командировку или в отпуск.

Москва в пути (стр. 272). — Впервые, под названием «Молодожены», с подзаголовком «Из книги «За далью — даль», — в газете «Правда», 1956, 3 июня. Текст газетной публикации в дальнейшем подвергнут некоторой авторской правке. Название «Москва в пути» впервые дано автором в книге: А. Твардовский. За далью — даль. М., Гослитиздат, 1960, с. 124—138. Окончательный вариант впервые — в книге: А. Твардовский. За далью — даль. Сибирские стихи. «Роман-газета», 1961, № 8.

На Ангаре (стр. 280). — Впервые, с тем же названием и подзаголовком «Глава из книги «За далью — даль», — в газете «Правда», 1957, 9 сентября. В дальнейшем из текста газетной публикации было опущено две строфы: одна — после слов: «И экскаваторов ковши...» (конец 3-й строфы), вторая — после слов: «Все тот же был Байкальский тыл...» (конец 62-й строфы). В текст главы внесена и некоторая другая авторская правка. Окончательный вариант дан в пятитомнике.

...Все, словом, было наготове для перекрытья Ангары. — Перекрытие Ангары в ее Падунском сужении произошло 19 июня 1959 г. (см. А. Твардовский. Заметки с Ангары. Пятитомник, т. 4, с. 498, и т. 4 наст. собр. соч.).

А там еще и Братск, и Устье, а там и братец Енисей... — Братск — город в Иркутской области. Возник в 1955 г. севернее старинного поселка (Братского острога), основанного русскими в 1631 г. Устье — населенный пункт, расположенный северовосточнее порога Бурный в бассейне рек Ангары и ее левого притока — р. Тасеева.

...И, точно танки РГК, двадцатитонные «минчане»... — танки РГК — танки Резерва Главного Командования. Двадцатитонные «минчане» — самосвалы марки «МАЗ» (Минского автомобильного завода).

...Кому открыть по гребле путь. — Гребля — см. прим. к стихотворению «Как глубоко ни вбиты сваи...».

К концу дороги (стр. 296). — Впервые — в газете «Правда», 1960, 29 апреля, и в журнале «Новый мир», 1960, № 5, с. 3—9 (номер подписан к печати 26 апреля 1960 г.). Тексту

газетной публикации предпослана редакционная врезка: «Александр Твардовский закончил поэму «За далью — даль». Главы из нее на протяжении последних лет печатались на страницах «Правды», «Нового мира» и выходили отдельными изданиями. Сегодня мы знакомим читателей с заключительными главами этой книги. Они публикуются также в майском номере журнала «Новый мир». Из текста газетной публикации опущено четыре строфы — три после слов: «Я как бы наново постиг...» (конец 4-й строфы) и одна после слов: «Что здесь не тронул дровосек...» (конец 50-й строфы). В тексте газетной публикации не было строф с 5-й по 15-ю. Впервые они даны автором в книге: А. Твардовский. За далью — даль. М., Гослитиздат, 1960, с. 170—174. В текст главы внесена и некоторая иная правка.

И транссибирской магистралью... — Транссибирская магистраль, или Великий Сибирский железнодорожный путь, связала Урал с Дальним Востоком. Строительство пути началось одновременно с двух концов: от Челябинска и от Владивостока. 19 мая 1891 г. во Владивостоке был заложен первый камень, положивший начало строительству дороги.

Что родом тюхи да матюхи, да простаки, да ваньки мы. — «Тюха» (*простореч.*) — растяпа, разиня. В том же значении с усилительным оттенком употребляется фразеологизм «тюха-матюха» или «тюха да матюха». «Ванька» — городской легковой извозчик с бедной упряжью и плохой лошадью.

И под крутой скалой Пурсеем... — Скала (утес) Пурсей находится на левом берегу реки Ангары близ ее Падунского сужения. Пурсей вдается в реку, благодаря чему образовалось естественное сужение реки. Это обстоятельство обусловило выбор места для сооружения плотины Братской ГЭС, воздвигнутой между Пурсеем и находящимся на правом берегу Ангары утесом Журавлиная грудь.

...В тот Александровский централ... — Александровский централ — центральная каторжная тюрьма, построенная в 1873 г. в с. Александровском (в 76 км к северо-западу от Иркутска).

...Ученый друг его Арсеньев и наш Фадеев молодой. — Арсеньев В. К. (1872—1930) — исследователь Дальнего Востока, этнограф, писатель. Автор книг «По Уссурийскому краю», «Дерсу Узала», «В горах Сихотэ-Алиня» и др. Фадеев А. А. (1901—1956) — русский советский писатель и общественный деятель. Многие его произведения (повести «Разлив», «Против течения», романы «Разгром», «Последний из удэге») своей тематикой тесно связаны с Дальним Востоком.

И наш над ним приморский город, что Ленин нашенским назвал... — Твардовский имеет в виду последнее выступление Ленина вечером 20 ноября 1922 г. на пленуме Московского Совета: «И вот, взятие Владивостока показало нам (ведь Владивосток далеко, но ведь это город-то нашенский) ...показало нам всем всеобщее стремление к нам, к нашим завоеваниям» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, с. 302—303). Владивосток был освобожден от японских интервентов 25 октября 1922 г.

Так это было (стр. 306). — Впервые — в газете «Правда», 1960, 29 апреля, и в журнале «Новый мир», 1960, № 5, с. 9—18. Строфы с 54-й по 58-ю и две строфы концовки (со слов: «Спасибо, Родина, за счастье...»), с некоторой авторской правкой и купюрами, перенесены из главы, опубликованной в журнале «Новый мир», 1954, № 3, с. 3—7, и не вошедшей в канонический текст поэмы. Из текста первых публикаций опущено: три строфы после слов: «Ты помнишь все, отчизна-мать...» (конец 30-й строфы), две строки в середине 37-й строфы (после слов: «Уже сомкнулся с Волгой Дон..»), одна строфа — после слов: «С самим собою мягче стал...» (конец 67-й строфы), одна — после слов: «Он в наши дует паруса...» (конец 73-й строфы), и три после слов: «Его к суровому ответу особый вытребует суд...» (конец 81-й строфы). В текст главы внесена и некоторая другая авторская правка. Окончательный вариант главы дан в пятитомнике.

Уже не баловал Калинин кремлевским чаем ходоков... — Калинин Михаил Иванович (1875—1946) — председатель ВЦИК с 1919 г., а с 1938 г. — Председатель Президиума Верховного Совета СССР. Как «всесоюзный староста» пользовался широкой популярностью в народе.

...Сдавали чохом города. — «Чохом» *(простореч.)* — разом, все сразу.

...А мать-кормилица с котомкой в Москву за песнями бредет... — Имеется в виду устойчивый фразеологизм: «Отправиться в Москву за песнями» — так говорят о человеке, которого гонит из дому нужда неведомо куда и за чем.

...в силу поговорки насчет пера и топора... — Имеется в виду русская народная поговорка: «Что написано пером, того не вырубишь топором».

До новой дали (стр. 317). — Впервые, под названием «За далью — даль», с подзаголовком «До новой дали», — в газете «Правда», 1960, 1 мая, и в журнале «Новый мир», 1960, № 5, с. 18—22 (см. прим. к главе «К концу дороги»). Текст газетной публикации снабжен авторской датировкой: «1949—1960 гг.», журнальной — «1950—1960 гг.». Из текста газетной публикации

после слов: «Для «Правды» копии храня...» (конец 24-й строфы) опущено две строфы. Внесена и некоторая другая правка. Окончательный вариант главы дан в пятитомнике.

...Неровен бедный мой уток... — уто́к *(спец.)* — поперечные нити ткани, пересекающиеся с продольными (основой).

ТЕРКИН НА ТОМ СВЕТЕ

(стр. 325)

Впервые — в газете «Известия», 1963, 17 августа, и в журнале «Новый мир», 1963, № 8, с. 3—42 (номер подписан к печати 21 августа 1963 г.).

Газетная публикация сопровождается сноской, в которой сказано: «Поэма «Теркин на том свете» печатается в выходящей на днях восьмой книге журнала «Новый мир». С любезного разрешения редакции журнала мы публикуем сегодня полный текст поэмы». Текст газетной публикации снабжен авторской датировкой: «1945—1963». В дальнейшем поэма была подвергнута некоторой авторской правке.

Аттестат в каптерку сдашь... (с. 330). — Аттестат — см. прим. к главе «Фронт и тыл» поэмы «За далью — даль». Каптерка *(воен. жарг.)* — помещение для хранения и выдачи продовольствия, обмундирования и оружейного инвентаря.

Раз уж я отдал концы... (с. 330). — «Отдать концы» *(жарг.)* — умереть.

...Да шкафы, да вертлюги (с. 331). — «Вертлюг» — специальное устройство с круглыми или четырехугольными полками, вращающееся вокруг своей оси. Используется в аптеках, сберкассах, библиотеках для хранения лекарств, документов, книг.

...Авто-био опиши... (с. 332). — «Авто-био» *(простореч.)* — автобиография.

...В мрачной той юдоли (с. 337). — Юдоль *(церковно-книжн., поэтич., устар.)* — долина, дол; в переносном значении — жизненный путь, жизнь с ее заботами и печалями.

...Новым, видите ли, Дантом объявиться захотел (с. 343). — Данте Алигьери (1265—1321) — великий итальянский поэт эпохи Возрождения. В данном случае имеется в виду его поэма «Божественная комедия», задуманная как «видение» — странствие поэта по загробному миру — и состоящая из трех частей: «Ад», «Чистилище», «Рай».

...И не ведал бы прорух... (с. 343). — «Проруха» *(простореч.)* — ошибка, оплошность, промах.

...Не на трех стоит китах (с. 349). — Намек на народное поверье о том, что Земля держится на трех китах.

...Где тут кущи и сады? (с. 349). — Имеется в виду библейская легенда о райских садах и кущах. Кущи — зелень, заросли, чаща.

Им что вёдро, что ненастье... (с. 353). — Вёдро *(простореч.)* — ясная, сухая погода.

...И мочалка изо рта (с. 355). — Намек на образный фразеологизм «жевать мочалку» — нудно, долго говорить об одном и том же.

За рекой Угрой в землянке... (с. 366). — Река Угра — левый приток Оки, берет начало на юго-востоке Ельнинского района Смоленской области.

...Не доел кулеш свиной (с. 366). — Кулеш — похлебка (жидкая каша) из пшена или гречки, сваренная с мясом или салом.

От иных запросишь чуру... (с. 370) — Имеется в виду устойчивый народный фразеологизм: «Чур меня» — не хочу его; ну его!

...Из живых и сущих в нéти... (с. 376). — Быть в нетях — находиться в числе неживых, пропавших без вести. В старину «нетями» называли списки не явившихся по призыву на военную службу.

...За царицею полей (с. 377). — «Царицею полей» обычно называют один из основных родов войск — пехоту.

Р. Романова

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ, ВОШЕДШИХ В 1—3 ТТ. СОБРАНИЯ СОЧИНЕНИЙ А. Т. ТВАРДОВСКОГО

СОДЕРЖАНИЕ

СТИХОТВОРЕНИЯ

ЗА ДАЛЬЮ — ДАЛЬ

Твардовский А. Т.

Т26 Собрание сочинений. В 6-ти томах. Т. 3. Стихотворения (1946—1970). Поэмы. За далью — даль. Теркин на том свете. Примеч. А. Туркова и Р. Романовой. М., «Худож. лит.», 1978.

431 с.

В третий том Собрания сочинений вошли стихотворения 1946—1970 гг., поэмы «За далью — даль» и «Теркин на том свете».

Т $\frac{70402\text{-}151}{028(01)\text{-}78}$ подписное Р2

АЛЕКСАНДР ТРИФОНОВИЧ ТВАРДОВСКИЙ

Собрание сочинений в шести томах

ТОМ III

Редактор
В. Борисова

Технический редактор
Г. Лысенкова

Корректоры
Л. Коншина и Н. Замятина

ИБ № 483

Сдано в набор 05.08.77. Подписано в печать А00921 17.02.78. Бумага типографская № 1. Гарнитура «Обыкновенная». Высокая печать. Формат 84×108¹/₃₂. 22,68 усл. печ. л. 18,011 уч.-изд. л. Заказ № 699. Тираж 150 000 экз. Цена 2 руб. Издательство «Художественная литература». Москва, Б-78, Ново-Басманная, 19.

Ордена Трудового Красного Знамени Ленинградская типография № 2 имени Евгении Соколовой Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 198052, Ленинград, Л-52, Измайловский проспект, 29.

